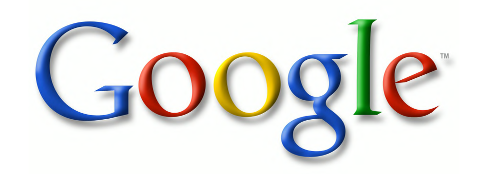
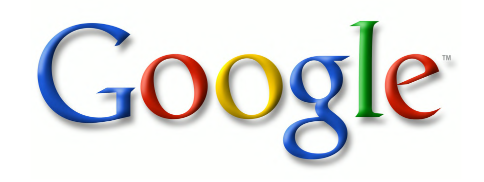

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

СОЧИНЕНІЯ

ВЪ

СТИХАХЪ и ПРОЗѢ.

Дениса Давыдова.

Второе изданіе, исправленное и дополненное.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Александра Смирдина.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 24 Декабря 1837 года.

Цензоръ *А. Никитенко*.

Изданіе книгопродавца А. Ф. Смирдина.

ПРОЗА.

ВСТРѢЧА

С Ъ

ВЕЛИКИМЪ СУВОРОВЫМЪ.

Посвящается Князю Александру Аркадьевичу Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому.

—

Съ семи-лѣтняго возраста я жилъ, подъ солдатскою палаткой, при отцѣ моемъ, который командовалъ тогда Полтавскимъ легкоконнымъ полкомъ: объ этомъ гдѣ-то было уже сказано. Забавы дѣтства моего состояли въ метаніи ружьемъ и въ маршированьи, а верхъ блаженства — въ ѣздѣ на казачьей лошади, съ покойнымъ Филиппомъ Михайловичемъ Ежовымъ, сотникомъ Донскаго Войска.

Какъ рѣзвому ребенку не полюбить всего военнаго при всечасномъ зрѣлищѣ солдатъ и лагеря? А *типъ* всего военнаго, Рускаго, роднаго военнаго, не былъ

ли тогда Суворовъ? Не Суворовымъ ли занимались и лагерныя сборища, и гражданскія общества того времени? Не онъ ли былъ предметомъ восхищеній и благословеній, заочно и лично, всѣхъ и каждаго? Его таинственность, происходившая отъ своенравныхъ странностей, которыя онъ постоянно употреблялъ наперекоръ условнымъ странностямъ свѣта; его предпріятія, казавшіяся задуманными какъ будто «очертя голову»; его молніелетные переходы; его громовыя побѣды на неожиданныхъ ни нами ни непріятелемъ точкахъ военныхъ дѣйствій, — вся эта поэзія событій, подвиговъ, побѣдъ, славы, продолжавшаяся нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду, все отзывалось въ свѣжей, молодой Россіи полною поэзіей — какъ все, что свѣжо и молодо!

Въ это время здравствовалъ еще знаменитый Румянцовъ, нѣкогда начальникъ Суворова, и нѣкоторые другіе вожди, украшавшіе вѣкъ чудесъ — вѣкъ Екатерины; но блескъ именъ ихъ тонулъ въ ослѣпительныхъ лучахъ этого самобытнаго, неразгадаемаго метеора, увлекшаго за собою весь міръ чувствъ, умовъ, вниманій и довѣренности своихъ соотчичей, ибо въ геніи его не было малѣйшаго противозвучія общей гармоніи мыслей, повѣрій, предразсудковъ, страстей, которыми исключительно они отличались. Этого мало: когда и понынѣ еще господствуетъ между чужеземцами мнѣніе, что войско наше безъ чувствъ, безъ порывовъ, безъ честолюбія, что оно движимо однимъ только страхомъ къ начальству, онъ, болѣе полустолѣтія тому назадъ, положилъ руку на сердце Русскаго солдата и изучилъ его біенье. Онъ увѣрился, что Русскій солдатъ, если не болѣе, то конечно не менѣе всякаго чужеземнаго солдата, причастенъ воспламененію

и познанію своего достоинства, и на этой увѣренности основалъ образъ своихъ съ нимъ сношеній. Находя повиновеніе начальству — этотъ необходимый и единственный склей всякой арміи — доведеннымъ въ нашей до совершенства, онъ не удовольствовался качествомъ, посредствомъ котораго достигнуть можно до нѣкоторой только извѣстной черты, не далѣе: онъ удесятерилъ пользу, приносимую повиновеніемъ, сочетавъ ее въ душѣ солдата съ чувствомъ воинской гордости и увѣренности въ превосходствѣ своемъ надъ всѣми солдатами въ мірѣ, — чувствомъ, котораго слѣдствію нѣтъ предѣловъ.

Но къ чему послужило бы, скажу болѣе, долго ли удержалось бы на своей высотѣ это подъятіе духа въ войскахъ, ввѣренныхъ его начальству, если бъ воинскія его дарованія, — я не говорю уже о непоколебимой стойкости его характера и неограниченной его предпріимчивости, — если бъ воинскія его дарованія хотя немного уступали неустрашимости и самоотверженію, которыя онъ посѣялъ въ воинахъ, исполнявшихъ его предначертанія? Если бы, подобно всѣмъ полководцамъ своего времени, онъ продолжалъ итти тѣсною стезею искусства, проложеннаго посредственностью, и не шагнулъ исполински на пространство широкое, разгульное, которое имъ однимъ было угадано, и котораго до сей поры никто не посѣщалъ послѣ него, кромѣ Наполеона?

Случай, который я хочу разсказать, требуетъ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, чтобы сдѣлаться понятнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Онѣ не будутъ длинны.

Суворовъ засталъ военное искусство основаннымъ на самыхъ жалкихъ началахъ. Наступательное дѣйствіе состояло въ движеніи войскъ, растянутыхъ и разсѣянныхъ по чрезмѣрному пространству, чтобы, какъ говорили тогда, «охватить оба крыла противника и поставить его между двухъ огней». Оборонительное дѣйствіе не уступало въ нелѣпости наступательному. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь разсѣяніемъ войскъ противника, ударять совокупно на средину, разрѣженную и слабую отъ чрезмѣрнаго протяженія линіи, и, разорвавъ ее на двѣ части, поражать каждую порознь, — полководцы, дѣйствовавшіе оборонительно, растягивали силы свои наравнѣ съ наступательною арміею, занимая и защищая каждый путь, каждую тропинку, каждое отверстіе, которыми она могла къ нимъ приблизиться. Нѣкоторые, — и тѣ почитались уже превосходнѣйшими вождями, — нѣкоторые рѣшались измѣнять оборонительное дѣйствіе въ наступательное, растягивая силы свои еще болѣе растянутой непріятельской арміи, чтобы съ своей стороны «охватить оба ея крыла и поставить ее между двухъ огней» обоихъ крылъ своихъ. Къ этому надобно еще прибавить такъ называемыя демонстраціи отряженными частями арміи на далекое разстояніе, отъ чего только уменьшалась числительная сила главной массы, опредѣленной для боя; размѣренные переходы войскъ, которые только способствовали непріятелю разсчитывать время ихъ прибытія къ мѣтѣ, и слѣдственно предупреждать намѣренія ихъ начальника, и наконецъ бо́льшую заботливость о механическомъ устройствѣ подвозовъ съ пищею въ опредѣленные сроки, чѣмъ о предметахъ, касающихся собственно до битвъ, и тѣмъ самымъ полное подданство военныхъ соображеній и дѣйствій соображенію и дѣйствію чинов-

никовъ, управляющихъ способами пропитанія армій. Такова была стратегія того времени. Тактика представляла не менѣе нелѣпостей: когда дѣло доходило до сраженія, то важнѣйшія условія для принятія битвы состояли: въ избраніи возвышеннаго мѣстоположенія, въ примкнутіи обоихъ крылъ арміи къ искусственнымъ или природнымъ преградамъ, и въ отраженіи оттуда непріятельскихъ усилій, *не двигаясь съ мѣста.* При нападеніи на непріятеля, употребленіе фальшивыхъ аттакъ, которыя никого не обманывали, и дѣйствіе болѣе огнемъ, чѣмъ холоднымъ оружіемъ,—нигдѣ рѣшительности, вездѣ ощупь и колебаніе воли!

Можно представить, какъ поступилъ съ такими преградами геній безпокойный, своенравный, независимый. Еще будучи Полковникомъ Астраханскаго пѣхотнаго полка, на маневрахъ у Краснаго Села, гдѣ одна сторона предводительствуема была Графомъ Панинымъ, а другая не помню кѣмъ, Суворовъ, который давно уже негодовалъ на методическія движенія, почитаемыя въ то время во всей Европѣ за совершенство военнаго искусства, и на долговременную стрѣльбу во время боя, по мнѣнію его ничего нерѣшающую, осмѣлился показать великой Монархинѣ и своимъ начальникамъ образъ дѣйствія, приличнѣйшій духу Русскаго солдата, и испортилъ маневръ порывомъ своевольнымъ и неожиданнымъ. Среди одного изъ самыхъ педантскихъ движеній, сопряженнаго съ залпами «плутонгами и полуплутонгами», онъ вдругъ прекратилъ стрѣльбу своего полка, двинулся съ нимъ вонъ изъ линіи, ворвался въ средину противной стороны, замѣшалъ часть ея, и всѣ предначертанія и распоряженія обоихъ военачальниковъ перепуталъ и обратилъ

въ хаосъ. Спустя нѣсколько мѣсяцовъ, когда ему предписано было итти съ полкомъ изъ Петербурга въ Ригу, онъ не пропустилъ и этого случая, чтобъ не открыть глазъ и не обратить вниманія на пользу, какую могутъ принести переходы войскъ, выступающіе изъ принятаго разсчета, употребляемаго тогда всѣми безъ исключенія. Посадивъ одинъ взводъ на подводы и взявъ съ нимъ полковую казну и знамена, онъ прибылъ въ восемъ дней въ Ригу, и оттуда донесъ съ нарочнымъ о днѣ прибытія полка на опредѣленное ему мѣсто рапортомъ въ Военную Коллегію, изумленную такою поспѣшностью. Вскорѣ прибыла туда же и остальная часть полка, но не въ тридцать сутокъ, какъ предписано было по маршруту, а не болѣе какъ въ четырнадцать. Одна Екатерина во всей Россіи поняла и молодаго Полковника, и оба данныя имъ наставленія, и тогда же сказала объ немъ: «Это Мой собственный будущій Генералъ!» Послѣ такого слова, легко было, и не Суворову, итти къ цѣли свободно и безъ опасенія препятствій: что жъ долженъ былъ сдѣлать Суворовъ, съ своею предпріимчивостью, съ своею желѣзною волей, и какъ онъ этимъ воспользовался?

Онъ предалъ анаѳемѣ всякое оборонительное, еще болѣе отступательное, дѣйствіе въ Русской арміи, и сорокъ лѣтъ сряду, то есть, отъ перваго боеваго выстрѣла до послѣдняго дня своей службы, дѣйствовалъ не иначе, какъ наступательно.

Онъ совокуплялъ всѣ силы, и всегда воевалъ одною массою, что давало ему рѣшительное превосходство надъ

разсѣяннымъ образомъ дѣйствія *, принятымъ тогда въ Европѣ, — образомъ дѣйствія, употребляемымъ посредственностью, которая такъ часто дорывается до власти преимущественно передъ дарованіемъ.

Что касается до чистаго боеваго дѣйствія, Суворовъ или стоялъ на мѣстѣ, вникая въ движенія противника, или, проникнувъ ихъ, стремглавъ бросался на него усиленными переходами, которые донынѣ именуются «Суворовскими», и падалъ на него «какъ снѣгъ на голову».

Слѣдствіемъ такихъ летучихъ переходовъ, предпринимаемыхъ единственно для изумленія непріятеля внезапнымъ на него нападеніемъ во время его расплоха и неготовности къ бою, было предпочтеніе Суворовымъ холоднаго оружія огнестрѣльному. И нельзя быть иначе: не вытягивать же линіи и не завязывать дѣла канонадою и застрѣльщиками, чтобы, встревоживъ противника нечаяннымъ появленіемъ, дать ему время прійти въ себя, оглядѣться, устроиться и привести положеніе аттакованнаго въ равновѣсіе съ аттакующимъ! И весь этотъ образъ дѣйствія, имъ созданный, приспособленъ

* Разсѣяніе части арміи на осады нѣкоторыхъ крѣпостей въ Италіи принадлежитъ единственно Вѣнскому Военному Совѣту. Суворовъ неоднократно возставалъ на такой распорядокъ, и два раза просилъ себѣ отзыва изъ арміи. Не вмѣшивайся этотъ Совѣтъ въ его распоряженія, — нѣтъ сомнѣнія, что по превосходству числительной силы Суворова надъ силою Французской арміи и генія его надъ дарованіями Моро, союзныя войска еще въ іюлѣ мѣсяцѣ были бы въ границахъ Франціи; Макдональдъ, занимавшій Неаполь, увидѣлъ бы себя безъ сообщенія съ Франціею, и Массена, обойденный съ праваго своего фланга, принужденъ былъ бы оставить Швейцарію.

былъ къ мѣстностямъ и обстоятельствамъ его чудеснымъ, неизъяснимымъ даромъ мгновенной смѣтливости при избраніи выгоднѣйшаго стратегическаго пути между путями, разсѣкающими область, по которой надлежало ему двигаться, и тактической точки поля, на которомъ надлежало сражаться. По этому пути и на эту точку устремлялъ онъ всѣ свои силы, не развлекая ихъ ни какими посторонними происшествіями, случаями и предметами.

Этого-то человѣка судьба позволила мнѣ видѣть, и, что еще для меня лестнѣе, размѣняться съ нимъ нѣсколькими словами въ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни!

Вотъ какъ это было.

За нѣсколько мѣсяцовъ до возстанія Польши, Суворовъ командовалъ корпусомъ, расположеннымъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Херсонской. Корпусная квартира его была въ Херсонѣ. Четыре кавалерійскіе полка, входившіе въ составъ корпуса — Переяславскій конно-егерскій, Стародубовскій, Черниговскій карабинерные, и Полтавскій легко-конный—стояли лагеремъ близъ Днѣпра, въ разныхъ пунктахъ, но близкихъ одинъ къ другому. Полтавскій находился у села Грушевки, принадлежавшаго тогда Княгинѣ Еленѣ Никитишнѣ Вяземской, послѣ того Барону Штиглицу, а нынче не знаю кому. Домъ, занимаемый нашимъ семействомъ, былъ высокій и обширный, но выстроенный на скорую руку для Императрицы Екатерины, во время путешествія Ея въ Крымскую область. Лагерь полка отстоялъ отъ дома не далѣе ста шаговъ. Я и братъ мой жили въ лагерѣ.

Въ одну ночь я услышалъ въ немъ шумъ и сумятицу. Выскочивъ изъ палатки, увидѣлъ я весь полкъ на коняхъ, и на лагерномъ мѣстѣ одну только нашу палатку неснятою. Я бросился узнать причину такого неожиданнаго происшествія: мнѣ сказали, что Суворовъ только-что пріѣхалъ изъ Херсона, въ простой курьерской телѣжкѣ *, и остановился въ десяти верстахъ отъ насъ, въ лагерѣ одного изъ полковъ, куда приказалъ прибыть всѣмъ прочимъ полкамъ на смотръ и маневры. Я былъ очень молодъ, но уже говорилъ и мечталъ о Суворовѣ. Можно вообразить взрывъ моей радости! Впрочемъ, радость и любопытство овладѣли не однимъ мною. Я помню, что покойная мать моя и всѣ жившіе у насъ родственники и знакомые, даже лакеи, кучера, повара и служанки, все, что было живаго въ домѣ и въ селѣ, собиралось, спѣшило и бѣжало туда, гдѣ остановился Суворовъ, чтобы хоть разъ въ жизни взглянуть на любимаго героя, на нашего боеваго полубога. Замѣтимъ, что тогда еще не было ни побѣдъ его въ Польшѣ, ни побѣдъ въ Италіи, ни побѣды надъ самою природою на Альпахъ, — этой отдѣльной Пиндарической оды, заключившей величественную эпопею подвиговъ чудеснаго человѣка.

Вскорѣ мать моя и мы отправились вслѣдъ за полкомъ и за любопытными зрителями, и остановились въ пустомъ лагерѣ, потому что войска были уже на маневрахъ. Суворовъ приказалъ изъ каждаго полка оставить по малочисленной командѣ для разбитія па-

* Телѣжка эта хранилась у покойнаго отца моего, какъ драгоцѣнность, и сожжена въ Бородинѣ, во время сраженія въ 1812 году, вмѣстѣ съ селомъ, домомъ и всемъ имуществомъ, оставленнымъ въ домѣ.

латокъ, а съ прочими войсками началъ дѣйствовать, и дѣйствовать по своему: маневръ кипѣлъ, подвигался и кончился въ семнадцати верстахъ отъ лагернаго мѣста. Къ полудню войска возвратились. Отецъ мой, запыленный, усталый и окруженный своими офицерами, вошелъ къ намъ въ палатку. Разсказы не умолкали. Анекдоты о Суворовѣ, самыя пролетныя его слова, самыя мелкія его странности, передавались изъ устъ въ уста съ восторгомъ. Противны были только *лишняя*, какъ говорили тогда офицеры, быстрота въ движеніяхъ, которой онъ требовалъ отъ конницы, и продолжительное преслѣдованіе мнимаго непріятеля, изнурявшее людей и лошадей. Но всего болѣе не нравился слѣдующій маневръ:

Суворовъ требовалъ, чтобы каждый родъ войска подчинялъ все, второстепенно касающееся до боеваго дѣла, той цѣли, для которой онъ созданъ. Существенная обязанность конницы состоитъ въ томъ, чтобы врѣзываться въ непріятельскія войска, какого бы они рода ни были: она должна вторгаться въ середину непріятельской колонны или фронта и рубить все что ни попадается подъ руку. Суворовъ, пріучая лошадей своей конницы къ скоку во всю прыть, вмѣстѣ съ тѣмъ пріучалъ ихъ и къ проницанію въ середину стрѣляющаго фронта, на который производится нападеніе. Но, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ не прежде приступалъ къ послѣднему маневру, какъ при окончаніи смотра или ученья, увѣренный въ памятливости лошадей о томъ построеніи, и даже о томъ командномъ словѣ, которымъ прекращается зависимость ихъ отъ сѣдоковъ.

Для того онъ спѣшивалъ половинное число конныхъ войскъ, приказывалъ имъ заряжать ружья холостыми патронами, и ставилъ ихъ такъ, чтобы каждый стрѣлокъ находился отъ другаго на такомъ разстояніи, какъ нужно одному всаднику для проскока между ними; другую половину оставлялъ онъ на коняхъ, и, поставивъ каждаго всадника противъ промежутка, назначеннаго ему для проскока въ пѣхотномъ фронтѣ, пускалъ всѣхъ вдругъ въ аттаку. Пѣшіе стрѣляли въ то самое время, какъ всадники проскакивали во всю прыть сквозь стрѣляющій фронтъ: проскочивъ, они тотчасъ слѣзали съ лошадей, и тѣмъ заключался каждый смотръ, маневръ или ученье. Посредствомъ выбора времени для такого маневра, лошади такъ пріучались къ выстрѣламъ, пускаемымъ, можно сказать, въ ихъ морду, что, вмѣсто страха, онѣ, при одномъ взглядѣ на построеніе противъ нихъ спѣшившихся всадниковъ съ ружьями, предчувствуя конецъ трудамъ своимъ, начинали ржать и рваться впередъ, чтобы скорѣе проскакать сквозь выстрѣлы и возвратиться на покой въ свои коновязи или конюшни. Но такіе проскоки всадниковъ сквозь ряды спѣшившихся солдатъ часто дорого стоили послѣднимъ. Случалось, что отъ дыма ружейныхъ выстрѣловъ, отъ лишней торопливости всадниковъ, или отъ заноса нѣкоторыхъ своенравными лошадьми, попадало вдругъ по нѣскольку ихъ въ промежутокъ, назначенный для одного: это причиняло увѣчье и даже смертоубійство въ пѣхотномъ фронтѣ. Вотъ отъ чего маневръ былъ такъ непріятенъ тѣмъ, кому выпадалъ жребій играть роль пѣхоты. Но эти несчастные случаи не сильны были отвратить Суворова отъ средства, признаннаго имъ за лучшее для

пріученія конницы къ пораженію пѣхоты. Когда доносили ему о числѣ жертвъ, затоптанныхъ первою, онъ обыкновенно отвѣчалъ: »Богъ съ ними! Четыре, пять, десять человѣкъ убью; четыре, пять, десять тысячъ человѣкъ выучу!» И тѣмъ оканчивались всѣ попытки доносящихъ отвлечь его отъ этого единственнаго способа довести конницу до предмета, для котораго она единственно создана.

За полчаса до полночи меня съ братомъ разбудили, чтобы видѣть Суворова, или по крайней мѣрѣ слышать слова его, потому что ученье начиналось за часъ до разсвѣта, а въ самую полночь, какъ насъ увѣряли, онъ выбѣжитъ нагой изъ своей палатки, ударитъ въ ладоши и прокричитъ пѣтухомъ: по этому сигналу трубачи затрубятъ «генералъ-маршъ», и войско станетъ сѣдлать лошадей, ожидая «сбора», чтобы садиться на нихъ и строиться для выступленія изъ лагеря. Но, не взирая на все наше вниманіе, мы не слыхали ни хлопанья въ ладоши, ни крика пѣтухомъ. Говорили потомъ, что онъ не только въ ту ночь, но никогда, ни прежде ни послѣ, этого не дѣлывалъ, и что все это была одна изъ выдумокъ и преувеличенныхъ странностей, которыя ему приписывали.

До разсвѣта, войска выступили изъ лагеря, и мы, спустя часъ по ихъ выступленіи, поѣхали вслѣдъ за ними въ коляскѣ. Но, угонишься ли за конницею, ведомою Суворовымъ? Бурные разливы ея всеминутно уходили отъ насъ изъ виду, оставляя за собою одинъ лугъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда, между эскадронами, въ облакахъ пыли, показывается кто-то

скачущій въ бѣлой рубашкѣ — и въ любопытномъ народѣ, высыпавшемъ въ полѣ для одного съ нами предмета, вырывались крики: «Вотъ онъ! вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, Графъ Александръ Васильевичъ!» Вотъ все, что мы видѣли и слышали. Наскучивъ наконецъ безплоднымъ стараніемъ хоть однажды взглянуть на героя, мы возвратились въ лагерь, въ надеждѣ увидѣть его при возвращеніи съ маневровъ, которые, какъ насъ увѣряли, должны были кончиться ранѣе чѣмъ наканунѣ.

И подлинно, около десяти часовъ утра, все зашумѣло вокругъ нашей палатки, закричало — «Скачетъ! скачетъ!» Мы выбѣжали, и увидѣли Суворова во стѣ саженяхъ отъ насъ, скачущаго во всю прыть въ направленіи мимо нашей палатки.

Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ упадало оно при встрѣчѣ съ любимою женщиной. Я весь былъ взоръ и вниманіе, весь былъ любопытство и восторгъ, и какъ теперь вижу — толпу, составленную изъ четырехъ Полковниковъ, изъ корпуснаго штаба, адъютантовъ и ординарцовъ, и впереди толпы, Суворова на саврасомъ Калмыцкомъ конѣ, принадлежавшемъ моему отцу; въ бѣлой рубашкѣ, въ довольно узкомъ, полотняномъ нижнемъ платьѣ, въ сапогахъ въ родѣ тоненькихъ ботфортъ, и въ легкой, маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формою нынѣшнихъ касокъ гвардейскихъ Конныхъ Гренадеровъ. На немъ не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ очень памятно, какъ и черты сухощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными

наблюденія Лафатера, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, не смотря на дѣтскія лѣта, напечатлѣлось въ моей памяти, не менѣе его одежды. Вотъ, отъ чего мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ, во время проѣзда его въ Италію и котораго вѣрнѣйшая копія находится у меня, да бюста Гишара, изваяннаго по слѣпку съ лица послѣ его смерти. Портретъ, искусно выгравированный Уткинымъ, непохожъ: онъ безъ оригинальнаго выраженія его физіономіи, сонемъ и безжизненъ.

Когда онъ несся мимо насъ, любимый адъютантъ его, Тищенко, человѣкъ совсѣмъ необразованный, но котораго онъ передъ всѣми выставлялъ за своего наставника, и какъ будто слушался его наставленій, — Тищенко закричалъ ему: «Графъ! что вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ дѣти Василья Денисовича!» — «Гдѣ они? гдѣ они?» спросилъ онъ, и, увидя насъ, поворотилъ въ нашу сторону, подскакалъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена, подозвалъ насъ къ себѣ еще ближе, благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: «Любишь ли ты солдатъ, другъ мой?» Смѣлый и пылкій ребенокъ, я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: «Я люблю Графа Суворова; въ немъ все, — и солдаты, и побѣда, и слава!» — «О, помилуй Богъ, какой удалой!» сказалъ онъ: «это будетъ «военный человѣкъ; я не умру, а онъ уже три сра«женія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата),

«пойдетъ по гражданской службѣ!» — Съ этимъ словомъ онъ вдругъ поворотилъ лошадь, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ.

Суворовъ въ этомъ случаѣ не былъ пророкомъ: братъ мой весь свой вѣкъ служилъ въ военной службѣ, и служилъ съ честью, что доказываютъ восемъ полученныхъ ранъ, всѣ, кромѣ двухъ, отъ холоднаго оружія, — ранъ, издалекà неполучаемыхъ; а я не командовалъ ни арміями, ни даже отдѣльными корпусами; слѣдовательно, не выигрывалъ и не могъ выигрывать сраженій.

При всемъ томъ, слова великаго человѣка имѣли что-то магическое: когда, спустя нѣсколько лѣтъ, подошло для обоихъ насъ время службы, отцу моему предложили записать насъ въ Иностранную Коллегію; но я, полный словъ героя, не хотѣлъ другаго поприща, кромѣ военнаго; братъ мой, озадаченный можетъ быть его предсказаніемъ, покорился своей службѣ, и, прежде чѣмъ поступилъ въ военное званіе, около году служилъ въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ юнкеромъ.

Въ этотъ день всѣ Полковники и нѣсколько штабъ-офицеровъ у него обѣдали. Отецъ мой, возвратясь домой, разсказывалъ, что передъ обѣдомъ Суворовъ толковалъ о маневрѣ того дня и дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Какъ въ этомъ маневрѣ отецъ мой командовалъ второю линіею, то Суворовъ, обратясь къ нему, спросилъ: «Отъ чего вы такъ тихо вели вторую линію во время третьей аттаки первой линіи? Я посылалъ вамъ приказаніе прибавить скоку, а вы все продолжали тихо

подвигаться!» Такой вопросъ изъ устъ всякаго начальника незабавенъ, а изъ устъ Суворова былъ, можно сказать, поразителенъ. Отецъ мой извѣстенъ былъ въ обществѣ необыкновеннымъ остроуміемъ и присутствіемъ духа въ отвѣтахъ: онъ, не запнувшись, отвѣчалъ ему: «Отъ того, что я не видалъ въ томъ нужды, ваше сіятельство!» — «А почему такъ?» — «Потому, что успѣхъ первой линіи этого не требовалъ: она не переставала гнать непріятеля. Вторая линія нужна была только для смѣны первой, когда та устанетъ отъ погони. Вотъ почему я берегъ силу лошадей, которымъ надлежало впослѣдствіи замѣнить выбившихся уже изъ силъ.» — «А если бы непріятель ободрился и опрокинулъ первую линію?» — «Этого быть не могло: ваше сіятельство были съ нею!» Суворовъ улыбнулся и замолчалъ. Извѣстно, что онъ морщился и мигомъ обращался спиною въ отвѣтъ на самую утонченную лесть и похвалу, исключая тѣхъ только, посредствомъ которыхъ разглашалась и укоренялась въ общемъ мнѣніи его непобѣдимость: эту лесть и эти похвалы онъ любилъ, и любилъ страстно, — вѣроятно не изъ тщеславія, а какъ нравственную подмогу и, такъ сказать, заблаговременную подготовку непобѣдимости.

Вечеромъ, мы, съ матерью нашею и со всѣми домашними, поспѣшили обратно въ Грушевку. Важное происшествіе приготовлялось для нашего дома. Суворовъ, по особенной благосклонности къ моему отцу, самъ назвался къ нему на обѣдъ. Не помню точно, но кажется, что это было во время Петровскаго поста, или въ какой-то постный день, только мнѣ весьма па-

мятны хлопоты и суматоха въ домѣ для прінсканія рыбы поболѣе и получше, и для приготовленія другихъ любимыхъ имъ постныхъ блюдъ. Не менѣе заботъ было и при устройствѣ пріема и угощенія знаменитаго гостя, такъ, чтобы ходъ обыкновеннаго образа его жизни и привычныхъ странностей не получилъ ни малѣйшаго измѣненія. Къ восьми часамъ утра все было устроено. Въ гостиной поставленъ былъ большой круглый столъ съ разными постными закусками, съ рюмкою «благороднаго размѣра» и съ графиномъ водки. Въ столовой накрытъ былъ столъ на двадцать три прибора, безъ малѣйшаго украшенія посреди, — безъ вазъ съ фруктами и вареньемъ, и безъ плато, какъ тогда водилось. Ничего этого не было: Суворовъ ненавидѣлъ роскоши. Поставленъ былъ длинный столъ, на немъ скатерть, на скатери двадцать два прибора,—и все тутъ. Не было даже суповыхъ чашъ на столѣ, потому что кушанья должны были подаваться одно за другимъ съ самаго пыла кухоннаго огня, прямо къ сидѣвшимъ за трапезою: такъ обыкновенно дѣлывалось у Суворова.

Въ одной изъ отдѣльныхъ комнатъ за столовой приготовлены были: ванна, нѣсколько ушатовъ съ холодною водой, нѣсколько чистыхъ простынь, перемѣнное бѣлье его и одежда, привезенныя изъ лагеря.

Маневры того дня кончились въ семь часовъ утра, то есть, въ семь часовъ утра войска были уже на маршѣ къ лагерю. Отецъ мой, оставивъ свой полкъ на походѣ, поскакалъ въ лагерь во всю прыть своего Черкесскаго коня, на которомъ былъ на маневрахъ, чтобы, перемѣня его, скорѣе пріѣхать къ намъ и, до прибы-

тія Суворова, исправить то, что̀ требовало исправленія для его принятія. Уже онъ былъ на половинѣ пути отъ лагеря къ Грушевкѣ, какъ вдругъ съ одного возвышенія увидѣлъ, около двухъ верстъ впереди себя, но нѣсколько въ боку, всадника съ другимъ всадникомъ, отставшимъ довольно далеко: оба они скакали во всѣ поводья по направленію къ Грушевкѣ. Это былъ Суворовъ съ однимъ изъ своихъ ординарцовъ, скачущій туда прямо съ маневровъ. Отецъ мой усилилъ прыть своей лошади, но не успѣлъ пріѣхать къ нашему дому прежде шестидесяти-трехъ-лѣтняго старца-юноши. Онъ нашелъ его уже всего опыленнаго, на крыльцѣ, трепавшаго саврасаго коня своего, и выхвалявшаго качества его толпѣ любопытныхъ, которою былъ окруженъ. «Помилуй Богъ, славная лошадь! Я на такой никогда не ѣзжалъ. Это не двужильная *, а трехъжильная!» Тутъ отецъ мой пригласилъ и провелъ его въ приготовленную комнату, а самъ занялся своимъ туалетомъ: подобно Суворову, онъ весь покрытъ былъ пылью, такъ, что нельзя было угадать чертъ его лица.

Начали наѣзжать, приглашенные на этотъ обѣдъ, другіе гости. Я помню, бывшаго тогда при Суворовѣ, Дежурнаго Генерала Ѳедора Ивановича Левашева, Маіора Чорбу, Тищенко, о которомъ сказалъ прежде. Тутъ были также Полковники полковъ, собранныхъ на маневры, всѣ чиновники корпуснаго штаба Суворова, съ нимъ прибывшіе, и нѣсколько штабъ-офицеровъ Полтавскаго полка. Изъ Полковниковъ памятны мнѣ только Юрій Игнатьевичъ Поливановъ (кажется, тогда уже

* Въ народѣ существуетъ повѣрье, будто въ шеяхъ нѣкоторыхъ *сильныхъ и прыткихъ лошадей* находятся двѣ особыя жилы.

въ Бригадирскомъ чинѣ) и Подполковникъ Карлъ Ѳедоровичъ Гейльфрейхъ. Всѣ эти гости были въ полномъ парадѣ, въ шарфахъ, и всѣ находились въ гостиной, гдѣ были отецъ мой, одѣтый подобно имъ во всю форму, мать моя, мы и одна пожилая госпожа, знакомая моей матери, пріѣхавшая изъ Москвы вмѣстѣ съ нами. Она съ перваго взгляда не понравилась Суворову и была предметомъ насмѣшливыхъ его взглядовъ и шутокъ во все время пребыванія его у насъ.

Всѣ мы ожидали выхода Суворова въ гостиную. Это продолжалось около часу времени. Вдругъ растворились двери изъ комнатъ, отдѣленныхъ столовою отъ гостиной, и Суворовъ вышелъ оттуда чистъ и опрятенъ, какъ младенецъ послѣ святаго крещенія. Волосы у него убраны были, какъ представляются на его портретахъ. Мундиръ на немъ былъ генералъ-аншефскій того времени, богато шитый серебромъ или золотомъ, не помню, на распашку, съ тремя звѣздами. По бѣлому лѣтнему жилету лежала лента Георгія перваго класса: болѣе орденовъ не было. Лѣтнее, бѣлое, довольно узкое исподнее платье и сапоги, доходившіе до половины колѣна, въ родѣ легкихъ ботфортъ. Въ рукахъ ничего не было, — ни шляпы, ни каски. Такъ я въ другой разъ увидѣлъ Суворова.

Отецъ мой вышелъ къ нему на встрѣчу, провелъ его въ гостиную и представилъ ему мать мою и насъ. Онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, сказалъ ей нѣсколько словъ о покойномъ отцѣ ея, Генералъ-Поручикѣ Щербининѣ, бывшемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Намѣстникомъ Харьковской, Курской

и Воронежской губерній; каждаго изъ насъ благословилъ снова, далъ намъ поцѣловать свою руку, и сказалъ: «Это мои знакомые.» Потомъ, обратясь ко мнѣ, повторилъ: «О, этотъ будетъ военнымъ человѣкомъ! Я не умру, а онъ выиграетъ три сраженія!» Тутъ отецъ мой представилъ ему родную сестру мою, трехъ-лѣтняго ребенка. Онъ спросилъ ее: «Что съ тобою, моя голубушка? Что ты такъ худа и блѣдна?» Ему отвѣчали, что у нея лихорадка. «Помилуй Богъ, это не хорошо! Надо эту лихорадку хорошенько высѣчь розгами, чтобъ она ушла и не возвращалась къ тебѣ.» Сестра подумала, что сѣченье предлагается ей, а не лихорадкѣ, и едва не заплакала. Тогда, обратясь къ пожилой госпожѣ, Суворовъ сказалъ: «А объ этой и спрашивать нечего; это вѣрно какая-нибудь *мадамка!*» Эти слова сказаны были безъ малѣйшей улыбки и весьма хладнокровно, что̀ возбудило въ насъ смѣхъ, отъ котораго едва мы воздержались; но онъ, не измѣняя физіономіи, съ тѣмъ же хладнокровіемъ подошелъ къ столу, уставленному закусками, налилъ рюмку водки, выпилъ однимъ глодкомъ, и такъ плотно принялся завтракать, что любо.

Спустя нѣсколько времени, отецъ мой пригласилъ его за обѣденный столъ. Всѣ размѣстились. Подали щи кипячія, какъ Суворовъ обыкновенно кушалъ: онъ часто любилъ ихъ хлебать изъ самаго горшка, стоявшаго на огнѣ. Я помню, что почти до половины обѣда онъ не занимался ничѣмъ, кромѣ утоленія голода и жажды среди глубокаго молчанія, и что обѣ эти операціи производилъ, можно сказать, ревностно и прилежно. Около половины обѣда пришла череда и разговорамъ.

Но болѣе всего остались у меня въ памяти частыя насмѣшки его надъ пожилою госпожей, что̀ насъ, дѣтей, чрезвычайно забавляло, да и старшихъ едва не увлекало къ смѣху. Въ теченіе всего обѣда, Суворо̀въ, при самыхъ интересныхъ разговорахъ, не забывалъ ловить каждое движеніе ея, какъ скоро она обращалась въ противную отъ него сторону, и мгновенно бросалъ какую нибудь шутку на ея счетъ. Когда она, услышавъ его голосъ, оборачивалась на его сторону, онъ, подобно школьнику-повѣсѣ, потуплялъ глаза въ тарелку, не то обращалъ ихъ къ бутылкѣ или стакану, показывая, будто занимается питьемъ или ѣдою, а не ею. Такъ, напримѣръ, взглянувъ однажды на нее тогда, какъ она всматривалась въ гостей, сидѣвшихъ въ концѣ стола, онъ сказалъ въ полголоса, но довольно явственно: «Какая тетеха!» И едва успѣла она обратиться въ его сторону, какъ глаза его уже опущены были на рыбу, которую онъ кушалъ весьма внимательно. Въ другой разъ, замѣтивъ, что она продолжаетъ слушать разговоры тѣхъ же гостей, Суворовъ сказалъ: «Какъ вытаращила глаза!» Въ третій разъ, увидѣвъ то же, онъ произнесъ: «Они тамъ говорятъ, а она сидитъ да глядитъ!»

Тищенко сказывалъ послѣ, что изъ одного только уваженія къ моей матери Суворовъ ограничилъ подобными выходками нападки свои на пожилую госпожу, которая ему не понравилась, но что обыкновенно онъ, чтобы избавиться отъ присутствія противной ему особы, при первой встрѣчѣ съ нею восклицалъ: «Воняетъ! воняетъ! Курите! курите!» И тогда привычные къ нему чиновники, зная уже, до кого рѣчь касается, тайно

подходили къ той особѣ и просили ее выйти изъ комнаты. Тогда только прекращались его восклицанія.

Послѣ обѣда онъ завелъ рѣчь о лошади, на которой ѣздилъ на маневрахъ и пріѣхалъ къ намъ на обѣдъ; хвалилъ ея прыткость и силу, и увѣрялъ, что никогда не ѣзжалъ на подобной, кромѣ одного раза, въ сраженіи подъ Козлуджи. «Въ этомъ сраженіи,» сказалъ онъ: «я былъ отхваченъ и преслѣдуемъ Турками очень долго. Зная Турецкій языкъ, я самъ слышалъ уговоръ ихъ между собою, чтобы не стрѣлять по мнѣ и не рубить меня, а стараться взять живаго: они узнали, что это былъ я. Съ этимъ намѣреніемъ они нѣсколько разъ настигали меня такъ близко, что почти руками хватались за куртку; но при каждомъ ихъ наскокѣ, лошадь моя какъ стрѣла бросалась впередъ, и гнавшіеся за мною Турки отставали вдругъ на нѣсколько саженъ. Такъ я спасся!»

Пробывъ у насъ около часу послѣ обѣда, весьма разговорчивымъ, веселымъ и безъ малѣйшихъ странностей, онъ отправился въ колясѣ въ лагерь, и тамъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Первый полкъ отличный;

«Второй полкъ хорошъ;

«Про третій ничего не скажу;

«Четвертый никуда не годится.»

Въ приказѣ полки означались собственнымъ именемъ *каждаго:* я назвалъ ихъ нумерами. Не могу умол-

чать однако, что первый нумеръ принадлежитъ Полтавскому легко-конному полку.

По отданіи этого приказа, Суворовъ немедленно сѣлъ на-перекладную телѣжку, и поскакалъ обратно въ Херсонъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ мирныхъ маневровъ конницы и насмѣшекъ надъ пожилою госпожей на берегахъ Днѣпра, Польское королевство стояло уже вверхъ-дномъ и, залитая кровью, Прага курилась.

ВСТРѢЧА

СЪ ФЕЛЬДМАРШАЛОМЪ

ГРАФОМЪ КАМЕНСКИМЪ.

Въ 1806 году, 4-го іюля, я былъ переведенъ изъ Ротмистровъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, что̀ нынѣ полкъ Принца Оранскаго, лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ Поручикомъ *. Въ концѣ сентября я пріѣхалъ въ Петербургъ, и немедленно переѣхалъ въ Павловскъ, гдѣ квартировалъ эскадронъ, въ который я былъ назначенъ. Эскадронный командиръ былъ давній мой другъ и одинъ изъ виновниковъ перевода моего въ гвардію Во всемъ полку нашемъ было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго, чѣмъ печали.... Всегда веселы и всегда на-веселѣ!

* Сентября 13-го 1804, я былъ переведенъ изъ Поручиковъ кавалергардскаго полка въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ Ротмистромъ. Подробности этого обстоятельства изложены въ моихъ Запискахъ.

Можетъ быть, въ настоящихъ лѣтахъ моихъ я благословилъ бы участь мою и не желалъ болѣе; но мнѣ тогда было двадцать два года отъ роду: я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни.

Сверхъ того, положеніе мое относительно къ товарищамъ было истинно нестерпимое. Оставя гвардію, неслыхавшую еще боеваго выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, которая пришла изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня пахло молокомъ, отъ нея несло порохомъ. Я говорилъ о рвеніи моемъ, — мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, меня льстившіе. Не разъ вздохъ ропота на судьбу мою заструивалъ чашу радости.

Наконецъ пришла вѣсть о разбитіи Прусской арміи подъ Іеной. Заговорили о движеніи войскъ нашихъ на помощь пораженнымъ союзникамъ, и Фельдмаршалъ Графъ Каменскій вызванъ былъ изъ деревни для начальствованія арміею. Я ожилъ. Какъ бѣшеный пустился я въ столицу, чтобы развѣдать о средствахъ втереться къ нему въ адъютанты, или быть приписаннымъ къ какому нибудь армейскому полку, идущему за границу. Тщетны были старанія мои. Я не могъ найти, не только ходатая, но даже человѣка, въ которомъ бы хотя мало-мальски отозвалось броженіе чувствъ моихъ. Вездѣ встрѣчалъ я въ отвѣтъ на поэзію, кипѣвшую и въ душѣ, и въ глазахъ, и въ словахъ моихъ, прозаическое словцо: «Это вамъ дѣлаетъ честь!» — «Умилосердитесь! Я не похвалы прошу; я прошу помощи: не дайте мнѣ

заглохнуть *въ толпѣ тунеядцовъ*; дайте подышать чистымъ воздухомъ!» — «Вы знаете, что нынѣ не посылаютъ въ армію волонтеровъ.» Тѣмъ заключились всѣ попытки мои у людей могучихъ.

Между тѣмъ, колонны батюшекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетушекъ, какъ будто войско, принадлежавшее Наполеону, лѣзли на приступъ 9-го нумера Сѣверной Гостинницы, гдѣ остановился Фельдмаршалъ. Всякій просилъ его о своемъ кровномъ; всѣ просьбы были удовлетворяемы, и, къ большему моему терзанію, я долженъ былъ быть свидѣтелемъ сборовъ къ отъѣзду въ армію многихъ моихъ знакомыхъ и пріятелей. Отчаяніе рѣшило меня: 16-го ноября, въ четвертомъ часу *пополуночи* я надѣлъ мундиръ, сѣлъ на дрожки и пріѣхалъ прямо къ самому Фельдмаршалу. Я избралъ часъ этотъ для того, чтобы предупредить новую колонну родственниковъ, готовившуюся на разсвѣтѣ къ новому приступу. Къ тому жъ, всякій чудакъ любитъ чудное, а набѣгъ среди ночи юнаго Поручика, служившаго безъ связей и протекціи, на престарѣлаго Фельдмаршала, живаго, яраго и строптиваго, не такъ-то близокъ былъ къ обыкновеннымъ правиламъ общежитія и даже благоразумія. Все спало на дворѣ и въ гостинницѣ. Нумеръ 9-й, къ которому вела крутая, тѣсная и едва освѣщенная лѣстница, находился въ третьемъ этажѣ *.

* Въ самомъ этомъ нумерѣ стоялъ сынъ Фельдмаршала, Графъ Николай Михайловичъ Каменскій, по возвращеніи своемъ изъ Финляндіи въ началѣ 1809 года. Бывъ въ то время присланъ курьеромъ изъ Финляндской нашей арміи къ Военному Министру, я навѣщалъ Графа въ сей квартирѣ, и съ какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ удовольствія видѣлъ то *мѣсто, гдѣ предпринялъ* первую мою попытку на боевую службу.

У входа въ него былъ маленькій корридоръ, въ которомъ горѣлъ фонарь. Погода была холодная. Пришедъ къ дверямъ нумера, я завернулся въ шинель и прислонился къ стѣнѣ, въ ожиданіи какого нибудь выходца изъ горницъ, чтобы войти съ нимъ вмѣстѣ въ переднюю, оглашаемую сиповатымъ храпомъ какого-то дюжаго деньщика Фельдмаршала.

Однако первый пылъ рѣшимости моей убавился, когда я, осмотрѣвъ себя, взглянулъ на корридоръ, едва освѣщенный гаснувшимъ уже фонаремъ, и сообразилъ съ сими очевидными предметами часъ, избранный мною на торжественное представленіе себя высокой особѣ, и младенческое своенравіе всѣхъ почти стариковъ съ просонковъ, приправленное необузданными порывами гнѣва, принадлежавшими лично Фельдмаршалу Графу Каменскому. Подумавъ немного, я сбросилъ съ себя шинель, дававшую мнѣ видъ Абеллино или Фра-діаволо, и рѣшился дожидаться развязки сего игрища въ одномъ мундирѣ. Слышу, отворяется дверь, и маленькій старичекъ, свѣжій и бодрый, является передо мною въ халатѣ, голова его повязана была бѣлою тряпицею, въ рукѣ незажженный восковой огарокъ. Это былъ Фельдьмаршалъ. Увидя меня, онъ остановился. «Кто вы таковы?» спросилъ онъ меня. Я назвалъ себя. «Къ кому пришли?»—«Къ Вашему Сіятельству.» Онъ взглянулъ мнѣ быстро въ глаза, пошелъ вдоль корридора къ фонарю, зажегъ свой огарокъ, и, на обратномъ пути, поровнявшись со мною, сказалъ мнѣ: «Пожалуйте сюда.» Я пошелъ за нимъ; онъ молчалъ и шелъ съ огаркомъ впереди меня. Передъ входомъ въ спальню, я изъ уваженія хотѣлъ-было остановиться, пока удо-

стоюсь особаго зова. Примѣтя это, онъ сказалъ довольно сердито: «Нѣтъ, пожалуйте сюда.» Я вошелъ въ спальню. Тогда онъ, воткнувъ огарокъ въ подсвѣчникъ, стоявшій на столикѣ подлѣ кровати, спросилъ меня: «Что вамъ надо?» Я объявилъ желаніе мое служить на войнѣ. Онъ вспыхнулъ, началъ ходить скорыми шагами взадъ и впередъ по горницѣ, и почти въ изступленіи говорить: «Да, что это за мученье! Всякій молокососъ лѣзетъ проситься въ армію, когда я еще и самъ не назначенъ къ мѣсту! Замучили меня просьбами!.... Да кто вы таковы?» Я повторилъ мое имя. «Какой Давыдовъ?» Я сказалъ имя отца моего. Тутъ онъ смягчился, вспомнилъ о своей пріязни съ нимъ и даже съ дѣдомъ моимъ, началъ поименно называть моихъ родственниковъ, такъ, что едва не добрался до выходца изъ Золотой Орды, Минчака Касаевича, родоначальника Давыдовыхъ. Потомъ, подойдя ко мнѣ ближе, съ видомъ однако добродушія сказалъ: «Помнится мнѣ, что ты противъ воли долженъ былъ однажды выйти изъ гвардіи. За что? Скажи мнѣ всю правду, какъ бы ты сказалъ покойному отцу своему.» Я разсказалъ приключеніе это со всею откровенностію лѣтъ и характера моего. Онъ слушалъ со вниманіемъ, иногда улыбался, иногда хмурился, и я какъ ястребъ взмывалъ надъ мѣстами, отъ которыхъ примѣчалъ, что брови его начинаютъ смыкаться, падалъ стремглавъ и уцѣплялся за тѣ, отъ коихъ предчувствовалъ улыбку. Когда я кончилъ, онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Ну, хорошо, любезный Давыдовъ! Нынче же буду просить тебя съ собою; разскажу все, какъ ты ночью—слыхано ли это! —ночью ворвался ко мнѣ въ горницу; какъ я тебя *принялъ—прости меня!*— за неблагонамѣреннаго человѣ-

ка.... Право, я думалъ, что ты хочешь застрѣлить меня. Правду сказать, я смерти никогда не боялся, а въ моихъ лѣтахъ еще менѣе боюсь ее, но ты весьма былъ похожъ на подозрительную особу. Признайся!» Я извинялся, что осмѣлился обезпокоить его въ такой необыкновенный часъ.» Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ! «возразилъ онъ съ пылкостью: «это мнѣ пріятно, это я люблю, это значитъ ревность неограниченная, горячая; тутъ душа, тутъ сердце.....я это знаю, я чувствую!»

И такъ, распростясь съ Фельдмаршаломъ, я возвратился домой съ надеждою на успѣхъ. Сердце мое обливалось радостью, чадъ бродилъ въ головѣ моей—уже я командовалъ эскадрономъ, полкомъ... уже я рѣшилъ важное сраженіе... и едва ли не побѣдителемъ Наполеона бросился на постель, на которой не могъ сомкнуть глазъ отъ душевнаго волненія. Надежда въ эти лѣта такъ похожа на подлинность!

Поутру заговорили въ гвардіи и въ городѣ о моемъ наѣздническомъ наскокѣ на Фельдмаршала; но отъ него я ничего не получалъ. На-завтра я пріѣхалъ къ нему въ девятомъ часу утра, чтобъ узнать о моей участи. Улица была заперта дрожками и каретами. Я вошелъ въ комнаты, полныя чиновниками, и остановился у притолки. Ударилъ часъ развода. Фельдмаршалъ, выходя садиться въ карету, увидѣлъ меня, бросился ко мнѣ, обнялъ меня и, взявъ въ сторону, сказалъ мнѣ: «Я говорилъ о тебѣ, любезный Давыдовъ! Просилъ тебя въ адъютанты къ себѣ въ нѣсколько пріемовъ, но мнѣ отказано подъ предлогомъ, что тебѣ надобно еще послужить во фронтѣ. Признаюсь тебѣ,

что по всему я вижу невозможность выпросить тебя туда, гдѣ бы тебѣ быть хотѣлось. Ищи с мъ собою средства, и повѣрь, что какіе бы ты не нашелъ пути, чрезъ кого бы ты ни достигъ своей цѣли, я всегда съ радостію приму тебя и доставлю тебѣ случай отличиться.» Съ этимъ словомъ онъ исчезъ, а я остался какъ вкопаный!... Но когда вслѣдъ за нимъ и мимо меня потянулась процессія избранныхъ, я взглянулъ на нее, пожалъ плечами и улыбнулся, какъ никогда сатана не улыбался!

Я не распространился бы въ описаніи сего случая, мало любопытнаго для другихъ, хотя насладительнаго для меня воспоминаніемъ о первомъ порывѣ моемъ къ поприщу, столь давно, столь неослабно, горячо и страстно мною пробѣгаемому, если бъ случай этотъ не выводилъ на сцену человѣка, поколѣніемъ нашимъ забытаго и новому поколѣнію почти неизвѣстнаго; а между тѣмъ этотъ человѣкъ имѣлъ счастіе, въ теченіе пятидесяти-лѣтняго служенія отечеству, занимать высокое мѣсто во мнѣніи самого Суворова и слыть единственнымъ его соперникомъ въ эпоху людей превосходныхъ. Такая честь не есть удѣлъ посредственности..
....

Казалось, что приговоръ мой былъ подписанъ, и что судьба рѣшительно отказалась оживотворить меня своею улыбкой. Что жъ вышло? Прошелъ мѣсяцъ и нѣсколько дней; пріѣзжаетъ курьеръ Валуевъ, адъютантъ Фельдмаршала, съ извѣстіемъ о болѣзни и отбытіи его изъ арміи. Спустя два дня, является другой курьеръ,

Графъ Васильевъ, съ донесеніемъ отъ Бенигсена о побѣдѣ при Пултускѣ, и Государь назначаетъ Князя Петра Ивановича Багратіона командиромъ авангарда дѣйствующей арміи, которую препоручаетъ Бенигсену.

Какое, повидимому, могли имѣть вліяніе на военную участь бѣднаго гусарскаго Поручика, ходившаго съ бичемъ по манежу, или сидѣвшаго за круговою чашею съ товарищами, Фельдмаршалъ, или Пултускъ, или Бенигсенъ, или Багратіонъ? Первому отказали насчетъ меня, когда ему ни въ чемъ не отказывали; Бенигсенъ не вѣдалъ даже о моемъ существованіи; о Пултускѣ я зналъ только по картѣ, а Багратіонъ знакомъ былъ со мною только мимоходомъ: здравствуй, прощай, и все тутъ!..
....

Января 3-го, 1807, я уже летѣлъ на курьерской тройкѣ въ армію вслѣдъ за Багратіономъ, къ которому назначенъ былъ я адъютантомъ. Никогда не забуду той радости, съ которою я въ первый разъ въ жизни переѣхалъ черезъ границу нашу! Какъ все было для меня ново, необыкновенно! Весьма естественно любоваться на чистые, красивые городки, селенія, каткія дороги, осѣненныя деревьями. Меня радовали и аккуратные Нѣмцы съ пудовыми ихъ шутками насчетъ Наполеона, отъ нашествія котораго однако жъ не въ шутку ихъ въ дрожь бросало, и биръ-супъ, и буттеръ-бродъ, и грубые почталіоны, такъ учтиво обходившіеся съ лошадьми своими! Я ѣхалъ на Августово, Ликъ, Рейнъ, Гутштадъ, и 15-го числа, въ 9 часовъ утра, пріѣхалъ въ Липштадъ, въ минуту выступленія глав-

ной квартиры и главной арміи въ Морунгенъ, гдѣ 13-го числа былъ аттакованъ Бернадоттомъ Евгеній Ивановичъ Марковъ, командовавшій частію авангарда арміи.

Получивъ въ Петербургѣ и на пути нѣсколько пакетовъ на имя Главнокомандующаго, я былъ представленъ ему, и имѣлъ честь вручить ихъ ему лично. Мнѣ пріятно было встрѣтить въ комнатѣ его множество моихъ Петербургскихъ пріятелей и знакомыхъ. Всѣ меня обступили; всякій спрашивалъ о друзьяхъ, о *любезныхъ*, оставленныхъ въ Петербургѣ. Многимъ изъ нашей молодежи надоѣла война, производимая въ такое суровое время года, безъ рѣшительныхъ успѣховъ и при всякаго рода недостаткахъ. Многіе вздыхали о Петербургской роскошной жизни. Они представляли мнѣ разныя трудности, меня ожидающія. Я отвѣчалъ имъ, что я заранѣе зналъ, куда ѣду: туда, гдѣ дерутся, а не туда, гдѣ цѣлуются, и увѣренъ былъ и буду, что война — похлёбка не на стерляжьемъ бульонѣ. И подлинно: я не думалъ тогда о трудахъ и опасностяхъ: такъ неограниченность надеждъ, и, къ этому еще, такъ сильно новое мое положеніе, такъ сильно новыя, разнообразныя и живыя картины дѣйствовали на мои чувства!

Пріѣхавъ на почтовыхъ, я еще не имѣлъ верховой лошади. Одинъ изъ пріятелей моихъ уступилъ мнѣ, на переходъ до Морунгена, одну изъ заводскихъ лошадей своихъ, и мы отправились. Я ѣхалъ при Павлоградскомъ гусарскомъ полку, съ его Шефомъ, Генераломъ Чаплицомъ, и Полковникомъ Графомъ Орурко́мъ, нынѣ *Генералъ*-Лейтенантомъ. На походѣ я познакомился

съ нѣкоторыми офицерами, между коими были Князь Баратаевъ, Асонъ и Степанъ Храповицкіе. Я не думалъ тогда, что съ послѣднимъ буду служить въ великій 1812 годъ партизаномъ, и заключу съ нимъ братскую дружбу на кровавыхъ пирахъ войны отечественной.

Не могу описать, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ упоеніемъ я глядѣлъ на все, что мнѣ въ глаза бросалось! Части пѣхоты, конницы и артиллеріи, готовыя къ движенію, облегали еще возвышенія справа и слѣва въ одно время, какъ длинныя полосы черныхъ колоннъ изгибались уже по снѣжнымъ холмамъ и равнинамъ. Стукъ колесъ пушечныхъ, топотъ копытъ конницы, разговоръ, хохотъ пѣхоты, идущей по-колѣни въ снѣгу, скачка адъютантовъ по разнымъ направленіямъ, генераловъ съ ихъ свитами, самое пебреженіе, самая неопрятность одежды войскъ, два мѣсяца невидавшихъ крыши, закопченныхъ дымомъ бивуаковъ и сраженій, съ оледенѣлыми усами, съ прострѣленными киверами и плащами—все это благородное безобразіе, знаменующее понесенные труды и опасности, все неизъяснимо электризовало, возвышало мою душу. Наконецъ я попалъ въ мою стихію!...

Но сколь чувства и мысли человѣка подвластны различнымъ впечатлѣніямъ! Сейчасъ военное ремесло казалось мнѣ съ привлекательнѣйшей стороны: пройдя нѣсколько верстъ впередъ, оно явилось мнѣ во всей нагой отвратительности.

Мы подошли къ деревнѣ Георгенталь, къ тому самому полю, гдѣ, за два дня передъ нашимъ приходомъ,

сражался Марковъ. Селеніе это было разбираемо на костры частію нашихъ войскъ, которой опредѣлено провести ночь на этомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей стояли внѣ селенія съ нѣмою горестью, безъ слезъ и ропота, что всегда для меня было и есть поразительнѣе вопля и стенаній. Неопытный воинъ, я досѣлѣ полагалъ, что продовольствіе войскъ обезпечивается особенными чиновниками, скупающими у жителей все необходимое для пищи, и доставляющими необходимыя потребности въ армію посредствомъ платы за подводы, нанимаемыя у тѣхъ же жителей; что биваки строятся и костры зажигаются не изъ избъ мирныхъ поселянъ, а изъ кустовъ и деревьевъ, находящихся на корнѣ; словомъ, я былъ увѣренъ, что обыватели тѣхъ областей, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія, вовсе не подвержены ни какому несчастію и разоренію, и что они не болѣе, какъ покойные жители происшествій, подобно жителямъ Краснаго-Села на маневрахъ гвардіи. Каково было удивленіе мое при видѣ противнаго! Тутъ только удостовѣрился я въ злополучіи и бѣдствіяхъ, причиняемыхъ войною тому классу людей, который, не стяжая въ ней, подобно намъ, солдатамъ, ни славы, ни почестей, лишается не только послѣдняго имущества, но и послѣдняго куска хлѣба; не только жизни, но чести женъ и дочерей, и умираетъ тощій и пораженный во всемъ, что у него есть милаго и святаго на дымящихся развалинахъ родины.

На томъ же полѣ позорище другаго рода потрясло мою душу. Мы вступили, какъ я сказалъ, на равнину Морунгенской битвы. Уже, какъ говоритъ одинъ изъ благозвучныхъ нашихъ прозаиковъ, уже отстона-

ло поле, уже застыла кровь. Тысячи лежали на снѣгу. Опрокинутые трупы, съ отверстыми, потусклыми очами, казалось, еще глядѣли на небо; но они не видали уже ни неба, ни земли,—они валялись разбросанные, какъ сосуды драгоцѣннаго напитка, раздробленные насильственною рукою. Мрачный зимній день наводилъ какую-то синеватую блѣдность на сіи свѣжія развалины человѣчества, въ которыхъ недавно передъ тѣмъ шумѣли страсти, играли надежды, и свѣжія желанія кипѣли, какъ лѣта пылкой юности!

Я изъ любопытства разсматривалъ поле сраженія. Прежде ѣздилъ по нашей, а потомъ по непріятельской позиціи. Видно было, гдѣ огонь и гдѣ натиски были сильнѣе по количеству тѣлъ, лежавшихъ на тѣхъ мѣстахъ. Артиллеріею авангарда нашего командовалъ тогда Полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, и дѣйствіе ея было, во всемъ смыслѣ слова, разрушительно въ пѣхотныхъ колоннахъ и линіяхъ непріятельской конницы, ибо цѣлыя толпы первой и цѣлые ряды послѣдней лежали у деревни Пфаресъ - Фельдшенъ, пораженные ядрами и картечью, въ томъ порядкѣ, какъ шли или стояли во время битвы.

Въ началѣ, эта равнина смерти, попираемая нами, спѣшившими къ подобной участи, эти лица и тѣла, искаженныя и обезображенныя огнестрѣльнымъ и рукопашнымъ оружіемъ, не произвели надо мною ни какого особаго впечатлѣнія; но, по мѣрѣ воли, даваемой мною воображенію, я, съ стыдомъ признаюсь, дошелъ до той степени безпокойства относительно самого себя, или, по-просту сказать, я такъ струсилъ,

что, пріѣхавъ въ Морунгенъ, долго не могъ сомкнуть глазъ, пугаясь такого же искаженія и безобразія. Если бъ разсудокъ имѣлъ хотя малѣйшее участіе въ дѣйствіи моего воображенія, то я легко бы увидѣлъ, что такая смерть не только неужасна, но завидна, ибо чѣмъ рана смертельнѣе, тѣмъ страданіе кратковременнѣе,— а какое дѣло до того, что послѣ смерти будешь пугать живыхъ людей своимъ искаженіемъ, самъ того не чувствуя! Слава Богу, съ разсвѣтомъ дня воспослѣдовало умственное мое выздоровленіе. Пришедъ въ первобытное состояніе, я самъ надъ собою смѣялся, и, какъ помнится, въ теченіе долговременной службы никогда уже не впадалъ въ подобный пароксизмъ больнаго воображенія.

16-го января, рано по утру, купивъ себѣ верховую лошадь, отправился я, въ сопровожденіи одного казака, къ Князю Багратіону, принявшему уже начальство надъ авангардами Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута. Команды перваго и послѣдняго находились тогда въ деревнѣ Биберсвальдъ, лежащей на пути изъ Лебемиля въ Дейчь-Эйлау; команда Барклая была въ отдѣлѣ. На пути моемъ я объѣхалъ конницу Корфа и Графа Петра Петровича Палена у Госсъ-Готсвальде; далѣе, въ Остерродскомъ лѣсу проѣхалъ мимо кочевавшей на дорогѣ около озера Борлингъ-зе дивизіи Графа Остермана; ночью явился къ Тучкову, дивизія котораго находилась въ этомъ городѣ, и рано поутру прибылъ къ моему мѣсту.

Князь квартировалъ въ красивой и обширной избѣ Прусскаго поселянина. Въ свитѣ его тогда находились *Кавалергард*скаго полка Полковникъ Князь Трубецкой,

нынѣ Генералъ отъ Кавалеріи и Генералъ-Адъютантъ, Графъ де-Бальменъ, Графъ Грабовскій, Афросимовъ, Эйхенъ, и прочіе. Вскорѣ я увидѣлъ Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута, тогда въ генералъ-маіорскихъ чинахъ. Я помню, что въ то время Барклай украшенъ былъ тремя только орденами: онъ имѣлъ Георгія и Владиміра четвертыхъ степеней и штурмовой Очаковскій крестъ,— не болѣе, но уже пользовался именемъ знающаго свое дѣло генерала. Аванпостами авангарда командовалъ Полковникъ Юрковскій, артиллеріею Полковникъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Въ теченіе пяти-лѣтней моей службы при Князѣ Багратіонѣ въ качествѣ адъютанта, во время военныхъ дѣйствій я не видалъ его иначе, какъ одѣтымъ днемъ и ночью. Сонъ его былъ весьма короткій—три, много четыре часа въ сутки, и то съ пробудами; ибо каждый пріѣзжій съ аванпостовъ долженъ былъ будить его, если привезенное имъ извѣстіе того стоило. Онъ любилъ жить роскошно: всего у него было вдоволь, но для другихъ, а не для него. Самъ онъ довольствовался весьма малымъ и былъ чрезвычайно трезвъ. Я не видалъ, чтобы онъ когда либо пилъ водку или вино, кромѣ двухъ рюмокъ мадеры за обѣдомъ. Въ то время, одежда его была сюртукъ мундирный со звѣздою Георгія 2-го класса, бурка на плечахъ и на бедрѣ шпага, которую носилъ онъ въ Италіи при Суворовѣ; на головѣ картузъ изъ сѣрой смушки, и въ рукѣ казацкая нагайка.

Отъ суровости времени года въ эту кампанію, не глядѣли за формою, и мы все то носили, что болѣе другаго грѣло.

=

ВОСПОМИНАНІЕ

О СРАЖЕНІИ ПРИ ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ.

—

Посвящается Алексѣю Петровичу Ермолову.

—

I.

Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау почти свѣяно съ памяти современниковъ бурею Бородинскаго сраженія, и потому многіе даютъ преимущество послѣднему надъ первымъ. Дѣйствительно, предметъ спора подъ Бородинымъ былъ возвышеннѣе, величественнѣе, болѣе хватался за Русское сердце, чѣмъ подъ Эйлау: подъ Бородинымъ дѣло шло о томъ — «быть или не быть» Россіи? Это сраженіе — наше собственное, наше родное сраженіе. Въ эту священную лоттерею мы были вкладчиками всего нераздѣльнаго съ нашимъ политическимъ существованіемъ, — всей нашей прошедшей славы, всей настоящей народной чести, народной гордости, величія имени Русскаго, всего нашего будущаго предназначе-

нія. Предметъ спора подъ Эйлау представлялся съ иной точки зрѣнія. Правда, онъ былъ кровавымъ предшествователемъ вторженія Наполеонова въ Россію: но кто тогда это видѣлъ? Нѣсколько избранныхъ природою, одаренныхъ проницательностію болѣе другихъ. Большей части изъ насъ онъ казался усиліемъ, некасающимся существенныхъ пользъ Россіи, простымъ соперничествомъ въ щегольствѣ военною славою двухъ сражавшихся армій, окончательнымъ закладомъ въ томъ, чья возьметъ, понтировкою на удальство въ надеждѣ на рукоплесканіе зрителей, и понтировкою съ полнымъ еще бумажникомъ, съ полнымъ кошелькомъ въ карманѣ, а не игрою на послѣдній пріютъ, на послѣдній кусокъ хлѣба и «на пулю въ лобъ» при проигрышѣ, какъ то было подъ Бородинымъ.

Не оспоривая священнаго мѣста, которое въ душахъ нашихъ должна занимать Бородинская битва, нельзя однако не сознаться въ гибельномъ превосходствѣ передъ нею Эйлауской, относительно кровопролитія, потому что первая, превышая послѣднюю восьмидесятью тысячами человѣкъ и слишкомъ шестью стами жерлами артиллеріи, едва-едва превышала ее огромностью урона, понесеннаго сражавшимися. Причиною этому родъ оружія, который употребленъ былъ подъ Эйлау болѣе всякаго другаго. Въ Бородинской битвѣ главнымъ дѣйствовавшимъ оружіемъ было огнестрѣльное, въ Эйлаускомъ—рукопашное: штыкъ и сабля гуляли, роскошествовали и упитывались въ ней досыта. Ни въ какомъ сраженіи не видно подобныхъ свалокъ пѣхоты и конницы между собою, и эти свалки не мѣшали ружейной и пушечной грозѣ гремѣть съ обѣихъ сторонъ

и заглушать въ самой чуткой душѣ увлекательныхъ призывовъ славы и честолюбія.

Я тогда былъ въ самомъ разгарѣ жизни — слѣдственно и любви къ случайностямъ. Къ тому жъ, жребій мой былъ брошенъ, предметъ указанъ, и моимъ солдатскимъ воспитаніемъ и непреклонною волею итти боевою стезей, и душей неугомонною, страстною ко всякаго рода отвагѣ, порывавшеюся на всякія опасности; но, право, не разъ въ этомъ двухъ-суточномъ боѣ проклятая Тибуллова элегія о блаженствѣ домосѣда приходила мнѣ въ голову. Чортъ знаетъ, какія тучи ядръ пролетали, гудѣли, сыпались, прыгали вокругъ меня, рыли по всѣмъ направленіямъ сомкнутыя громады войскъ нашихъ, и какія тучи гранатъ лопались надъ моёю головою и подъ ногами моими! То былъ широкій ураганъ смерти, ломавшій все въ дребезги, стиравшій съ лица земли все, что ни попадало подъ его сокрушительное дыханіе, которое продолжалось отъ полудня 26 января 1807, до одиннадцати часовъ вечера 27 числа, и пресѣклось только штилемъ ночи, раздѣлившей его свирѣпствованіе на два возстанія.

Таково было дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія въ Эйлаускомъ сраженіи. Но и здѣсь, какъ во всѣхъ сраженіяхъ, оно производило болѣе шуму, чѣмъ гибели, болѣе потрясало нервную систему и воображеніе человѣка, чѣмъ достигало цѣли всякаго оружья—вѣрнѣйшаго истребленія противниковъ. Въ этомъ отношеніи огнестрѣльное дѣйствіе далеко уступаетъ рукопашной схваткѣ, гдѣ удары не расточаются даромъ, падая на предметы, находящіеся подъ самымъ лезвіемъ, и потому не-

требующіе прицѣловъ издали, отъ которыхъ происходятъ удары невѣрные, гадательные, вредящіе болѣе количествомъ, нежели частнымъ своимъ достоинствомъ.

Чтобы вполнѣ обнять положеніе обѣихъ армій, сражавшихся въ этой знаменитой побѣдѣ, надо взять свыше.

Обозрѣвая театръ войны того времени, мы видимъ, что онъ граничилъ къ сѣверу съ Фришъ-гафомъ и Куришъ-гафомъ, то есть, съ частію Балтійскаго Моря; къ югу съ Австрійскою Галиціею, землею тогда неутральною *; къ западу съ Вислою, а къ востоку съ Нѣманомъ, границею Россіи, что составляло около трехсотъ верстъ длиннику и до двухсотъ верстъ поперечнику. На этомъ тѣсномъ пространствѣ та и другая армія необходимо должна была избѣгать смежности и съ Галиціею, и съ моремъ, чтобы не быть опрокинутой или въ море или въ предѣлы неутральнаго государства своею противницей. Это причина заставила генерала Бенигсена оставить Пултускъ и перенести дѣйствіе въ Старую Пруссію. Малѣйшая медленность въ этомъ случаѣ угрожала намъ неотразимымъ бѣдствіемъ, потому что главныя силы Французовъ находились тогда не противъ Пултуска, а въ направленіи отъ Цѣханова къ Макову. Чрезвычайная ростополь воспретила Наполеону достичь избранной цѣли, и способствовала

* Часть Австрійской Галиціи, граничившая съ театромъ военныхъ дѣйствій, шла тогда отъ Мнишева по правому берегу Вислы почти до Праги; потомъ склонялась вправо къ Сироцку, и продолжала итти по лѣвому берегу Буга, мимо Брокъ, Бреста и далѣе до Хотина.

намъ совершить перемѣщеніе наше черезъ Остроленку, Тикоцинъ, Щучинъ, Бялу и Рейнъ.

На этомъ окружномъ маршѣ, главнокомандующій нашъ, генералъ Бенигсенъ, оставилъ корпусъ Эссена 1-го въ Высокомъ Мазовецкѣ, а дивизію Седморацкаго въ Ганьондзѣ, Іоганнисбургѣ и Николайкинѣ, для связи Эссена съ главными силами арміи, двинулся съ нею къ Бартенштейну.

Въ то время расположеніе Французской арміи было слѣдующее:

Гвардія, 12,000, въ Варшавѣ.

Корпусъ Ланна, 23,000, между Броками и Остроленкою, противъ Эссена 1-го.

Корпусъ Даву, 34,000, въ Мишеницахъ.

Корпусъ Сульта, 30,000, въ Вилленбергѣ.

Корпусъ Ожерò, 11,000, въ Ниденбургѣ.

Резервный кавалерійскій корпусъ, 20,000, подъ командою Мюрата, въ окрестностяхъ Вилленберга.

Корпусъ Бернадота, 17,000, почти внѣ круга боевыхъ происшествій, въ Эльбингѣ.

Всѣ сіи войска размѣщались уже по кантониръ-квартирамъ: только корпусъ Нея, состоявшій изъ 22,000 человѣкъ пѣхоты, и кавалерія Бессіера, преслѣдовали Прусскій корпусъ Лестока внизъ по Аллеру, въ направленіи къ Фридланду, и черезъ это находились почти *на пути,* которымъ слѣдовала наша армія.

Беннигсенъ узналъ объ этомъ залетномъ положеніи Нея въ Рейнѣ. Пользуясь бездѣйствіемъ Французской арміи, онъ вознамѣрился отрѣзать и истребить этотъ корпусъ на походѣ. Всѣ наши силы обратились съ тою цѣлію на Ресель и Бишофштейнъ. Къ несчастію, исполненіе не соотвѣтствовало достоинству предначертанія. Переходы были медленны; къ тому жъ и направленіе было недовольно наперерѣзъ, что дозволило Нею и Бессіеру пробраться, черезъ Прейсишъ-Эйлау, а потомъ, между Пассаргою и Аллеромъ, къ Гильгенбургу, и безпрепятственно примкнуть къ массѣ своей арміи.

Между тѣмъ Бернадоттъ, узнавъ о предпріятіи нашемъ на Нея и Бессіера, постигъ опасность, которой подвергъ бы себя дальнѣйшимъ пребываніемъ на берегу моря и между крѣпостями, Данцигомъ и Грауденцомъ, которыя были тогда еще заняты Прусскими войсками. Оставивъ окрестности Эльбинга, онъ двинулся на Голландъ, вступилъ въ Морунгенъ, и подвинулъ авангардъ свой къ Либштату.

Въ это время армія наша, прошедши Гейльсбергъ, приблизилась къ Аренсдорфу, и авангардъ ея, подъ командою Генералъ-Маіора Маркова, аттаковалъ Либштатъ.

Непріятельскій авангардъ отступилъ съ урономъ. Марковъ слѣдовалъ за нимъ и аттаковалъ самого Бернадотта, въ нѣсколькихъ верстахъ не доходя до Морунгена, но понесъ отъ него значительное пораженіе, и принужденъ былъ отойти къ главной арміи, прибывшей уже въ Либштатъ.

Тутъ надобно было намъ прекратить дальнѣйшее движеніе впередъ, потому что, перешедши уже черту, на которой расположены были главныя силы непріятеля, (между Омулевою и Наревою), оно подвергало насъ потерѣ сообщеній съ дивизіею Седморацкаго, съ корпусомъ Эссена 1-го, и, что всего важнѣе, съ Россійскою границею, и заключало дѣйствіе наше между Фришъ-гафомъ, Вислою и Французскою арміею въ случаѣ вступленія ея на пройденные нами пути. Не взирая ни на что, мы, въ намѣреніи оторвать Бернадотта отъ главной Французской арміи и освободить Грауденцъ отъ блокады, продолжали подвигаться въ бездну, преслѣдуя Бернадотта, отступавшаго на Дейчъ-Эйлау и Страсбургъ къ Торну. Уже мы были около Либемиля, занимая Ризенбургъ Прусскимъ корпусомъ Лестока; авангардъ нашъ, подъ начальствомъ Князя П. И. Багратіона, вступилъ въ Дейчъ-Эйлау, а его аванпосты, подъ командою полковника Юрковскаго, въ Страсбургъ. Однако какое-то темное чувство тревожило Бенигсена насчетъ соотносительнаго положенія нашего съ главными силами Наполеона. Чтобы сколько нибудь исправить его защитою затыльныхъ сообщеній нашихъ, главнокомандующій счелъ нужнымъ оставить корпусъ Сакена въ Зебургѣ, а корпусъ Князя Д. Вл. Голицына въ Алленштейнѣ, и этимъ полу-мѣропріятіемъ только увеличилъ протяженіе арміи, подвергнулъ Сакена и Голицына натиску превосходнаго числомъ непріятеля, и нимало не улучшилъ положенія главной арміи, направленной къ ложному предмету дѣйствій. Но Русскій Богъ великъ! Вдругъ аванпостные казаки авангарда берутъ въ плѣнъ Французскаго офицера, посланнаго курьеромъ *отъ Маршала Бертіе* къ Бернадотту съ повелѣніемъ На-

полеона напирать на армію нашу и не выпускать ея изъ виду, и съ извѣщеніемъ его о движеніи всѣхъ Французскихъ силъ на Вилленбергъ, Пассенгеймъ и Алленштейнъ. Медлить было некогда. Багратіонъ мгновенно постигъ опасность. Онъ въ ту же минуту отослалъ и плѣннаго курьера и перехваченную бумагу къ Беннигсену, и не дожидая повелѣнія отъ него, самъ собою обратилъ авангардъ вспять и пустился на соединеніе съ арміею усиленными переходами. Однако, предвидя неминуемость генеральнаго сраженія, онъ, въ намѣреніи обезсилить непріятельскую армію цѣлымъ корпусомъ войскъ, не забылъ и о Бернадоттѣ: онъ приказалъ Юрковскому аттаковать его аванпосты, сбить ихъ и преслѣдовать цѣлый день, чтобы черезъ то увѣрить его, что намѣреніе наше тѣснить его всѣми силами не измѣнилось и продолжается. Приказаніе Юрковскому заключилось постскриптомъ; въ немъ предписано ему было обратное движеніе при наступленіи ночи и поспѣшнѣйшее слѣдованіе для примкнутія къ авангарду по приложенному маршруту.

Предпріятіе это увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ. Бернадоттъ, не получивъ повелѣнія Наполеона, которое было перехвачено казаками, остался въ безизвѣстности о направленіи главныхъ силъ Французовъ въ тылъ нашей арміи, угрожавшемъ ей такою гибелью. Къ тому жъ, онъ полагалъ, что натискъ Юрковскаго поддерживается всѣмъ авангардомъ, а авангардъ всею нашею арміей, и продолжалъ отступленіе къ Торну, что отсрочило прибытіе его на Эйлауское поле нѣсколькими сутками.

Юрковскій примкнулъ къ авангарду нѣсколькими часами позже присоединенія авангарда къ арміи подъ Ян-

ковымъ. Но Прусскій корпусъ Лестока, бывъ отъ Янкова гораздо далѣе Багратіона, не могъ уже надѣяться достигнуть этого пункта безъ опасности, и потому избралъ себѣ путь на Саальфельдъ, Вормдитъ и Мельзакъ, стараясь всегда находиться на одной высотѣ съ нею, по мѣрѣ ея отступленія.

22-го января, авангардъ засталъ всю армію сосредоточенную при Янковѣ, лицо съ лицомъ съ Французскою, которая полагала, что Янковскій путь занятъ однимъ корпусомъ Князя Голицына, и изумлена была неожиданною встрѣчею всѣхъ нашихъ силъ, готовыхъ къ отпору натиска: извѣстіе о взятіи казаками посланнаго къ Бернадотту курьера тогда еще не дошло до Наполеона. Обманутый въ своемъ стратегическомъ предпріятіи, онъ вознамѣрился, посредствомъ тактическаго дѣйствія на нашъ лѣвый флангъ, возвратить потерянное, поставивъ опять армію нашу въ то самое положеніе, котораго избѣгла она быстрымъ перелетомъ отъ Дейчъ-Эйлау и Либемиля къ Янкову. Потому, Сультъ аттаковалъ Бергфридъ—деревню, къ которой примыкалъ нашъ лѣвый флангъ, а генералъ Гюо поскакалъ съ бригадою легкой кавалеріи къ Гутштату. Мы отстояли Бергфридъ; но Гутштатъ, заключавшій въ себѣ часть обозовъ арміи съ малымъ числомъ охранныхъ войскъ, попался въ руки Французовъ, — партизанскій набѣгъ, замѣчательный при общемъ тогдашнемъ невѣдѣніи правилъ этого рода дѣйствіи.

—

II.

При наступленіи ночи, армія наша отошла къ Вольфсдорфу, оставивъ для прикрытія этого отступленія арріергардъ Генералъ-Маіора Барклая-де-Толли на очищенномъ ею мѣстѣ.

Поутру 23-го, Барклай поднялся вслѣдъ за арміею, но на пути аттакованъ былъ превосходными силами: цѣлый день сражался онъ, и потерпѣлъ много, особенно при Деппенѣ, но къ вечеру примкнулъ къ арміи, стоявшей уже на боевой позиціи при Вольфсдорфѣ. Ночью армія снялась съ позиціи и потянулась по направленію къ Ландсбергу. Арріергардъ Багратіона смѣнилъ утомленный наканунѣ арріергардъ Барклая, и остался при Вольфсдорфѣ съ тою же цѣлію, для которой оставленъ былъ наканунѣ арріергардъ Барклая при Янковѣ.

24-го, поутру, Багратіонъ аттакованъ былъ наступившимъ непріятелемъ. Битва была горячая, но не смотря на усилія Французовъ, щегольство въ порядкѣ сохранено было во всѣхъ частяхъ арріергарда. Къ вечеру онъ потянулся вслѣдъ за арміею Талбашъ и Кашауэнъ, и прибылъ въ Бергерсвальдъ, въ трехъ верстахъ отъ Фрауэндорфа, гдѣ на нѣсколько часовъ пріостановилась главная армія. Въ этотъ день Прусскій корпусъ Лестока, шедшій на одной высотѣ съ арріергардомъ нашимъ по направленію на Вормдитъ, аттакованъ былъ корпусомъ Нея, отряженнымъ исключительно противъ него отъ главной Французской арміи, на походѣ ея изъ Янкова къ Вольфсдорфу. Въ одно и то

же время отряженъ былъ Наполеонъ и корпусъ Даву на Гейльсбергъ, для облегченія шествія арміи по стѣсненной снѣгами дорогѣ, отъ которой чрезмѣрно растягивалась маршевая колонна. Съ нашей стороны отрядъ генерала Варнека обращенъ былъ для наблюденія этого корпуса.

Въ ночь на 25-е, армія наша выступила къ Ландсбергу, но не одною уже, а двумя колоннами, для избѣжанія, подобно Французской арміи, затрудненія въ движеніи одною колонною по пути, заваленному снѣгами. Первая колонна потянулась большою дорогою; вторая, подъ начальствомъ Сакена, на Спервартенъ и Петерсгагенъ; арріергардъ Барклая прикрывалъ отступленіе первой; арріергардъ Багратіона шелъ на КлауЗиттенъ, Пауленъ и Папертенъ въ Ландсбергъ, гдѣ примкнулъ къ арміи почти въ одно время съ Барклаемъ, который понесъ на пути своемъ, подъ Гофомъ, сильное пораженіе.

Бросивъ взглядъ на карту, мы увидимъ, что направленіе этого трехъ-суточнаго отступленія нашей арміи ни мало не перечило главной мысли Наполеона, отслонить насъ отъ сообщеній съ Нѣманомъ, или, что̀ одно и то же, съ Россіею, и подавить насъ тыломъ къ морю, то есть, къ Фришъ-гафу. Въ противодѣйствіе этой мысли, къ чему должны были клониться усилія наши въ теченіе трехъ-суточнаго отступленія? Къ сохраненію сообщеній съ Нѣманомъ посредствомъ движенія всею громадою войскъ отъ Янкова къ Гутштату, вмѣсто того, чтобъ итти къ Вольфсдорфу; или отъ *Вольфсдорфа* къ Гейльсбергу, вмѣсто того, чтобъ итти

къ Ландсбергу; или отъ Ландсберга къ Домнау и Фридланду, вмѣсто того, чтобъ итти къ Прейсишъ-Эйлау. Такимъ движеніемъ мы неминуемо разрушили бы всѣ намѣренія Наполеона: избавясь посредствомъ этого движенія отъ охвата лѣваго нашего фланга правымъ флангомъ Французской арміи, мы заслонили бы сообщенія наши съ Россіею и удалились отъ Фришъ-гафа, отъ моря, къ которому болѣе и болѣе приближался тылъ нашъ, по мѣрѣ нашего отступленія и направленія къ Эйлау и Кенигсбергу.

Но стратегическіе виды рѣшительно пожертвованы были какимъ-то мнимымъ тактическимъ выгодамъ, основаннымъ на ложномъ мнѣніи, что войску Русскому столько же необходимо для битвы мѣстоположеніе открытое, сколько Французскому закрытое или изобилующее естественными препятствіями, и что, сверхъ того, «войску нашему, по малому его навыку къ стройнымъ «движеніямъ въ бояхъ, выгоднѣе оборонительное, чѣмъ «наступательное дѣйствіе,»— какъ-будто за семь лѣтъ передъ тѣмъ, при Суворовѣ, оно знало, не только сущность оборонительнаго дѣйствія, но даже названіе этого рода дѣйствій! какъ будто Альпы, съ ихъ ущельями, пропастями, потоками и заоблачными высями, принадлежатъ болѣе къ равнинамъ, чѣмъ къ мѣстоположеніямъ закрытымъ и изобилующимъ естественными препятствіями!

Но таково было разсужденіе всѣхъ вообще военачальниковъ того времени, и на этомъ-то разсужденіи основана была мысль — сразиться на равнинахъ Эйлау, и сразиться *оборонительно*.

Между тѣмъ Наполеонъ, не зная, что Беннигсенъ избралъ Эйлау полемъ битвы, и привыкнувъ трехъ-дневнымъ опытомъ достигать нашу армію подъ вечеръ и видѣть ее уходящею съ занятой позиціи во время ночи, предполагалъ Прегель и кантониръ-квартиры за Прегелемъ единственными предметами нашего отступленія. Ни въ какомъ случаѣ не думалъ онъ, и не могъ думать, чтобы сраженіе ожидало его подъ Эйлау, — на пунктѣ, непредставляющемъ ни какого, не только стратегическаго, но даже тактическаго преимущества передъ Янковымъ, Вольфсдорфомъ и Ландсбергомъ, которые мы оставили безъ спора. Съ этою мыслію слѣдовалъ онъ за нами по большой дорогѣ, имѣя въ двадцати или двадцати пяти верстахъ отъ главныхъ силъ своихъ вправо Даву на Гейльсбергской дорогѣ, преслѣдовавшаго отрядъ Варнека, а влѣво Нея, преслѣдовавшаго Прусскій корпусъ Лестока по направленію къ Крейцбургу, и на нѣсколько сутокъ позади себя Бернадотта, незнавшаго о происходящемъ.

Ночью на 26-е, армія наша выступила отъ Ландсберга, и по неимѣнію двойнаго пути, довольно битаго и широкаго, потянулась къ Эйлау снова одною колонною. Арріергардъ Багратіона остановленъ былъ въ Ландсбергѣ для прикрытія сего движенія. По случаю мешкатнаго выступленія арміи съ мѣста отдыха и медленности движенія ея одною колонною, Багратіонъ принужденъ былъ отстрочить отступленіе арріергарда до восьмаго часа утра. Въ восьмомъ часу непріятельскія колонны двинулись: онѣ спустились со снѣжныхъ высотъ Гофа, и, подобно широкому потоку, растлались по *всему пространству* отъ Гофа до Ландсберга. Бой завя-

залея; мы отступали, тѣснимые и давимые превосходною силою. Не дошедши до половины разстоянія отъ Ландсберга до Эйлау, весь арріергардъ уже вступилъ въ дѣло. Подошло мѣстоположеніе открытое: нужно было болѣе кавалеріи. Багратіонъ послалъ меня * къ главнокомандующему, просить у него нѣсколько конныхъ полковъ на подкрѣпленіе арріергарда. Бенигсенъ приказалъ мнѣ взять два первые конные полка, которые я встрѣчу недошедшими еще до позиціи. Жребій палъ, кажется, на Санктпетербургскій драгунскій и на Литовскій уланскій полки, съ которыми я рысью отправился черезъ Эйлау къ арріергарду, отступившему уже къ Грингофенской мызѣ. Его Величества кирасирскій и два драгунскіе полка, Каргопольскій и Ингерманландскій, присланы были вслѣдъ за конницею, которую я привелъ. Между тѣмъ непріятель продолжалъ напирать сильнѣе и сильнѣе. Арріергардъ отступалъ въ порядкѣ и безъ волненія. Нѣсколько полковъ восьмой пѣхотной дивизіи подошли къ нему на подмогу. Такъ какъ армія не вся еще вступила на избранное для нея боевое поле, то нужно было удержать стремленіе непріятеля на нѣкоторое время, чтобъ дать ей средства довершить свое размѣщеніе и упрочить осѣдлость на позиціи; къ тому же и вся баттарейная артиллерія, шедшая боковымъ путемъ, не подошла еще къ арміи. Возвратясь къ Багратіону, я нашелъ его осыпаемаго ядрами и картечами: онъ давалъ приказанія съ геройскимъ величіемъ и очаровательнымъ хладнокровіемъ. Вскорѣ обѣ сражавшіяся стороны столкнулись, потому что Багратіонъ, получивъ подкрѣпленіе и извѣ-

* Я имѣлъ счастіе служить тогда адъютантомъ при князѣ.

стіе о неготовности еще арміи къ бою, остановился, а Наполеонъ, который, надѣясь на безпрерывность отступленія Багратіона, продолжалъ приливы своей арміи, и напиралъ волнами на волны. Ружейный огонь трещалъ по всей линіи, и неразъ смѣнялся звуками желѣза о желѣзо. Пѣхотные полки, Псковскій и Софійскій, ходили на штыки съ успѣхомъ на 46-й линейный. Санктпетербургскій драгунскій, ведомый полковникомъ своимъ, Дехтяревымъ, ударилъ на 18-й линейный, который шелъ отъ Грингофшена между озеромъ и холмомъ, находящимся возлѣ мызы, затопталъ этотъ полкъ, разсѣялъ его и взялъ одного орла. Полковникъ А. П. Ермоловъ, командуя всей артиллеріею арріергарда, сыпалъ картечи въ густоту наступавшихъ колоннъ, которыхъ передніе ряды ложились лоскомъ, но слѣдующіе шагали по трупамъ, валили впередъ, и не теряли ни отваги, ни наглости. Не смотря на всѣ наши усилія удержать мѣсто боя, арріергардъ оттѣсненъ былъ къ городу, занятому нашими войсками, и ружейный огонь изъ переднихъ домовъ и заборовъ побѣжалъ по всему его протяженію, намъ на подпору, но тщетно. Непріятель, усиливъ рѣшительный натискъ свой свѣжими громадами войскъ, вломился внутрь Эйлау. Сверкнули выстрѣлы его изъ за угловъ, изъ оконъ и съ крышъ домовъ; пули посыпались градомъ и ядра запизали стѣснившуюся въ улицахъ пѣхоту нашу, еще разъ штыками ощетинившуюся. Эйлау болѣе и болѣе наполнялся непріятелемъ. Приходилось уступить ему эти каменныя дефилеи, столько для насъ необходимыя. Уже Барклай палъ, раненый; множество штабъ и оберъ-офицеровъ подверглись той же участи или легли трупами, и улицы завалились трупами нашей пѣхоты.

Багратіонъ, котораго непріятель тѣснилъ такъ упорно, такъ неотступно, числомъ столь несоразмѣрнымъ съ его силами, началъ оставлять Эйлау шагъ за шагомъ. При выходѣ изъ города къ сторонѣ позиціи, онъ встрѣтилъ главнокомандующаго, который, подкрѣпивъ его 14-ю пѣхотною дивизіею, приказалъ снова овладѣть городомъ, во что бы то ни стало, потому что обладаніе имъ входило въ составъ тактическихъ его предначертаній. И подлинно, не говоря о другихъ неудобствахъ, городъ находился только въ семи стахъ шаговъ отъ праваго фланга нашей боевой линіи. Багратіонъ безмолвно слѣзъ съ лошади, сталъ впереди передовой колонны, и повелъ ее обратно въ Эйлау. Всѣ другія колонны пошли за нимъ спокойно и безъ шума. Но при вступленіи въ улицы, все заревѣло ура! ударило въ штыки, и мы снова овладѣли Эйлау. Ночь прекратила битву. Городъ остался за нами.

Занявъ его достаточнымъ числомъ пѣхоты, Багратіонъ снабдилъ начальствовавшаго надъ нею приказаніями и наставленіями, распустилъ прочія войска аріергарда по мѣстамъ, назначеннымъ въ диспозиціи, и не имѣвъ уже команды, отправился въ главную квартиру, которая занимала тогда мызу Ауклапенъ, въ трехъ верстахъ отъ Эйлау, въ тылу нашихъ линій.

Пожаръ костровъ запылалъ въ обѣихъ арміяхъ. Казалось, что все кончено до слѣдующаго утра. Вышло иначе. Взятіе приступомъ города произвело то, что производитъ всякій удачный приступъ,—разбродъ по улицамъ и по домамъ большей части войска, которое предалось своевольству и безначалію. Надобно было

собрать ихъ и устроить. Начальствовавшій надъ симъ войскомъ прибѣгъ къ единственному въ такихъ случаяхъ способу,—барабану, но онъ забылъ, что находится лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, котораго бивачные огни пылали почти у воротъ города, и недостаточно обдумалъ дѣло: онъ приказалъ ударить сборъ, не назначивъ мѣста, гдѣ его ударить. Барабаны загремѣли, но не въ сторонѣ города, ближайшей къ непріятелю, а въ самой отдаленной отъ него, или, лучше сказать, у самаго отверстія улицъ, ведущихъ изъ города къ позиціи нашей арміи. Можно вообразить, что произвела подобная оплошность! Едва барабанный бой раздался по городу, какъ все хлынуло къ точкѣ сбора, оставивъ и ворота Эйлаускія, и площадь, и улицы, безъ защиты. Непріятель тѣмъ воспользовался, вступилъ по пятамъ нашимъ въ очищенный городъ, и расположился въ немъ съ полною рѣшимостью удержать его за собою, во что бы то ни стало.

Неожиданное и, можно сказать, несчастное происшествіе это, угрожая правому флангу нашему внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ, принудило Беннигсена исключить на всю ночь всю 4-ю пѣхотную дивизію изъ боеваго порядка, усилить ее Архангелогородскимъ пѣхотнымъ полкомъ и расположить между арміею и городомъ, и сверхъ того, передвинуть ближе къ отверстіямъ улицъ баттарею изъ сорока баттарейныхъ и двадцати легкихъ орудій, заложенную прежде на оконечности праваго фланга арміи у Шлодитена. Но тѣмъ не ограничилась неблагопріятность этого обстоятельства: оно лишило насъ на другой день средства, еще за пять часовъ до *прибытія корпуса* Даву, на полное сраженія, двинуть

всѣ силы наши на флангъ Французской арміи, бывшей тогда безъ этого корпуса, безъ корпуса Нея, безъ корпуса Бернадотта, лишенной всякихъ опоръ флангамъ своимъ и расположенной за городомъ, на оси котораго мы безопасно могли предпринять этотъ рѣшительный поворотъ вправо и воспользоваться превосходствомъ и силъ нашихъ, и мѣстности. Наконецъ, оно перенесло на сторону непріятеля всѣ выгоды, представляемыя опорою на Эйлау: уже не мы, а Французы, совершили на его оси поворотъ влѣво: ихъ армія примкнула такимъ образомъ къ подходившему на поле сраженія корпусу Даву, охватила имъ весь лѣвый флангъ нашъ, подавила его къ Кенигсбергской дорогѣ, и тѣмъ выполнила виды Наполеона, которые, съ самаго начала движенія его отъ Наревы, клонились къ тому, чтобы отстранить насъ отъ послѣдняго прямаго сообщенія съ Россіею и отбросить къ Кенигсбергу и къ Фришъ-гафу. Рѣшительно можно сказать, что по занятіи непріятелемъ Эйлау, намъ ни минуты не слѣдовало оставаться на избранномъ нами боевомъ полѣ, и надобно было тотчасъ отойти къ Домнау или къ Фридланду,—перемѣщеніе безопасное, по случаю свободнаго въ этомъ направленіи отверстія, еще непресѣченнаго корпусомъ Даву, и ночи, которой оставалось болѣе чѣмъ на семь часовъ времени, слѣдовательно по крайней мѣрѣ на двадцать верстъ переходу.

Впрочемъ, положимъ, что на пути этомъ вся громада силъ нашихъ и встрѣтила бы тридцати-тысячный корпусъ Даву, — встрѣча эта не столько воспрепятствовала бы шествію ея, сколько довершила бы превосходство ея положенія. На совершенное пораженіе и

разсѣяніе тридцати-тысячнаго корпуса, внезапно аттакованнаго почти восьмидесяти-тысячною арміею, потребно не болѣе времени того, которое необходимо было Наполеону для прибытія отъ Эйлау на подмогу этому корпусу; слѣдственно, выступя цѣлою зимнею ночью позже нашей арміи, онъ, не смотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ бы поспѣть на поле сраженія во-время. Я говорю это, предполагая, что Наполеонъ точно извѣстенъ былъ бы о направленіи нашемъ на Домнау, чего не могло случиться отъ твердой увѣренности его въ направленіи нашемъ къ Кенигсбергу,—увѣренности, посѣянной и питаемой въ немъ постояннымъ трехъ-суточнымъ отступленіемъ нашимъ по этому направленію. Для довершенія заблужденія его, намъ стоило тотько оставить подъ Эйлау отрядъ изъ нѣкоторой части регулярной конницы, нѣсколько казачьихъ полковъ и одной или двухъ ротъ конной артиллеріи, съ повелѣніемъ отступать по Кенигсбергской дорогѣ, какъ отступалъ арріергардъ нашъ въ теченіе трехъ сутокъ сряду. Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ продолжалъ бы преслѣдовать нѣсколько десятковъ верстъ, а можетъ быть, и до самаго Кенигсберга отрядъ, передъ нимъ отступающій, и тогда только очнулся бы отъ заблужденія, когда было бы поздно, когда корпусъ Даву уже не существовалъ. Нельзя предположить, чтобы гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, который происходилъ бы отъ битвы нашей съ Даву, могъ объяснить Наполеону истинное положеніе дѣлъ: зная, что Прусскій корпусъ Лестока преслѣдуемъ по направленію къ Крейбургу Неемъ, а Даву преслѣдуетъ отъ Гейльсберга отрядъ Варнека, онъ почелъ бы скорѣе пушечный гулъ этотъ за окончательное пораженіе Давустомъ

Варнека, чѣмъ за пораженіе первою главною нашею арміей. Взглянемъ на карту и припомнимъ взаимное въ то время положеніе обѣихъ воюющихъ армій: нельзя не изумиться, до чего одно движеніе наше отъ Эйлау къ Домнау могло измѣнить обстоятельства! Основаніе (basis) Французской арміи простиралось тогда отъ Торна до Варшавы, ибо всѣ крѣпости, лежащія на Нижней Вислѣ, отъ Торна до устья этой рѣки, принадлежали еще Прусскимъ гарнизонамъ, — слѣдственно, сообщеніе Наполеоново съ основаніемъ его не могло имѣть инаго направленія, какъ почти мимо нашей арміи, которая положеніемъ своимъ у Домнау, тыломъ къ востоку, то есть, къ Нѣману, совершенно заслоняла сообщенія свои съ Россіею и рѣшительно угрожала сообщенія непріятеля. Словомъ, Наполеонъ попался-бы тогда въ тотъ самый уголъ, въ который онъ намѣревался посунуть нашу армію движеніемъ своимъ отъ Вкры и Наревы, когда мы направлялись къ Торну, или охватомъ нашего лѣваго фланга корпусомъ Даву, когда мы отступали отъ Янкова чрезъ Волфсдорфъ къ Эйлау. Какой рѣшительный переворотъ происшелъ бы отъ движенія, тогда никѣмъ непридуманнаго! Какое произвелъ бы онъ вліяніе на Французскія войска, столь склонныя къ упадку духомъ при первомъ измѣненіи имъ счастія, и на войска наши, столь же терпѣливо переносящія всѣ неудачи, сколько готовыя на преодолѣніе самыхъ неодолимыхъ препятствій при малѣйшемъ успѣхѣ! Надобно прибавить, что въ эту эпоху армія наша была безпримѣрнаго, превосходнѣйшаго состава. Она почти вся состояла изъ широкоплечихъ, усатыхъ ветерановъ вѣка Екатерины, временъ Потемкинскихъ и Суворовскихъ. Солдаты 20 лѣтъ службы, и отъ 40 до 45

лѣтъ отъ роду, были на приступахъ Очакова и Измаила, въ сраженіяхъ подъ Рымникомъ и Мачиномъ,—тѣ, которыхъ служба простиралась не далѣе 12 лѣтъ и которымъ было отъ роду отъ 32 до 37 лѣтъ, разгромили Польшу, были на приступѣ Праги и въ сраженіяхъ подъ Брестомъ и Мачіовицами, и наконецъ тѣ, которымъ считалось только 7 лѣтъ службы и отъ 27 до 32 лѣтъ отъ роду, совершили безсмертный походъ съ Суворовымъ въ Италію, побѣждали на Аддѣ, на Требіи, подъ Нови и на заоблачныхъ высяхъ и въ ущеліяхъ Швейцаріи. Правда, что въ предшествовавшемъ году нѣкоторые изъ полковъ пострадали подъ Аустерлицомъ, но случай этотъ, какъ тревожный сонъ, потрясъ и мысли и чувства ихъ мимолетно, безъ малѣйшаго вліянія на высокое ихъ о себѣ мнѣніе. Обладающее ими самолюбіе, подкрѣпленное вѣковою непобѣдимостію, отнесло несчастіе это несоразмѣрности числительной силы непріятеля съ силою нашей арміи и слабымъ дѣйствіямъ союзниковъ, а не генію Наполеона, еще менѣе превосходству надъ ними въ удальствѣ и храбрости Французскаго войска, такъ недавно уступавшаго въ Италіи и въ Швейцаріи ихъ бурнымъ натискамъ. Такая армія могла смѣло состязаться съ войскомъ, покрытымъ лаврами Риволи, Пирамидъ, Маренга и Ульма, и не было такой отваги вождя ея, которую бы она не готова была подпереть всею мощею богатырской груди и штыка Русскаго.

Но воля главнокомандующаго была неколебима. Жребій былъ брошенъ.

—

III.

Армія наша, заключавшая въ себѣ отъ 78 до 80 тысячъ человѣкъ, размѣщена была такъ:

Она примыкала правымъ флангомъ къ Альторфскому лѣсу, разсѣкала Кенигсбергскую дорогу позади Шлодитена и шла нѣсколько косвенно къ городу; потомъ, не доходя около полуверсты до города, образовала тупой уголъ и простиралась до Клейнъ-Саусгартена.

Деревня Серпальтенъ, находившаяся впереди Саусгартена, занята была слабымъ отрядомъ Генералъ-Маіора Багговута.

Четыре пѣхотныя дивизіи, 2-я, 3-я, 5-я и 8-я, построены были въ двѣ линіи: два баталіона каждаго полка развернутымъ фронтомъ, третій позади ихъ въ колоннѣ.

Резервъ, состоявшій изъ двухъ дивизій, 4-й и 14-й, построенъ былъ въ двѣ густыя колонны, и имѣлъ при себѣ шестьдесятъ орудій конной артиллеріи. Въ началѣ онъ расположенъ былъ по обѣимъ сторонамъ мызы Аукляпенъ, но при разсвѣтѣ переведенъ ближе къ центру арміи.

Вся конница раздѣлена была на три части, и разставлена на флангахъ и въ срединѣ арміи, гдѣ находилось не болѣе двадцати восьми эскадроновъ.

Казацкіе полки расположены были на обоихъ флангахъ уступами.

Кромѣ артиллеріи, размѣщенной вдоль линіи или находившейся при резервѣ, первая баттарея, изъ сорока баттарейныхъ и двадцати легкихъ орудій, заложена была вначалѣ на правомъ флангѣ арміи у Кенигсбергской дороги, а по занятіи непріятелемъ города подвинута на семьсотъ шаговъ отъ него. Вторая баттарея изъ семидесяти баттарейныхъ орудій, расположена была почти на центрѣ арміи, въ полуверстѣ отъ города, а третья, изъ сорока баттарейныхъ, между этою баттареею и Саусгартеномъ. Ко всѣмъ тремъ баттареямъ примыкали войска первой нашей линіи, какъ куртины къ бастіонамъ.

Прусскій корпусъ Лестока, усиленный Выборгскимъ пѣхотнымъ полкомъ и простиравшійся почти до 8,000 человѣкъ, былъ еще далеко, но направлялся къ Альторфу, то есть, къ правому флангу нашей позиціи, заманивая одною бригадою, командуемою генераломъ Плоцомъ, Нея къ Крейцбургу, для отвлеченія его отъ круга рѣшительныхъ происшествій и отъ содѣйствія въ приготовляющемся боѣ.

Правымъ флангомъ командовалъ Генералъ-Лейтенантъ Тучковъ 1-й; срединою Генералъ-Лейтенантъ Сакенъ; лѣвымъ флангомъ Генералъ-Лейтенантъ графъ Остерманъ-Толстой; резервомъ Генералъ-Лейтенантъ Докторовъ; всею кавалеріею Генералъ-Лейтенантъ князь Голицынъ; артиллеріею Генералъ-Маіоръ Рѣзвой. Багратіонъ, который былъ всѣхъ моложе, въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта, не имѣлъ особой команды и назначенъ былъ подъ начальство къ Докторову.

Французская армія, въ ночь съ 26-го на 27-е число, расположена была слѣдующимъ порядкомъ:

У передовыхъ строеній города и въ городѣ пѣхотная дивизія Леграна.

На правой сторонѣ города пѣхотная бригада Вивіена; на лѣвой пѣхотная бригада Фере: обѣ онѣ составляли пѣхотную дивизію Леваля.

Къ правому флангу бригады Вивіена примыкала пѣхотная дивизія Сентъ-Илера.

Всѣ тѣ три дивизіи составляли корпусъ Сульта.

На правомъ флангѣ дивизіи Сентъ-Илера, уступомъ, драгунская дивизія Миль̀.

За городомъ, по обѣимъ сторонамъ Ландсбергской дороги, драгунскія дивизіи Клейна и Груши.

Уступомъ отъ ихъ лѣваго фланга, позади пѣхотной бригады Фере, гвардейская кавалерійская дивизія.

На лѣвомъ ея флангѣ, выступомъ, легкія кавалерійскія бригады Кольберта, Гюо̀ и Брюера; а уступомъ, кирасирская дивизія Гопульта.

Легкая кавалерійская бригада Дюронеля на оконечности лѣваго фланга всей арміи, между ею и селеніемъ Альторфъ.

Позади кирасировъ Гопульта, на дорогѣ отъ Эйлау къ селенію Стробенену, пѣхотный корпусъ Ожеро̀.

Пѣшая гвардія Наполеона и его собственный бивакъ на холмѣ между Эйлау и Грингофшенскою мызою.

Пѣхотный корпусъ Даву, верстахъ въ двадцати отъ арміи, на Бартенштейнской дорогѣ.

Пѣхотный корпусъ Нея, на Мельзакской дорогѣ къ Цинтену, около селенія Гусененъ, верстахъ въ двадцати пяти отъ арміи.

Пѣхотный корпусъ Бернадотта на нѣсколько сутокъ позади арміи.

Мѣстоположеніе занимаемой нами позиціи представляло слегка холмистую равнину, заключенную въ возвышеніяхъ, не весьма значительныхъ и довольно отъ насъ отдаленныхъ, болѣе однако близкихъ со стороны нашего лѣваго фланга, столь опаснаго для насъ и въ стратегическомъ смыслѣ. Снѣгъ покрывалъ землю: это затрудняло перемѣщеніе артиллеріи, а оледенѣлыя и покрытыя снѣгомъ озера, расбросанныя на полѣ сраженія, представляли плоскости, удобныя для пѣхоты и конницы, но опасныя для движенія артиллеріи. Болота были еще непроходимы даже и для пѣхоты. Погода была вообще ясная, хотя нерѣдко отемняемая скоропостижными и пролетными появленіями густаго снѣга. Стужа была легкая, и не превышала 3 или 4 градусовъ.

Съ утреннимъ полусвѣтомъ армія поднялась и стала въ ружье. Еще костры курились на мѣстѣ ночлега между войсками, которыя черными полосами разсѣкали бѣлое, незапятнанное поле будущаго сраженія; еще нигдѣ изнутри ихъ не сверкнуло ни одного выстрѣла; только видно было нѣкоторое волненіе въ линіяхъ и колоннахъ, приходившихъ въ окончательный порядокъ; 4-я

пѣхотная дивизія возвратилась на свое мѣсто, въ составъ главнаго резерва арміи, и Архангелогородскій полкъ примкнулъ къ своей дивизіи. Ободняло, и со свѣтомъ грянула шестидесяти-пушечная баттарея нашего праваго фланга. Часть непріятельской артиллеріи, ночевавшей подъ прикрытіемъ переднихъ строеній города, выдвинулась изъ за нихъ, и отвѣчала на вызовъ. Наполеонъ увидѣлъ собственными глазами, что дѣло идетъ о битвѣ уже не съ арріергардомъ, какъ онъ думалъ, а со всею нашею арміей. Не можетъ быть, чтобы въ эту минуту великій полководецъ не упрекнулъ себя въ удаленіи корпусовъ Нея и Даву на такое разстояніе отъ арміи, въ какомъ они тогда находились, и не подосадовалъ на судьбу, которая, въ такой рѣшительный день, лишила его корпуса Бернадотта. Обстоятельство это не прошло бы ему даромъ за семь лѣтъ прежде, когда Суворовъ былъ еще на конѣ передъ Русскими знаменами. Но отъ того, что уже не было Суворова, ему нельзя было пренебрегать Беннигсена, полководца не безъ высокихъ достоинствъ по многимъ отношеніямъ, и потому гонцы летѣли къ Даву и къ Нею съ приказаніями немедленно обратиться къ Эйлау.

Между тѣмъ жестокая канонада гремѣла вокругъ города, и главныя силы Французской арміи начали размѣщаться. Легкія кавалерійскія бригады Дюронеля, Брюера, Гюо и Кольберта остались влѣвѣ отъ Эйлау. Пѣхотная дивизія Леваля, соединивъ всѣ три свои бригады, расположилась лѣвымъ флангомъ къ симъ легкоконнымъ бригадамъ, а правымъ къ городу. Пѣхотная дивизія Леграна выдвинулась впередъ города и примкнула къ правому флангу Леваля. Корпусъ Оже-

рò построился въ двѣ линіи: дивизія Дежардена составила первую, а дивизія Гюдле вторую линію. Обѣ тѣ дивизіи примкнули лѣвые свои фланги къ церкви, лежащей у оконечности города, гдѣ находился Наполеонъ во все время сраженія.

За Ожерò расположилась кирасирская дивизія Гопульта, примыкая слѣва къ пѣшей гвардіи, стоявшей позади церкви за возвышеніемъ. За Гопультомъ стала конная гвардія, а вправо, на одной съ нимъ линіи, драгунская дивизія Груши. Дивизія Сентъ-Илера, отъ корпуса Сульта, примкнула къ правому флангу первой линіи Ожерò, заслоняя собою драгунскую дивизію Клейна; драгунская дивизія Милò — къ правому флангу Клейна, и составила оконечность всей арміи.

Канонада съ обѣихъ сторонъ загоралась по мѣрѣ развитія Французской арміи параллельно нашей. Она сдѣлалась общею, но все гремѣла съ большею силою около города, нежели на другихъ пунктахъ, — съ нашей стороны, потому что мы посредствомъ ея старались воспретить дивизіямъ Леграна и Леваля нападеніе на нашъ правый флангъ, а съ непріятельской, — для привлеченія нашего вниманія болѣе на нашъ правый флангъ чѣмъ на лѣвый, чтобы тѣмъ облегчить усилія Даву, котораго прибытіе на оконечность нашего лѣваго фланга долженствовало рѣшить участь сраженія.

Уже огонь изъ нѣсколькихъ сотъ орудій продолжался около трехъ часовъ сряду, и ничего замѣчательнаго не происходило ни съ непріятельской, ни съ нашей стороны.

Получивъ извѣстіе о скоромъ прибытіи корпуса Даву (ему велѣно было, направляясь къ арміи, взять вправо отъ Бартенштейнской дороги, на которую онъ перешелъ съ Гейльсбергской), Наполеонъ приказалъ всей главной арміи двинуться также вправо, для связи своего дѣйствія съ дѣйствіемъ Даву. Армія двинулась, но въ самую эту минуту закрутилась мятель съ густымъ снѣгомъ, такъ, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Корпусъ Ожерò потерялъ дирекцію, и, отдѣлясь отъ дивизіи Сентъ-Илера и всей кавалеріи, предсталъ неожиданно, и для насъ и для себя, передъ центральною баттареею нашею въ самый моментъ проясненія погоды. Семдесятъ жерлъ рыгнули адомъ, и градъ картечей зазвенѣлъ по желѣзу ружей, и застучалъ по живой громадѣ костей и мяса. Въ одно мгновеніе полки, Московскій гренадерскій и Шлиссельбургскій пѣхотный, и пѣхотная бригада генерала Сомова, ринулись на нее жадно съ наклоненными штыками. Французы всколыхнулись, но, ободрясь, подставили штыки штыкамъ и стали грудью. Произошла схватка, дотолѣ невиданная. Болѣе двадцати тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ вонзали трехгранное остріе другъ въ друга. Толпы валились. Я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого Гомерическаго побоища, и скажу поистинѣ, что, въ четырнадцать кампаній моей службы, во всю эпоху войнъ Наполеоновскихъ, справедливо названную эпопеей нашего вѣка, я подобнаго побоища не видывалъ. Около получаса не было слышно ни пушечныхъ, ни ружейныхъ выстрѣловъ, ни въ срединѣ, ни вокругъ его: слышенъ былъ только невыразимый гулъ перемѣшавшихся тысячей храбрыхъ и рѣзавшихся безъ пощады. Груды мертвыхъ тѣлъ осыпались свѣжими грудами, лю-

ди падали одни на другихъ сотнями, такъ, что вся эта часть поля сраженія вскорѣ уподобилась высокому парапету вдругъ воздвигнутаго укрѣпленія. Наконецъ — наша взяла! Корпусъ Ожерò былъ опрокинутъ и жарко преслѣдованъ нашею пѣхотою и Генералъ-Лейтенантомъ княземъ Голицынымъ, прискакавшимъ съ центральною конницею на подпору пѣхоты. Задòръ достигъ до невѣроятія: одинъ изъ нашихъ баталіоновъ въ пылу погони занесся за непріятельскую позицію и явился у церкви, во стѣ шагахъ отъ самого Наполеона; объ этомъ упоминаютъ сами Французы во всѣхъ описаніяхъ войнъ того времени. Минута была критическая. Наполеонъ, котораго рѣшительность умножалась по мѣрѣ усиленія опасности, приказалъ Мюрату и Бессіеру ударить съ тремя дивизіями Гопульта, Клейна и Груши и съ конною гвардіею, на наши войска, гнавшіяся за Ожерò при крикахъ ура! — движеніе, необходимое для спасенія хоть части его корпуса, и для предупрежденія общаго съ нашей стороны натиска, въ случаѣ, если бъ Беннигсенъ на это отважился. Болѣе шестидесяти эскадроновъ обскакало справа бѣжавшій корпусъ и понеслось на насъ, махая палашами. Загудѣло поле, и снѣгъ, взрываемый двѣнадцатью тысячами сплоченныхъ всадниковъ, поднялся и завился изъ-подъ нихъ, какъ вихрь изъ-подъ громовой тучи. Блистательный Мюратъ, въ театральномъ костюмѣ своемъ, сопровождаемый многочисленною свитою, горѣлъ впереди бури, съ саблею на-голо, и летѣлъ какъ на пиръ въ средину сѣчи. Пушечный, ружейный огонь и рогатки штыковъ, подставленныхъ нашею пѣхотою, не преградили гибельному приливу. Французская кавалерія все *смяла*, все затоптала, прорвала обѣ линіи арміи, и, въ

бурномъ порывѣ, достигла до резерва. Тутъ разразился о скалу напоръ волнъ ея. Резервъ устоялъ, не поколебавшись, и густымъ ружейнымъ и баттарейнымъ огнемъ обратилъ вспять нахлынувшую громаду. Тогда кавалерія эта, въ свою очередь преслѣдуемая нашею конницею сквозь строй пѣхоты, ею же прежде смятой и затоптанной, а теперь снова поднявшейся на ноги и стрѣлявшей по ней въ догонку, отхлынула даже за черту, которую она занимала въ началѣ дѣла. Погоня конницы нашей была удальски запальчива и, какъ говорится, до дна, à fond. Оставленныя на этой чертѣ непріятельскія баттареи были взяты нѣсколькими нашими эскадронами, которые до нихъ достигли; канонеры и у многихъ орудій колеса изрублены всадниками, но самыя орудія остались на мѣстѣ за неимѣніемъ передковъ и упряжей ускакавшихъ отъ страха изъ виду. Въ этой рукопашной свалкѣ въ приливѣ и отливѣ кавалеріи, дивизіонные генералы, кавалерійскій Гопультъ, гвардейскій Далманъ и пѣхотный Дежарденъ, легли на мѣстѣ битвы. Самъ маршалъ Ожеро̀, дивизіонный генералъ Гюдлѐ и бригадный Лошетъ были ранены; нѣкоторые другіе бригадные генералы и множество штабъ- и оберъ-офицеровъ потерпѣли подобную же участь. Два эскадрона гвардейскихъ конныхъ гренадеръ, которые составляли хвостъ уходившей непріятельской кавалеріи, были отхвачены нашею конницею и положили жизнь между второю линіею и резервомъ. 14-й линѣйный полкъ лишился всѣхъ офицеровъ, а въ 24-мъ линѣйномъ осталось въ живыхъ только пять. Весь корпусъ Ожеро̀, три кавалерійскія дивизіи и конная гвардія представляли одни обломки. Шесть орловъ было взято нашими.

Какая была минута для дружнаго и совокупнаго напора всѣхъ нашихъ силъ на дивизію Сентъ-Илера, оставшуюся безъ подпоры, и безъ надежды на какую либо подпору! Все вокругъ нея было или истреблено или разстроено, и, что всего важнѣе, лишено духа не только помогать ей, но даже защищаться. Сверхъ того, еще было не болѣе одиннадцати часовъ утра, слѣдственно оставалось два часа времени до прибытія корпуса Даву на поле сраженія. Но, чтобы пользоваться подобными минутами, не довольно глубокаго познанія своего дѣла, не довольно духа твердаго и ума разсчетливаго: все это мертво безъ вдохновенія, безъ того порыва, непонятнаго, неизъяснимаго, мгновеннаго какъ электрическая искра, который равно необходимъ и поэту, и витіи, и полководцу — принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова, поэтовъ и витій. дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо́, полководцевъ Слова.

Благопріятная минута, обѣщавшая оружію нашему такъ много выгоды, исчезла. Войска наши, гнавшіяся за непріятелемъ, принуждены были возвратиться въ составъ главныхъ силъ арміи, изъ которой не было выдвинуто ни одного баталіона имъ на подпору, и разстроенный непріятель, пользуясь ихъ отливомъ, сплотился, устроился, ободрился. Тогда обѣ арміи вошли въ то самое положеніе, въ которомъ находились до рѣзни и сѣчи, до бойни, безполезно пожравшей такое множество, и всѣ эти чудеса храбрости, все это самоотверженіе, весь этотъ героизмъ воиновъ, загромоздившихъ трупами своими поле кроваваго пренія, *обратился* ни во что; какъ будто его не бывало!....

Дѣйствіе ограничилось жестокою канонадою, которая снова разлилась по всему протяженію обѣихъ армій, и побіеніемъ ею новыхъ тысячей, такъ, отъ нечего дѣлать, до прибытія къ Французамъ корпуса Даву, къ намъ—Прусскаго корпуса Лестока.

Настал̂ъ второй періодъ сраженія. Около перваго часа пополудни, на гребнѣ высотъ, которыя виднѣлись отъ насъ влѣво, замелькаго нѣсколько отдѣльныхъ всадниковъ. За ними показались громады конницы, а тамъ выдвинулись громады пѣхоты и артиллеріи. Горизонтъ зачернѣлъ и взволновался. Холмы Саусгартена, дотолѣ безмолвные, сверкнули, оклубились дымомъ, и «проглаголали». Даву отвѣчалъ имъ изъ сорока орудій, и потекъ лавою на боевое поле, въ одно время съ дивизіей Сентъ-Илера, которая сдѣлала приблизительное къ нему движеніе и была усилена кавалерійскою дивизіею Мило̀. На лѣвомъ флангѣ Сентъ-Илера, уступомъ отъ него, двинулись кавалерійскія дивизіи, уже потерпѣвшія въ бою, Клейна, Груши, и бывшая Гопульта: онѣ были построены въ три линіи. Къ лѣвому флангу этой кавалеріи примкнулъ остатокъ корпуса Ожеро̀, построенный въ двѣ линіи. За нимъ расположилась пѣшая гвардія, а позади дивизіи бывшей Гопульта конная гвардія, потерпѣвшая въ бою не менѣе кавалерійскихъ дивизій. Дивизіи Леграна и Леваля, какъ и четыре легкія кавалерійскія бригады, остались на своихъ мѣстахъ.

Все вниманіе, и наше и непріятельское, обратилось къ Даву и къ нашему лѣвому флангу.

Поскакали адъютанты по Альторфской дорогѣ съ повелѣніями Лестоку увеличить поспѣшность и не останавливаясь уже у Шмодиттена, прибыть скорѣе къ лѣвому флангу арміи. Нѣкоторая часть конницы и артиллеріи, находившихся на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ, потянулась также къ лѣвому флангу, который непріятельскія силы подавляли болѣе и болѣе, и загибали къ центру, давно уже терпѣвшему отъ баттарей, расположенныхъ за каменными строеніями города и начавшихъ продольными выстрѣлами все протяженіе нашей арміи отъ Эйлау до ручья, протекающаго между Саусгартеномъ и Кушиттеномъ.

Обстоятельства являлись не въ красивомъ видѣ. Даву, оттѣснивъ нашъ лѣвый флангъ за ручей, занялъ пространство, раздѣляющее Кушиттенъ и Саусгартенъ, заложилъ на высотахъ его огромную баттарею, и съ своей стороны занизалъ ядрами протяженіе нашей арміи, обстрѣливаемое уже изъ города. Селеніе Кушиттенъ наполнилось его пѣхотою, и пѣхота отъ дивизіи Сентъ-Илера забралась въ мызу Ауклапенъ, гдѣ была ночью главная квартира Беннигсена. Графъ Остерманъ съ неустрашимостью, графъ Паленъ съ спокойствіемъ героевъ, отражали нападеніе, котораго стремительность возрастала отъ успѣховъ. Но тщетно! Безпорядокъ начиналъ оказываться между нашими войсками. Вся часть поля сраженія, отъ Кушиттена до Шмодиттена, покрылась разсѣянными солдатами: они тянулись къ Кенигсбергской дорогѣ подъ прикрытіемъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые, не теряя ни духа ни устройства, обливали еще своею кровью каждый шагъ земли, ими *оспориваемой*. Перекрестный огонь умножившихся бат-

тарей непріятеля пахалъ, взрывалъ поле битвы и все, что на немъ ни находилось. Обломки ружей, щепы лафетовъ, кивера, каски вились по воздуху. Все трещало, все разрушалось. Среди бури ревущихъ ядръ и лопавшихъ гранатъ, среди упадшихъ и падающихъ людей и лошадей, окруженный сумятицею боя и облаками дыма, возвышался огромный Беннигсенъ какъ знамя чести. Къ нему и отъ него носились адъютанты; извѣстія и повелѣнія смѣнялись извѣстіями и повелѣніями; скачка была безпрерывная, дѣятельность неутомимая: но положеніе арміи тѣмъ не исправлялось, потому что всѣ мысли, всѣ намѣренія, всѣ распоряженія нашего вождя дышали осторожностью, разсчетливостью,—свойствами ума точнаго, основательнаго, сильнаго для состязанія съ умами такого же рода, но не со вспышками генія, не съ созданіями внезапности, которыя ускользаютъ отъ предусмотрѣній и угадываній, основанныхъ на классическихъ правилахъ. Все, что Беннигсенъ ни приказывалъ, все, что ни исполнялось въ слѣдствіе его приказаній, — все клонилось къ систематическому отраженію нападенія Даву и Сентъ-Илера, противуставя штыкъ ихъ штыку, дуло ихъ дулу, но не къ смѣлому и неожиданному движенію, выходящему изъ круга обыкновенныхъ движеній, не къ удару на-удалую и очертя голову на какой нибудь пунктъ, почитаемый непріятелемъ внѣ опасности. И подлинно: какъ шло дѣло? Даву продолжалъ напирать, охватывая болѣе и болѣе лѣвый флангъ нашей арміи, тогда какъ центръ и правый флангъ, не двигаясь съ мѣста, постепенно отдѣляли отъ себя частицы пѣхоты, конницы, артиллеріи, на подпору отступавшему флангу, и не предпринимали ничего совокупнаго, ничего рѣши-

тельнаго, ничего такого, что могло бы своею скоропостижностью ошеломить противника. Впрочемъ, много пользы приносило намъ и одно преграждепіе натисковъ праваго непріятельскаго фланга до прибытія корпуса Лестока; но для того слѣдовало подкрѣплять флангъ большими массами, а не мелкими частицами. Багратіонъ, который въ минуты опасности поступалъ на свое мѣсто силою воли и дарованія, двинулъ резервъ къ Ауклапену, и обратилъ его лицомъ къ Даву и Сентъ-Илеру. Ермоловъ прискакалъ къ тому же пункту съ своими тридцатью шестью конными орудіями, выдвинулъ ихъ изъ-за резерва, осыпалъ брандскугелями Ауклапенскую мызу, мгновенно зажегъ ее, и принудилъ непріятельскую пѣхоту удалиться оттуда. Тогда, не теряя ни минуты, онъ бросился къ ручью и сразился съ заложенными на противномъ берегу баттареями, не перепуская вмѣстѣ съ тѣмъ ни одной пѣхотной колонны черезъ ручей ни къ Ауклапену, ни къ Куштиттену для подкрѣпленія войскъ, ввалившихся въ послѣднее селеніе. Но эти успѣхи или, лучше сказать, эта отсрочка угрожавшей гибели не могла быть продолжительна. Для похищенія у непріятеля рѣшительной побѣды, надобно было не только остановить, но поразить Даву натискомъ на его правый флангъ, и вмѣстѣ угрозить тылу его общимъ напоромъ на корпусъ Ожерò и кавалерію, которая къ нему примыкала. Для послѣдняго мы еще обладали достаточною силою, но для перваго намъ необходимъ былъ бы Прусскій корпусъ, который все еще не являлся.

Наконецъ прискакали адъютанты съ извѣстіемъ о *приближеніи Лестока*, такъ давно, такъ нетерпѣливо

жданнаго нами. Занявши большую часть корпуса Нея битвою съ бригадою генерала Плоца и преслѣдованіемъ ея къ Крейцбургу, Лестокъ, съ главными своими силами, которыя состояли изъ девяти баталіоновъ и двадцати девяти эскадроновъ *, обратился на Лейсенъ, Гравентенъ и Альторфъ. Уже было около четырехъ часовъ: дорога Альторфская зачернѣла войсками, и Беннигсенъ поскакалъ къ нимъ на встрѣчу, и для устроенія ихъ прихода, и для того, чтобы направить ихъ по собственнымъ видамъ. Замѣтно было, что по прибытіи главнокомандующаго къ этому корпусу, стремленіе его усилилось. Лестокъ направленъ былъ къ Шмодиттену: онъ миновалъ это селеніе, и, не доходя до Кушиттена, построился въ боевой порядокъ. Правую колонну его составлялъ Русскій Выборгскій полкъ, лѣвую полкъ Рюхеля; въ резервѣ за ними, гренадерскій баталіонъ Фобецкаго сталъ развернутымъ фронтомъ. Пѣхотный полкъ Шёнинга, построенный въ колонну, оставивъ селеніе влѣво, ударилъ на непріятельскую пѣхоту, которая передъ нимъ находилась, опрокинулъ ее и прогналъ въ лѣсъ, находящійся около Саусгартена. Генералъ Каль, съ конницею и съ однимъ полкомъ казаковъ, который присоединился къ нему отъ главной арміи, бросилъ Кушиттенъ вправо, напалъ на непріятельскую кавалерію, примыкавшую къ этому селенію, и разстроилъ ее; потомъ обратился на пѣхоту, выбѣгавшую въ разстройствѣ изъ Кушиттена, затопталъ и, истребивъ большую часть ея, не допустилъ ея до лѣса, въ которомъ скрылась первая пѣхота. Въ этомъ случаѣ Выборгскій пѣхотный полкъ отбилъ три орудія,

* 5,584 человѣка, по рапорту Лестока.

взятыя Французами у нашего лѣваго фланга во время его отступленія.

Овладѣвъ Кушиттеномъ, Лестокъ поворотилъ войска вправо и построилъ ихъ лицомъ къ ручью и лѣсу. Полкъ Шенинга составилъ тогда правый флангъ; гренадерскій баталіонъ Фобецкаго и Выборгскій пѣхотный средину, а полкъ Рюхеля лѣвый флангъ корпуса. Вторую линію образовали кирасирскій полкъ Вагенфельда и драгунскіе полки Ауера и Бачко. Легкоконный полкъ «Товарищей» занялъ мѣсто на лѣвомъ флангѣ пѣхоты.

Въ это время, нашъ отступавшій лѣвый флангъ остановился и устроился; а резервъ его, подъ командою Генералъ-Маіора графа Каменскаго, и конница резерва, подъ командою Генералъ-Маіора Чаплица, двинулись на подпору Прусскому корпусу.

Аттака лѣса была произведена съ превосходнымъ мужествомъ и съ замѣчательнымъ устройствомъ. Лѣсъ былъ очищенъ частію огнестрѣльнымъ, частію холоднымъ оружіемъ. Вотъ моментъ общаго натиска всей средины и всего главнаго резерва нашей арміи на разжиженные отъ утренняго боя корпусъ Ожеро̀, конную гвардію и три кавалерійскія дивизіи Клейна, Груши и Гопульта, которыя соединяли лѣвый флангъ Французской арміи съ правымъ. Подобное движеніе даровало побѣду Наполеону подъ Аустерлицемъ.

Но армія наша осталась на мѣстѣ, и ограничила дѣйствіе одною канонадою. Напору Лестока содѣйствовала собственная его артиллерія, стрѣлявшая въ лицо

войскамъ Даву и Сентъ-Илера, и артиллерія Ермолова, которая, помѣстясь у сгиба ручья при Аукланенѣ, низала линію корпуса и дивизіи по всему протяженію отъ лѣваго до праваго ихъ фланга.

Не смотря на это общее съ нашей стороны бездѣйствіе, которое предоставляло всѣ усилія одному Лестоку, Каменскому и артиллеріи Ермолова, непріятель не устоялъ противъ нихъ. Отступленіе его, начатое сперва съ устройствомъ, обратилось наконецъ въ постыдный безпорядокъ, который достигъ до того, что двадцать восемь орудій, частію подбитыхъ, частію ничѣмъ неповрежденныхъ, были брошены Французами на мѣстѣ сраженія. Невѣдѣніе объ этомъ и наступившій мракъ вечера не дозволили Прусскому генералу украсить день Эйлаускій такими важными трофеями. Даву и Сентъ-Илеръ, оставивъ поле битвы, расположили войска свои по обѣимъ сторонамъ Саусгартена. Вся непріятельская линія разсѣкала поле сраженія отъ Саусгартена до Эйлау. У города остались на прежнихъ мѣстахъ пѣхотныя дивизіи Леваля и Леграна; но четыре легкія кавалерійскія бригады подвинулись къ Альторфскому ручью, для открытія сообщенія съ частію корпуса Нея, подходившею уже къ Альторфу.

Съ нашей стороны, войска расположились такъ:

Передняя линія, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ дорогѣ, ведущей изъ Кушиттена въ Лампахъ, шла вдоль ближайшей опушки лѣса, что передъ Кушиттеномъ, и занимала лѣсъ пѣхотою почти до внѣшней его опушки. Оттуда линія эта разсѣкала боевое поле впереди Auk-

лапена и упиралась въ нашу центральную баттарею, игравшую такую значительную роль въ первомъ періодѣ сраженія. Къ баттареѣ примыкали войска нашего праваго фланга, какъ въ первоначальномъ ихъ построеніи передъ сраженіемъ. Это насупротивное положеніе сражавшихся войскъ по прекращеніи битвы доказываетъ отсутствіе рѣшительнаго перевѣса оружія одной арміи надъ другою. Какъ Французская, такъ и наша, остались въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, уступившемъ нѣсколько десятковъ саженей корпусу Даву и дивизіи Сентъ-Илера, по причинѣ наступленія сумрака, который затруднилъ битву. Еще одинъ часъ дня и — Лестокъ неминуемо овладѣлъ бы артиллеріею, оставленною Французами между Куштеномъ и Саусгартеномъ, и принудилъ бы самый корпусъ Даву и дивизію Сентъ-Илера отступить за Саусгартенъ и далѣе.

Глубокая ночь болѣе и болѣе густѣла надъ Эйлаускимъ полемъ, упитаннымъ кровію. Всѣ окружныя селенія пылали, и отблескъ пожаровъ разливался на войска утомленныя, но еще стоявшія подъ ружьемъ и ожидавшія повелѣній своихъ начальниковъ. Кой-гдѣ видны уже были вспыхнувшіе костры биваковъ, около которыхъ толпились, или къ которымъ пробирались и ползли сотни раненыхъ. Искаженные трупы людей и лошадей, разбитыя фуры, пороховые ящики и лафеты, доспѣхи и оружіе, — все это, здѣсь разбросанное, тамъ сваленное въ груды, придавало равнинѣ живописность ужаса и разрушенія, достойныхъ кисти вдохновеннаго творца «Послѣдняго дня Помпеи».

Бой прекратился, но недоумѣніе — возобновить ли битву или отступить намъ къ Кенигсбергу, Французамъ къ Вислѣ, обуревало мысли верховныхъ вождей обѣихъ армій. Упрямѣйшій восторжествовалъ, — не нападеніемъ, но дождавшись утра на мѣстѣ битвы. Беннигсенъ оставилъ поле около полуночи и на немъ нѣсколько эскадроновъ для прикрытія арміи, которая потянулась къ Кенигсбергу. Лестокъ отошелъ черезъ Домнау и Алленбургъ въ Вело. Погони не было. Французкая армія, какъ изстрѣленный военный корабль, съ обломанными мачтами и съ изорванными парусами, колыхалась — еще грозная, но неспособная уже сдѣлать одинъ шагъ впередъ, ни для битвы, ни даже для преслѣдованія.

Вдругъ закипѣли ружейные выстрѣлы въ Шмодиттенѣ. Мы изумились. Первая наша мысль обратилась къ Нею, который вышелъ изъ нашей памяти. И подлинно, Ней, прибывъ съ частію своего корпуса въ Альторфъ въ девять часовъ вечера, нашелъ тамъ Прусскій гренадерскій баталіонъ Капитана Куровскаго. Этотъ офицеръ, видя несоразмѣрность силъ своихъ съ непріятельскими, оставилъ селеніе и отошелъ къ арміи. Генералъ Лиже-Белеръ, который съ 6-мъ и 39-мъ полками легкой пѣхоты слѣдовалъ за нимъ, вступилъ въ Шмодиттенъ, селеніе, полное нашими ранеными и командами, прибывшими для ихъ прикрытія. Послѣднія открыли огонь по Французамъ, и перестрѣлка завязалась. Тотчасъ отряжены были на помощь имъ Воронежскій пѣхотный полкъ и нѣсколько орудій; но непріятель, не дожидаясь прибытія нашего отряда, отступилъ въ Альторфъ, и тѣмъ прекратилась тревога.

28-го числа армія наша, отдохнувъ въ Мюльгаузенѣ, продолжала путь къ Кенигсбергу, вокругъ котораго остановилась, оставивъ арріергардъ князя Багратіона въ Людвигсвальдѣ.

Французская армія, опасаясь на пути впередъ новаго сраженія, осталась около Эйлау. Только двадцать четыре эскадрона двинулись для наблюденія на берега Фришинга, къ Мансфельду и Людвигсвальду, и то по истеченіи слишкомъ двухъ сутокъ, когда Наполеонъ удостовѣрился въ прибытіи нашей арміи къ Прегелю.

5-го февраля Наполеонъ рѣшился отступить за Пассаргу для занятія кантониръ-квартиръ: онъ оставилъ Эйлау, преслѣдуемый нашимъ авангардомъ и всѣми казачьими полками подъ начальствомъ атамана своего, Платова, который съ того дня началъ свою Европейскую репутацію.

Обратное шествіе непріятельской арміи, не смотря на умѣренность стужи, ни въ чемъ не уступало отступленію ея пять лѣтъ послѣ изъ Москвы къ Нѣману. Находясь въ авангардѣ, я былъ очевидцомъ кровавыхъ слѣдовъ ея отъ Эйлау до Гутштадта. Весь путь усѣянъ былъ ея обломками. Не было пустаго мѣста. Вездѣ встрѣчали мы сотни лошадей, умирающихъ или заваливших дорогу своими трупами, и лазаретныя фуры, полныя умершими или умирающими солдатами и чиновниками. Торопливость въ отступленіи до того достигала, что кромѣ страдальцовъ, оставленныхъ въ повозкахъ, мы находили многихъ, выброшенныхъ на снѣгъ *безъ покрова и одежды*, истекающихъ кровью. Такихъ

было на каждой верстѣ не одинъ, не два, но десятки и сотни. Сверхъ того, всѣ деревни на пути нашемъ завалены были больными и ранеными, безъ врачей, безъ пищи, безъ малѣйшаго призора. Въ этомъ преслѣдованіи казаки наши захватили множество усталыхъ, мародеровъ и восемъ орудій, завязшихъ въ снѣгу и безъ упряжи.

Уронъ нашъ въ этомъ сраженіи простирался почти до половиннаго числа сражавшихся, то есть, до 37,000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ: по спискамъ видно, что послѣ битвы арміи наша состояла изъ 46,800 человѣкъ регулярнаго войска и 2,500 казаковъ *. Подобному урону не было примѣра въ военныхъ лѣтописяхъ со времени изобрѣтенія пороха.

Оставляю читателю судить объ უронѣ Французской арміи, которая обладала меньшимъ числомъ артиллеріи противъ нашего и была отбита отъ двухъ жаркихъ приступовъ.

Трофеи наши состояли въ девяти орлахъ, исторгнутыхъ изъ рядовъ непріятельскихъ, и въ 2,000 плѣнныхъ. Прусскій корпусъ взялъ два орла.

—

IV.

Трогательное происшествіе случилось со мною послѣ сраженія. За годъ и два мѣсяца армія наша пора-

* Изъ записокъ Генерала Бенингсена.

жена была подъ Аустерлицемъ. Кавалергардскій полкъ раздѣлилъ пораженіе съ прочими. Служившій въ этомъ полку поручикомъ родной братъ мой, тогда двадцатилѣтній юноша, былъ жестоко раненъ: онъ получилъ пять ранъ саблею, одну пулею и одну штыкомъ, и былъ оставленъ за-мертво въ грудѣ труповъ на полѣ сраженія. Такъ пролежалъ онъ до глубокой ночи. Ночью онъ очнулся, всталъ, и кое-какъ добрелъ до огня, сверкавшаго изъ ближайшей деревни, которую нашелъ полную Русскими ранеными. Онъ помѣстился между ними. Спустя трое сутокъ, двое кавалергардовъ, подобно ему, но гораздо легче его раненныхъ, Араповъ и Барковскій, уговорили его итти вслѣдъ за отступавшею арміей нашей, и они, не зная ея направленія, побрели вмѣстѣ, какъ бродятъ люди, изнуренные страданіями и голодомъ. Путешествіе ихъ продолжалось недолго. Гвардейскій конно-гренадерскій эскадронъ, отряженный изъ Французской арміи для собранія раненыхъ, какъ Французскихъ, такъ и Русскихъ, настигъ странниковъ и объявилъ имъ объ ихъ участи. Дѣлать было нечего: надобно было повиноваться. Эскадронъ пошелъ далѣе, но командиръ его препоручилъ брата моего и его двухъ товарищей одному изъ офицеровъ своего эскадрона для доставленія ихъ въ Брюнъ, гдѣ тогда находилась главная квартира Наполеона.

Но, «бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ!» говоритъ пословица. Офицеръ этотъ былъ поручикъ Серюгъ, племянникъ министра Маре (герцога Бассано). На его произволъ отданы были и жизнь и смерть брата моего. Я говорю — жизнь и смерть, потому что *ненависть* Французовъ къ Рускимъ и Рускихъ къ Фран-

цузамъ началась съ этой эпохи. Въ обѣихъ арміяхъ вошло въ обычай срывать съ плѣнника послѣдній покровъ, послѣднюю обувь, и, изнеможеннаго голодомъ, усталостью, стужею или ранами, предавать смерти. Начальство того не приказывало, но за такіе поступки и не взыскивало. Человѣколюбивый и сострадательный Серюгъ не былъ еще зараженъ такими гнусными примѣрами. Соболѣзнуя злополучію своего плѣнника, онъ простеръ свою снисходительность до того, что воспретилъ ему итти пѣшкомъ, посадилъ его на лошадь и раздѣлилъ послѣдній кусокъ собственнаго хлѣба съ врагомъ, ослабленнымъ отъ голода. Онъ довезъ его до пастора ближайшаго села, приказалъ накормить его при себѣ до-сыта, снарядилъ для него повозку и отправилъ его въ Брюнъ, ожививши его дружескимъ и, можно сказать, братскимъ участіемъ. Кромѣ того, онъ далъ брату слово отыскать его въ Брюнѣ, куда надѣялся вскорѣ возвратиться, и на случай невозврата взялъ съ него слово прибѣгнуть прямо къ дядѣ его, министру Маре, и требовать отъ него всѣхъ вспомоществованій, необходимыхъ въ его положеніи.

Все это слышалъ я отъ брата, по возвращеніи его изъ плѣна, за нѣсколько недѣль до отъѣзда моего въ армію.

Прибывъ съ арріергардомъ въ Людвигсвальдъ 29-го января, я отпросился у князя Багратіона въ Кенигсбергъ для своихъ надобностей, и, по прибытіи туда, присталъ у генерала Чаплица, исправлявшаго должность коммендента города. Чаплицъ объявилъ мнѣ, что какой-то Французскій офицеръ, раненый въ послѣднемъ

сраженіи, спрашивалъ его обо мнѣ или, лучше сказать, освѣдомлялся, нѣтъ ли въ арміи нашей Гвардіи Поручика Давыдова? Я одинъ былъ Гвардіи Поручикъ Давыдовъ въ цѣлой арміи, и, изъ любопытства узнать имя этого Французскаго офицера, просилъ показать себѣ именной списокъ плѣнныхъ чиновниковъ. Каково было мое удивленіе, когда имя «гвардіи конно-гренадерскаго полка Поручика Серюга» первое бросилось мнѣ въ глаза при раскрытіи огромнаго фоліанта! Увидѣть это имя и бѣжать къ Серюгу — было однимъ движеніемъ. Я еще не добѣжалъ, еще не видалъ его въ лицо, а уже былъ его братомъ, его другомъ, — вѣчнымъ другомъ и страстнымъ братомъ. Надобно сказать, что жители Кенигсберга, узнавъ о прибытіи нашей арміи къ стѣнамъ города, опасались отступленія ея далѣе и занятія города Французами: вотъ почему, чтобы благовременно заслужить Наполеонову благосклонность, они всѣми мѣрами испросили у Беннигсена позволеніе разобрать по домамъ своимъ раненыхъ Французскихъ офицеровъ, для пользованія и содержанія ихъ на своемъ иждивеніи. Разумѣется, что въ этомъ фортуна болѣе благопріятствовала племяннику министра чѣмъ другому: Серюгъ пользовался гостепріимствомъ богатѣйшаго гражданина въ Кенигсбергѣ.

Я нашелъ его въ высокомъ, роскошно убранномъ домѣ, котораго весь первый этажъ предоставленъ былъ на его волю. Кровать съ занавѣсой, бѣлье отличное, ширмы, столикъ, диваны, обширныя кресла возлѣ кровати, полусвѣтъ и куреніе въ комнатѣ, и врачъ и лекарства: ни въ чемъ не было недостатка. Но онъ лежалъ блѣдный, изнеможенный, въ жестокихъ страда-

ніяхъ. Нѣсколько сабельныхъ ранъ по головѣ и по рукамъ не столько его безпокоили, сколько мучила его рана пикою въ пахъ — глубокая и смертельная. Я тихо и осторожно подошелъ къ кровати страдальца и объявилъ ему мое имя. Мы обнялись какъ-будто совоспитанники, какъ-будто родные братья. Онъ спросилъ о братѣ моемъ съ живымъ участіемъ; я благодарилъ за сохраненіе мнѣ его, и предложилъ себя къ его услугамъ съ душевнымъ чувствомъ. Онъ на это отвѣчалъ мнѣ: «Вы видите, я на попеченіи добраго человѣка, «и ни въ чемъ не нуждаюсь. Однако вы можете мнѣ «сдѣлать большое одолженіе. Безъ сомнѣнія, между «плѣнными есть раненые моего взвода: не можете ли «вы исходатайствовать у начальства двухъ или хотя «одного изъ моихъ конно-гренадеръ для пребыванія «подлѣ меня. Пусть я умру, не спуская съ глазъ мун-«дира моего полка и гвардіи великаго человѣка.» Разумѣется, что я бросился къ Беннигсену и Чаплицу, испросилъ у нихъ позволеніе выбрать изъ толпы плѣнныхъ двухъ конно-гренадеръ взвода Серюга, и черезъ два часа явился къ нему въ сопровожденіи двухъ его усачей, осѣненныхъ медвѣжьими шапками и одѣтыми во всю форму. Нельзя изъяснить радости несчастнаго моего друга при видѣ своихъ сослуживцевъ. Изъявленію благодарности не было бы конца, безъ просьбы моей прекратить порывы сердца, столь изнурительные въ его положеніи.

Двое сутокъ я не оставлялъ Серюга ни денно, ни нощно; на третьи все кончилось: онъ умеръ на рукахъ моихъ, и похороненъ на Кенигсбергскомъ кладбищѣ.

За гробомъ шли тѣ же Французскіе конно-гренадера и я — Поручикъ Русской гвардіи. Странное сочетаніе людей и мундировъ!

Глубокая печаль живо выражалась на лицахъ старыхъ рубакъ, товарищей моихъ въ процессіи.... Я былъ молодъ..... я плакалъ.

УРОКЪ СОРВАНЦУ.

—

Посвящается сыновьямъ моимъ: Василью, Николаю, Денису, Ахиллу и Вадиму.

—

Армія наша находилась въ обратномъ движеніи отъ Янкова къ Прейсишъ - Эйлау. Выше сказано, что это было въ январѣ, 1807 года.

Тамъ же сказано, что 24-го числа пришла князю Багратіону очередь прикрывать тылъ ея во время перехода отъ Вольфсдорфа къ Ландсбергу.

Вольфсдорфское дѣло было первымъ боемъ моего долгаго поприща. Не забуду никогда нетерпѣнія, съ какимъ я ждалъ первыхъ выстрѣловъ, первой сѣчи!

При всемъ томъ, какъ-будто сомнѣваясь въ собственномъ мужествѣ, я старался заимствоваться духомъ у сподвижниковъ князя Багратіона, поглощая душой игру ихъ физіономій, ихъ взгляды, ихъ сужденія и распоряженія, которыя дышали любовью къ опасностямъ и сопровождались какою-то веселою беззаботностію о жизни. Но болѣе всѣхъ дѣйствовалъ на меня самъ князь. Я еще не видалъ его возвышеннаго духа въ полномъ развитіи, но мое воображеніе уже проникало, сквозь его величавое спокойствіе, въ хранилище нравственной силы и геніяльныхъ соображеній, которыя въ немъ зажигались и извергались изъ него въ самомъ пылу битвы, по мѣрѣ безнадежности на успѣхъ или возрастающей увѣренности въ гибели.

На разсвѣтѣ непріятель началъ наступать на нашу передовую цѣпь подъ Варлакомъ, верстахъ въ четырехъ отъ Вольфсдорфа. Арріергардъ сталъ въ ружье на мѣстѣ своего ночлега, за Вольфсдорфомъ, параллельно къ большой дорогѣ, ведущей изъ Гутштадта въ Либштадтъ. Уголъ лѣса, находящійся между Вольфсдорфомъ и Эльдитеномъ, наполнился егерями 5-го егерскаго полка. Малый кавалерійскій отрядъ двинулся рысью для наблюденія непріятеля.

Французскій авангардъ, предшествуемый фланкерами и за которымъ слѣдовала вся сила арміи, изрѣдка стрѣлялъ, изъ одного, иногда изъ двухъ орудій, по нашей передовой цѣпи; выдвигалъ громады свои на снѣжные холмы, и спускался съ нихъ въ направленіи къ Вольсдорфу.

Полковникъ Юрковскій, подъ прикрытіемъ ближайшихъ къ непріятелю казаковъ своей команды, то останавливался, то снова тянулся косвенно къ боевой линіи арріергарда, на правый флангъ 5-го егерскаго полка, за уголъ лѣса. Будучи адъютантомъ князя Багратіона, и слѣдственно безъ команды, я выпросился у него въ передовую цѣпь, будто бы для наблюденія за движеніемъ непріятеля, но собственно для того, чтобы погарцовать на конѣ, пострѣлять изъ пистолетовъ, помахать саблею и, если представится случай, то и порубиться.

Я прискакалъ къ казакамъ, которые перестрѣливались съ непріятельскими фланкерами. Ближайшій ко мнѣ изъ сихъ фланкеровъ, въ синемъ плащѣ и медвѣжьей шапкѣ, казался офицерскаго званія. Мнѣ очень захотѣлось отхватить его отъ линіи и взять въ плѣнъ: я сталъ уговаривать на то казаковъ, но они только что не смѣялись надъ рыцаремъ, который упалъ къ нимъ какъ съ неба съ такимъ забавнымъ предложеніемъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать за мной, а у меня, слава Богу, случилось на ту пору именно столько благоразумія, сколько было нужно для того, чтобы не отважиться на схватку съ человѣкомъ, къ которому, пока я уговаривалъ казаковъ, уже подъѣхало нѣсколько всадниковъ. Къ несчастію, въ моей молодости я не долго уживался съ благоразуміемъ. Вскорѣ задоръ разгорѣлся, сердце вспыхнуло: я, какъ бѣшеный, толкнулъ лошадь впередъ, подскакалъ къ офицеру довольно близко и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. Онъ, не прибавивъ шагу, отвѣчалъ мнѣ своимъ выстрѣломъ, за которымъ посыпались выстрѣлы изъ нѣсколькихъ

карабиновъ его товарищей. То были первыя пули, которыя просвистали мимо ушей моихъ. Я не считалъ себя Карломъ XII, но въ это мгновеніе, въ этомъ упоительномъ чаду первыхъ опасностей, при кипѣніи молодой крови, я, казалось, понялъ обѣтъ вѣнценоснаго искателя приключеній, гордо взглянулъ на себя, окуреннаго уже боевымъ порохомъ, и весь міръ гражданскій, и все, что внѣ боевой службы, все опустилось въ моемъ мнѣніи ниже меня, до самыхъ антиподовъ. Не надѣясь уже на содѣйствіе казаковъ, но твердо увѣренный въ удальствѣ коня, и притомъ увлеченный внезапною злобою, — Богъ знаетъ, за что! — на человѣка мнѣ неизвѣстнаго, который, подобно мнѣ, исполнялъ долгъ чести и обязанности службы, я подвинулся къ нему еще ближе, замахалъ саблею и принялся ругать его на Французскомъ языкѣ какъ можно громче и выразительнѣе. Я приглашалъ его выдвинуться изъ линіи и сразиться со мной безъ помощниковъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ такимъ же ругательствомъ и предлагалъ то же; но ни одинъ изъ насъ не принималъ предложенія другаго, и мы оба оставались на своихъ мѣстахъ. Впрочемъ, безъ хвастовства сказать, я былъ далеко отъ своихъ и только на три или на четыре конскіе скока отъ цѣпи Французскихъ фланкеровъ, тогда, какъ этотъ офицеръ находился въ самой цѣпи. Съ моей стороны было сдѣлано все, за что бы слѣдовало меня и подрать за уши, и погладить по головкѣ. Въ это самое время подскакалъ ко мнѣ казачій урядникъ, и сказалъ: «Что вы ругаетесь, ваше благородіе? Грѣхъ! «*Страженіе* святое дѣло; ругаться въ немъ все то же, «что въ церкви: Богъ убьетъ! Пропадете, да и мы съ «вами. Ступайте-ка лучше туда, откуда пріѣхали.»

Тутъ только я очнулся, и, почувствовавъ всю нелѣпость моей пародіи Троянскихъ героевъ, возвратился къ князю Багратіону.

Мудреное дѣло начальствовать арріергардомъ арміи, за которою вслѣдъ идетъ непріятель въ огромныхъ силахъ. Два противоположные предмета составляютъ основную обязанность арріергарднаго начальника: охраненіе спокойствія арміи отъ натисковъ непріятеля во время ея отступленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюденіе сколько можно, близости къ ней, для неразрывныхъ связей и сношеній съ нею. Какъ согласить между собою эти двѣ, повидимому, несогласимыя необходимости? Прибѣгнуть ли къ принятію битвы? Но всякая битва требуетъ болѣе или менѣе продолжительной остановки, во время которой увеличивается разстояніе арріергарда отъ удаляющейся арміи. Обратиться ли единственно къ соблюденію ближайшей смежности съ нею, и слѣдственно уклоняться отъ битвы? Но такимъ образомъ легко можно подвесть арріергардъ къ самой арміи и принесть непріятеля на своихъ плечахъ. Багратіонъ рѣшилъ эту задачу. Онъ постигъ то правило для арріергардовъ, которое четырнадцать лѣтъ послѣ изложилъ на островѣ Св. Елены величайшій знатокъ военнаго дѣла, сказавъ: l'avantgarde doit presser les attaques; l'arrièregarde doit manoeuvrer, — «авангардъ долженъ безпрерывно напирать; арріергардъ долженъ маневрировать,» — и на этой аксіомѣ Багратіонъ основалъ охранительное дѣйствіе арріергардовъ во все время своего командованія ими. Подъ его начальствомъ никогда арріергардъ не оставался на мѣстѣ, и никогда не слѣдовалъ безостановочно за арміей. Сущность его дѣй-

ствія состояла въ однихъ обратныхъ перемѣщеніяхъ съ одной оборонительной позиціи на другую, не вдаваясь въ общую битву, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняя грозную осанку частными отпорами непріятельскихъ покушеній, — отпорами, которые онъ подкрѣплялъ сильнымъ и почти общимъ дѣйствіемъ артиллеріи. Это—операція, требующая всего геніяльнаго объема обстоятельствъ, всего хладнокровія, глазомѣра и почти сверхъестественной сноровки, которыми природа такъ чудесно одарила Багратіона.

Все это было свыше моихъ понятій. Гусарскій Штабъ-Ротмистръ, я жаждалъ горячей битвы: по моей стратегіи, она была необходима, и въ томъ, что она состоится, ручалась мнѣ извѣстная неустрашимость князя, которой, по моему мнѣнію, первою обязанностью была защита Вольфсдорфской позиціи всѣми силами и мѣрами, хоть бы это стоило цѣлаго арріергарда. Я такъ былъ убѣжденъ въ глубокомысленности своего разсужденія, такъ увѣренъ былъ, что все пошло бъ иначе, если бъ сдѣлали по моему, а отступленіе мнѣ и въ голову не входило. Вотъ что было причиною того взрыва моей невѣжественной самонадѣянности, который подвергъ меня величайшей побѣдѣ и кончился моимъ спасеніемъ только по волѣ Провидѣнія.

Тотчасъ по возвращеніи изъ передовой цѣпи къ князю, я посланъ имъ былъ къ 5-му егерскому полку, съ приказаніемъ оставить занятый имъ лѣсъ и отойти вдоль него къ Дитрихсдорфу, гдѣ избрана была для арріергарда вторая позиція. Это меня удивило и огорчило.—Какъ—думалъ я—когда еще такъ мало войскъ

вступило въ дѣло, когда въ этомъ полку еще ни одно ружье не закоптилось порохомъ, уже отступленіе!—

Однако я поскакалъ къ егерямъ и выполнилъ порученіе.

Между тѣмъ передовая цѣпь наша, продолжая перестрѣлку съ непріятельскими фланкерами, отодвинулась уже къ лѣсу, который оставляли егеря. Такъ случилось, что возвращаясь отъ нихъ къ моему мѣсту, и перебирая въ головѣ средства, какъ-бы «исправить промахъ» князя Багратіона, рѣшившагося оставить Вольфсдорфскую позицію безъ сильнаго отпора непріятельскихъ нападеній, я проѣзжалъ сквозь ту же передовую цѣпь, средь которой, за часъ передъ тѣмъ, я такъ гомерически, и только что не гекзаметрами, ругался съ Французскимъ офицеромъ. Надобно было, чтобъ я еще увидѣлъ и того урядника, который прозою своею благоразумія прервалъ мое эпическое изступленіе. Я подъѣхалъ къ нему, и вдругъ мысль, гораздо сумасброднѣе той, отъ которой онъ отвлекъ меня, вспыхнула въ моей головѣ. Чортъ знаетъ, гдѣ-то я читалъ, что въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ появлялись люди, прежде незамѣченные, которые, силою собственной воли и дарованія, исторгали побѣду у непріятеля. Какъ не испытать судьбы! Можетъ быть, и я тоже одаренъ великими дарованіями? Можетъ быть, и я избранъ Провидѣніемъ для подобнаго подвига!.... Воображеніе мое полетѣло, и занеслось, Богъ знаетъ, куда. Я задумалъ ударить съ передовою цѣпью на непріятеля, опрокинуть его и тѣмъ увлечь за собою егерскій полкъ, который только-что начиналъ собираться, чтобы выступ-

пить изъ лѣсу: увидѣвши мой успѣхъ, полагалъ я, князь подкрѣпитъ меня всѣмъ арріергардомъ, и дастъ знать Беннигсену, который немедленно возвратится со всею арміею. Однимъ словомъ, я возмечталъ не болѣе и не менѣе какъ разбить весь непріятельскій авангардъ горстью всадниковъ и егерей, и даже быть главнымъ виновникомъ пораженія самого Наполеона. И все это пришло мнѣ въ голову не за кулисами, а на самой сценѣ, гдѣ я собственными глазами видѣлъ все разстояніе отъ Вольфсдорфа до Варлака, уже покрытое густыми колоннами пѣхоты и конницы съ несмѣтнымъ числомъ артиллеріи, слѣдственно, могъ, кажется, удостовѣриться въ нелѣпости моего предпріятія; но страсть говорила громче разсудка, что̀ часто со мной бывало и въ другихъ случаяхъ. Полный своего горняго плана, я спросилъ урядника: «А что, братъ, если бъ ударить?» —«Для чего же нѣтъ, ваше благородіе?» отвѣчалъ онъ, и, указывая на фланкеровъ, которые вертѣлись у насъ подъ носомъ, прибавилъ: «Ихъ здѣсь немного; съ ними можно справиться; давича мы были далеко отъ пѣхоты, а теперь близко; есть кому поддержать.» — «Ну, подбивай же на ударъ своихъ казаковъ?» сказалъ я ему: «а я примусь подбивать гусаровъ и улановъ (ихъ было разсыпано взвода два въ казачьей цѣпи).» Намъ удалось. Цѣпь вся *гикнула*, и дружно бросилась въ сѣчу. Мы перемѣшались съ непріятельскими фланкерами. Сабельные удары посыпались, пули засвистали — пошла потѣха! Я помню, что и моя сабля поѣла живаго мяса. Благородный паръ крови курился и на ея лѐзвеѣ.

Сѣча продолжалась недолго. Французскіе фланкеры, *смятые нашими*, пошли на уходъ: но, въ запаль-

чивости погони, мы неожиданно встрѣтились съ ихъ резервами, которые прискакали на помощь. Это были драгуны, съ конскими хвостами, развѣвавшимися на гребняхъ шлемовъ. Они бросились на насъ съ жадностью. Посыпались свѣжіе удары, и мы, въ свою очередь, сбитые и опрокинутые, обратились въ бѣгство вдоль опушки лѣса, гдѣ уже не было егерей, чтобы поддержать насъ. Весь мой исполинскій планъ разрушился, и я, подобно Наполеону послѣ Ватерлоо, пасмурный и суровый, возвращался къ князю, направляясь мимо Вольфсдорфа къ Дитрихсдорфу, куда тянулись всѣ войска аріергарда. Я ѣхалъ одинъ лощиною, въ полной безпечности насчетъ непріятеля, потому что драгуны, которые насъ растрепали, удовольствовались этимъ успѣхомъ, не погнались за нами во всю прыть, а подвигались мало по малу. Но едва поднялся я на возвышеніе, какъ вдругъ встрѣчаюсь, почти лицо съ лицомъ, съ шестью Французскими конно-егерями, ѣдущими изъ Вольфсдорфа для надзора за движеніемъ главныхъ силъ арріергарда. Я воздрогнулъ. Увидѣть ихъ и поскакать прочь — было дѣйствіе одного и того же мгновенія. Они выстрѣлили по мнѣ вдогонку изъ карабиновъ и жестоко ранили мою лошадь, которая однако же продолжала скакать на первыхъ порахъ, не уменьшая прыти. Я думалъ, что отдѣлался. Не тутъ-то было! Они уже настигали меня, обскакивая справа и слѣва. Я окинулъ глазами окрестность, не увижу ли какой нибудь подмоги, и увидѣлъ только хвосты колоннъ арріергарда, подходившихъ къ Дитрихсдорфу, верстахъ въ трехъ отъ меня; на всемъ полѣ, до самаго лѣса, не было уже никого изъ нашихъ. Гибель казалась неизбѣжною. На мнѣ накинута была шинель,

застегнутая у горла одною пуговицей; сабля голая въ рукахъ; у сѣдла пистолеты, которыхъ я не успѣлъ зарядить послѣ выстрѣловъ на передовой цѣпи. Одинъ изъ моихъ гонителей, видно на лучшей лошади чѣмъ его товарищи, догналъ меня, но не на такое разстояніе, чтобъ достать саблею, а только чтобъ ухватиться за край моей шинели, раздувавшейся отъ скака. Онъ воспользовался этимъ, и чуть-чуть не стащилъ меня съ лошади. Но, къ счастію, шинель разстегнулась и осталась въ его рукахъ. Я безостановочно продолжалъ скакать къ лѣсу, преслѣдуемый и настигаемый все ближе и ближе, потому что лошадь моя ослабѣвала и начинала укрощать бѣгъ отъ полученной раны. Зима была кроткая, и оттого болота были обманчивы: подъ снѣгомъ лежала топь непроходимая. Я скакалъ не по дорогѣ, а какъ попало, и, какъ на бѣду, наскакалъ на ту часть опушки лѣса, куда примыкало непримѣтное для глазъ болото. Лошадь моя рухнула въ него со всего маху, провалилась по брюхо, упала на бокъ и издохла. Еще двѣ секунды и—остріе надо мною!... Смерть или плѣнъ были моей участью.

Въ самый этотъ моментъ, около двадцати казаковъ, посланныхъ Юрковскимъ для надзора за непріятелемъ и приведенныхъ сюда однимъ Провидѣніемъ, выскочили съ крикомъ изъ лѣсу, немного выше болота, въ которомъ я загрязъ съ лошадью, и погнали моихъ преслѣдователей обратно къ Вольфсдорфу. Одинъ изъ казаковъ, истинный мой спаситель, посадилъ меня позади себя и привезъ къ Юрковскому, который далъ мнѣ лошадь изъ-подъ убитаго гусара. Такъ я возвра-

тился къ арріергарду, который уже стоялъ на позиціи подъ Дитрихсдорфомъ.

Между тѣмъ князь, въ которомъ доброта сердца не уступала высокимъ качествамъ геройской души, безпокоился на мой счетъ, и спрашивалъ обо мнѣ каждаго возвращавшагося изъ передовой цѣпи. Никто не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта, куда я дѣвался. Наконецъ я предсталъ передъ него на чужой лошади, безъ шинели, въ грязи, въ снѣгу, въ крови, но, признаться, съ какимъ-то торжественнымъ видомъ и отъ избѣжанія бѣды, и отъ полной увѣренности въ превосходствѣ моего подвига. Разумѣется, что я утаилъ и отъ князя и отъ моихъ товарищей свои грандіозные замыслы и предначертанія, которые и тогда уже начинали казаться мнѣ донкишотствомъ: я разсказалъ имъ только о преслѣдованіи меня непріятелемъ и спасеніи казаками. Князь пожурилъ меня за опрометчивость слегка и, сколько я могъ замѣтить, съ одобрительною улыбкой, и приказалъ дать свою бурку, въ замѣнъ сорванной съ меня шинели.

═

РАЗБОРЪ ТРЕХЪ СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЗАПИСКАХЪ

НАПОЛЕОНА.

Посвящается моимъ друзьямъ и сотрудникамъ, служившимъ въ моей партіи, 1812 года.

Я давно читаю, и не перестаю читать, Записки Наполеона, сочиненныя имъ на островѣ Св. Елены и изданныя послѣ смерти его, генералами Гурго и Монтолономъ.

Широкіе очерки, живыя картины, неожиданныя мысли и выраженія, и вообще какая-то воинственная *оригинальность* слога, отличаютъ произведеніе это отъ

всѣхъ другихъ подобнаго рода произведеній. Смѣло можно сказать, что Наполеонъ явился на это новое для него поприще, каковымъ бывалъ онъ на полѣ брани, въ государственномъ совѣтѣ и приватныхъ бесѣдахъ: вездѣ исполинъ мысли, вездѣ съ своимъ собственнымъ, цѣльнымъ характеромъ, но увы! всегда и всюду играя легковѣріемъ людей, онъ представляетъ имъ обстоятельства и событія такъ, какъ хочетъ чтобъ они ихъ видѣли, а не таковыми, каковы они въ существѣ своемъ. Можетъ быть, въ первомъ положеніи, онъ считалъ это средство самымъ дѣйствительнымъ, чтобы увлекать умы за колесницею побѣдителя: но поэтъ въ душѣ, порабощенный самъ увлекательнымъ воображеніемъ своимъ, онъ мало по малу увѣрилъ себя въ истинѣ всѣхъ ложныхъ сказаній, имъ же самимъ вымышленныхъ и для заблужденія другихъ обнародованныхъ. Такъ Руссо любилъ идеальную Юлію, какъ существо живое, его любившее; такъ пламенный Тассъ увѣрился наконецъ, что битвы подъ стѣнами Іерусалима происходили не иначе, какъ онѣ изображались въ безсмертномъ его твореніи.

Я могу ошибаться, но правдоподобность на сторонѣ моего мнѣнія: смотрите, какъ рѣшительно, съ какимъ нетерпѣніемъ, можно сказать, съ какою досадою Наполеонъ опровергаетъ въ Запискахъ своихъ неоспоримыя доказательства и дѣянія, всему свѣту извѣстныя!.. Притворство не имѣетъ подобныхъ порывовъ. Впрочемъ, какая бы ни была причина неосновательнымъ описаніямъ, разбросаннымъ по сей сокровищницѣ военныхъ и политическихъ наблюденій, причина не оправдываетъ слѣдствія, и мы не безъ удивленія видимъ, какъ по-

вый историкъ, опровергая и уничтожая описанія подвиговъ тѣхъ войскъ и военачальниковъ, которые противъ него сражались, касается наконецъ и до службы Русскихъ партизановъ.

«Ни одинъ больной,» говоритъ онъ, «ни одинъ от-«странившійся, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ «не были взяты въ теченіе этой кампаніи отъ Маинца «до Москвы. Не проходило дня безъ полученія извѣ-«стія изъ Франціи, не проходило дня безъ того, что-«бы Парижъ не получалъ писемъ изъ арміи. *

Потомъ, четырнадцать страницъ далѣе, онъ говоритъ:

«Во время движенія на Москву, онъ никогда не «имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля. Во время двадцати-«дневнаго пребыванія его въ этой столицѣ, ни одна «эстафета, ни одинъ подвозъ съ зарядами не были пе-«рехвачены, ни одинъ почтовой укрѣпленный домъ (та-«ковой находился на каждомъ посту) не былъ аттако-«ванъ; артиллерійскіе подвозы и военные экипажи до-«шли безпрепятственно.» **

И наконецъ, семь страницъ далѣе, опять обращается къ тому же предмету и повторяетъ:

«Во время Аустерлицкой, Іенской, Фридланской и Мо-«сковской кампаній, ни одна эстафета не была перехва-«чена, ни одинъ обозъ съ больными не былъ взятъ;

* Memoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tom. 1, pag. 98.

** *Les mêmes. Tom. II*, pag. 112.

«не проходило одного дня, чтобы главная квартира не «получала извѣстія изъ Парижа.» *

Слова, падшія съ такой высоты, не суть уже шипѣніе раздраженной посредственности, столь давно преслѣдующей партизановъ нашихъ. Это удары Юпитера; звукъ ихъ можетъ увѣковѣчиться въ общемъ мнѣніи, какъ увѣковѣчились въ немъ всѣ тѣ ложныя преданія, кои равнодушіе людей полѣнилось изслѣдовать, повторяя безпечно то, что уже другими сказано.

Я одинъ изъ обвиняемыхъ. Честь вооружаетъ меня противъ нареканій ужасныхъ, сокрушительныхъ, можетъ быть неотразимыхъ. Но что дѣлать? Новый Леонидъ, иду на громады Ксеркса! Мнѣніе мое о партизанской моей службѣ не равняется съ тѣмъ вниманіемъ, коимъ почли ее мои соотчичи, однако оно не упадаетъ и до презрѣнія. Я скажу болѣе: я считаю себя рожденнымъ единственно для роковаго 1812 года, но рожденнымъ подобно тому рядовому солдату, который, въ дыму и сумятицѣ Бородинской битвы, стрѣляя на удачу, убилъ съ десятокъ Французовъ. Какъ ни мало употребилъ онъ на то и знанія, и дарованія, при всемъ томъ судьба опредѣлила его уменьшить непріятельскую армію десятью человѣками, и содѣйствовать своимъ товарищамъ общему ея истребленію.

Такъ я думаю о себѣ, уменьшивъ непріятельскую армію по мѣрѣ способовъ, предоставленныхъ мнѣ начальствомъ, и способностей, данныхъ мнѣ природою.

* *Les mêmes. Tom.* II, *pag.* 119.

Въ волѣ Наполеона налагать, въ числѣ прочихъ, и на меня проклятіе за пролитую кровь его воиновъ; но не отнимай онъ у меня дѣлъ моихъ, не стирай съ сабли моей кровавыхъ обрызговъ, сихъ отпечатковъ чести, купленныхъ мною трудами и ежеминутною жертвою жизни.... Это моя собственность; это мой участокъ, въ славѣ земляковъ моихъ тѣмъ для меня драгоцѣннѣйшій, что онъ одинъ возвышается на моей жизни, безплодной въ своей юности, и въ наклонности своей ничего для честолюбія необѣщающей! Но какой избрать способъ къ защитѣ этой собственности?

Предать извѣстности эфирныя строки моихъ собственныхъ записокъ, въ надеждѣ, что онѣ затмятъ во мнѣніи людей неизгладимое начертаніе чрезвычайнаго человѣка, было бы верхъ дерзости смѣшной и безполезной; да и кто возметъ на себя трудъ читать описаніе, поступившее въ область вымысловъ съ тѣхъ поръ, какъ клеймо отверженія горитъ на каждомъ листѣ его?

Опровергнуть падшія на партизановъ нашихъ нареканія доказательствами, которыя были бы основательнѣе нареканій! Но гдѣ найти для сего документы?

Постараемся отыскать ихъ въ бюллетеняхъ Французской арміи, какъ извѣстно, самимъ Наполеономъ сочиненныхъ.

Въ Монитерѣ, въ семъ единственномъ оффиціяльномъ журналѣ Французскаго правительства.

Въ письмахъ Маршала Бертье къ начальникамъ *корпусовъ большой арміи.*

Въ отбитыхъ у непріятеля бумагахъ, хранящихся въ Главномъ Штабѣ Государя Императора.

И въ тѣхъ описаніяхъ Русской кампаніи, коихъ сочинителей нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ нашему войску.

Отыскавъ документы сіи, представимъ тогда и собственныя записки.

Наполеонъ говоритъ: «Во время Аустерлицкой, Іенской и Французской * кампаній, ни одна эстафета не «была перехвачена, ни одинъ обозъ съ больными не «былъ взятъ; не проходило дня, чтобы армія не получала извѣстія изъ Парижа!»

Правда, что въ кампаніяхъ Аустерлицкой и Іенской мы не слыхали ни объ одномъ партизанскомъ покушеніи. Я полагаю причиною сему бездѣйствію оцѣпенѣніе Австрійскихъ и Прусскихъ военачальниковъ отъ понесенныхъ ими рѣшительныхъ пораженій при самомъ открытіи обѣихъ кампаній. Оцѣпенѣніе это такъ сильно охватило самыя твердыя души, что самъ Блюхеръ, подобно прочимъ Прусскимъ генераламъ, положилъ оружіе въ Ратковѣ, имѣвъ подъ командою своею, сверхъ 33-хъ баталіоновъ, 54 эскадрона, съ которыми онъ могъ, видя бѣду неминуемую, броситься къ Гамбургу или къ Лауенбургу и, перейдя Эльбу, долго наносить непріятельской арміи чувствительнѣйшіе удары партизанскою войною. Я увѣренъ, что будь отсрочка Іенскому сраженію на столько времени, сколько нужно было,

* Я съ намѣреніемъ выпускаю слово и *Московской*; о ней сказано будетъ особо.

чтобы Прусское войско нѣсколько пріобыкло къ разнообразію военныхъ случайностей, то не только Блюхеръ, но и генералы, менѣе его одаренные мужествомъ и духомъ предпріятія, обратились бы къ этому послѣднему средству погибающей храбрости, и извлекли бы изъ онаго неожиданную пользу для отечества. Какъ бы то ни было, но слова Наполеона насчетъ кампаній Аустерлицкой и Іенской, относительно къ партизанскому дѣйствію, справедливы и не подлежатъ ни малѣйшему возраженію.

Нельзя того же сказать о такъ называемой имъ Фридландской кампаніи (что мы называемъ кампаніею 1807 года въ восточной Пруссіи).

Съ самаго начала кампаніи сей, Русская армія встрѣтила непріятеля съ твердостію. Подъ Пултускомъ она отразила часть Наполеоновой арміи, и отступила потому только, что битва съ нашей стороны произведена была ни на той точкѣ, гдѣ слѣдовало бы произвести ее. Главныя силы Французской арміи обращены были тогда не на Пултускъ, а стремились изъ Плоцка и Торна, и угрожали громадами своими правому флангу нашей арміи, находившемуся у Голомина и Макова. Слѣдственно, какъ при успѣхѣ, такъ и при неудачѣ намъ нельзя было оставаться у Пултуска, еще менѣе преслѣдовать къ Варшавѣ Французскія войска, отряженныя при Пултускѣ. Малѣйшее замедленіе, малѣйшій шагъ впередъ вдоль границы восточной Галиціи, тогда принадлежавшей къ Австріи, доставили бы средство этимъ войскамъ пресѣчь сообщеніе наше съ Россіею, *или принудили бы* насъ нарушить границу неутраль-

наго государства. Разсужденіе это рѣшило Беннигсена къ немедленному отступленію и къ переносу театра войны въ старую Пруссію, къ направленію ошибочному и кое-какъ исправленному перехватомъ курьера Наполеонова къ Бернадоту, котораго армія наша преслѣдовала уже къ Торну, сосредоточеніемъ оной при Янковѣ и сраженіемъ при Прейсишъ-Эйлау, битвой упрямой, но нерѣшительной, послѣ которой каждая сторона хвалилась побѣдою, — мы, потому, что удержали поле сраженія; Французы, потому, что послѣ боя Россійская армія отошла къ Кенигсбергу. И такъ побѣда Французовъ при Фридландѣ есть единственная побѣда непріятеля въ этомъ походѣ; но прежде этого несчастнаго для насъ событія, мы имѣли время частными сшибками пріучить легкія войска наши къ военнымъ случайностямъ. Около полугода сряду продолжалась школа эта. Нечаянные успѣхи поощрили къ обдуманнымъ. Наконецъ размышленіе, соединенное съ отвагою, наблюденія, опытность, навыкъ, довели насъ до нѣкоторыхъ предпріятій въ истинномъ смыслѣ партизанской войны. Но предпріятія сіи, бывъ плодомъ частныхъ вдохновеній и порывовъ, а не соображенія главнаго начальства, совершались еще, такъ сказать, на выдержку и безъ связи между собою. Далеко имъ было до того, чтобы составить *цѣлое* и итти дружнымъ натискомъ къ общей, рѣшительной цѣли, ибо и самая цѣль эта не была еще извѣстна ни начальникамъ, ни наѣздникамъ нашимъ. Спустя долгое время послѣ разрушительныхъ неудачъ въ нѣдрахъ Россіи, когда гибель отечества напрягла всѣ умственныя и существенныя силы наши къ его спасенію, тогда только удостовѣрились мы въ большей или меньшей пользѣ, могущей

произойти отъ легкихъ войскъ, устроенныхъ и согласно дѣйствующихъ на сообщеніяхъ наступательной непріятельской арміи, по мѣрѣ бо́льшаго или меньшаго протяженія сообщеній этихъ сосредоточіемъ ея средствъ и пособій. И такъ, соглашаясь въ томъ, что партизанскіе наѣзды, произведенные въ кампаніи 1807 года, были чужды вліянія высшаго начальства, слѣдственно и взаимнаго между собою согласія въ достиженіи цѣли, тогда неизвѣстной, я не могу согласиться въ томъ, чтобы такихъ наѣздовъ совсѣмъ не было. Бюллетени и Мониторъ, эти архивы истины относительно признанія въ неудачахъ Французской арміи, возопіютъ на несправедливость мою! да и самыя Записки Наполеоновы, для точнѣйшаго опредѣленія важности одной изъ перехваченныхъ депешей въ сей кампаніи, представятъ намъ собственныя слова его, весьма справедливо изображающія бѣдственное положеніе, которому подверглась бы армія наша, если бъ депеша эта дошла до своего назначенія. Между тѣмъ, онѣ принесутъ намъ и другую услугу: въ нихъ мы увидимъ явное противорѣчіе удостовѣренію, въ той же книгѣ изложенному и мною оспориваемому. Начнемъ съ Записокъ, а потомъ приведемъ въ свидѣтели Мониторъ и Бюллетени: «Послѣ сраженія при Пултускѣ въ декаб-«рѣ 1806, командовавшій Россійскою арміею генералъ «Беннигсенъ выступилъ къ Нижней Вислѣ съ тѣмъ, «чтобы напасть на маршала Принца Понте-Корво (Бер-«надота), занимавшаго Эльбингъ. Наполеонъ оставилъ «Варшаву $^{15}/_{25}$ января 1807, сосредоточилъ армію въ «Виллембергѣ, и двинулся на лѣвый флангъ Рускихъ «въ намѣреніи опрокинуть ихъ на Фришъ-Гафъ. Снѣгъ «*и ледъ покрывали* землю. Беннигсенова армія нахо-

«дилась въ крайней опасности; уже Французская ар-«мія достигала до тыла ея, какъ вдругъ казаки схва-«тили офицера главнаго штаба Принца Невшательскаго «(Бертье). Взятыя на немъ депеши извѣстили о движе-«ніи. Беннигсенъ, испуганный, поспѣшно стянулся къ «Аленштейну, и проч.» *

Вотъ что̀ объявлено было о томъ же въ Монитерѣ: «Французская армія еще не трогалась съ мѣста. Всѣ «другіе корпуса оставались на своихъ квартирахъ въ «совершенномъ безопасеніи. Она медлила для того, «чтобы дѣйствіе непріятеля болѣе обрисовалось, и боя-«лась движеніемъ своимъ обратить вниманіе его на бѣд-«ствія, которымъ онъ подвергался.

«Между тѣмъ движеніе Рускихъ прояснялось каж-«дый день болѣе и болѣе. Они прошли Остероде и «вступили въ Лебау. Тогда, по сигналу, данному во «Французской главной квартирѣ, войска поднялись и «совокупно устремились на лѣвый флангъ непріятеля, «въ намѣреніи зайти ему въ тылъ. Но на войнѣ встрѣ-«чаются обстоятельства, неподвластныя разсчетамъ. Офи-«церъ, принадлежавшій главному штабу, посланъ былъ «къ Принцу Понте-Корво съ описаніемъ движенія войскъ «Французской арміи. Начальникъ главнаго штаба извѣ-«щалъ Принца о намѣреніи Императора, и предписы-«валъ ему отступить до самаго Торна, дабы заманить «далѣе непріятеля. Офицеръ этотъ былъ схваченъ ка-«заками, и не успѣлъ разорвать депеши свои. И такъ «Россійскій генералъ узналъ заблаговременно объ опа-

* Memoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tom. II, pag. 55.

«сности, которая бы постигла его 48 часами позже. «Это способствовало ему прибыть (22 января) 3 февра-«ля со всею арміею въ Аленштейнъ и встрѣтить въ бо-«евомъ порядкѣ шедшую по сему пути Французскую «армію. Таковое обстоятельство показалось неизъясни-«мымъ. Тайна открылась на другой только день, ко-«гда узнали, что посланный офицеръ былъ взятъ не-«пріятелемъ и не успѣлъ сжечь депеши.» *

Мониторъ заключаетъ статью эту повтореніемъ: «Онъ «(непріятель) былъ бы истребленъ, если бы офицеръ, «посланный съ депешами къ Принцу Понте-Корво, сжегъ «ихъ, ибо все было такъ разочтено, чтобы непріятель «не прежде 48 часовъ могъ извѣститься о томъ, о чемъ «узналъ по симъ депешамъ. Россійская армія избѣ-«гла отъ гибели посредствомъ одного изъ тѣхъ проис-«шествій, которыя предоставлены случаю, дабы напо-«минать людямъ, что онъ вмѣшивается во всѣ сообра-«женія, во всѣ событія, и что если рѣшительные уда-«ры, истребляющіе армію и преобразующіе ходъ кам-«паніи, суть плоды опытности и генія, то не менѣе «того они нуждаются и въ его содѣйствіи.» ** Такой курьеръ стòитъ ста эстафетовъ, часто привозившихъ извѣстія о сплетняхъ Парижскихъ актеровъ, или о пустословіи Брутовъ, болтуновъ Пале-рояля.

Въ теченіе этой кампаніи были взяты и другіе курьеры, между которыми находился извѣстный императорскій ординарецъ Монтескью; но такъ какъ о нихъ

* Moniteur de 1807.

** *Moniteur de 1807.*

не было упомянуто въ оффиціяльныхъ бумагахъ, то и я объ нихъ умалчиваю.

Относительно же больныхъ, извѣстно, что при нападеніи на корпусъ маршала Нея, 24 мая (5 іюня), при Гутштадтѣ и $^{25}/_{6}$ при Анкендорфѣ, не только больные этого корпуса, но и обозы, паркъ, канцелярія и собственные экипажи маршала достались въ добычу казакамъ Платова, переплывавшимъ черезъ Алле, а потомъ и черезъ Пасаргу. Въ доказательство дѣйствія ихъ въ тылу непріятеля, служитъ 78-й Бюллетень Французской арміи, въ коемъ сказано о дѣлѣ при Анкендорфѣ: «Нашъ «уронъ состоялъ во 160-ти человѣкахъ убитыхъ, 200 «раненыхъ и 250 взятыхъ въ плѣнъ. Большая часть «послѣднихъ были схвачены казаками, которые поутру, «прежде аттаки, пришли въ тылъ арміи.» 78-й Бюллетень, 31 мая (12 іюня) 1807 года, Гейльсбергъ *.

Изъ этого видно, что отрядъ Платова, составленный изъ десяти казачьихъ полковъ, Павлоградскаго гусарскаго, 1-го егерскаго и двѣнадцаги орудій конной артиллеріи, былъ уже въ тылу 14-ти-тысячнаго корпуса, когда началась на него аттака съ трехъ сторонъ, 80-ти-тысячной арміи. Спрашиваю всякаго истинно военнаго человѣка: могъ ли Платовъ не похитить всего того, что находилось на самомъ удобнѣйшемъ мѣстѣ для похищенія? И впрямъ, если уже тамъ взяты всѣ при корпусѣ находившіяся важнѣйшія бумаги, которыя донынѣ хранились у генерала Беннигсена, если по сказанію

* Ложное показаніе. Въ сей день взято 60 офицеровъ, 1500 рядовыхъ и 2 орудія. Одни казаки взяли 55 офицеровъ и 705 рядовыхъ.

самаго Бюллетеня, тамъ уже взяты и 250 здоровыхъ солдатъ, то какимъ же способомъ могли избѣжать той же участи транспорты больныхъ? Ихъ перемѣщать было не легче самыхъ артиллерійскихъ парковъ и провіантскихъ фуръ, которыя, не имѣвъ времени отъ внезапной аттаки убраться заблаговременно въ отдаленное и безопасное мѣсто, попались также въ руки летучему корпусу Атамана.

Впрочемъ, что привязываться къ словамъ? Намѣреніе Наполеона очевидно: говоря о безпрепятственномъ ходѣ эстафетовъ и о неприкосновенности больныхъ его, онъ не столько имѣлъ въ виду и эстафеты, и больныхъ, какъ доказательство, что въ теченіе этой кампаніи всѣ затыльныя части его арміи были недоступны, и что на нихъ войска наши ничего не отбили. Вотъ сущность обвиненія, и такъ прибавимъ къ этому слѣдующее:

Въ одномъ изъ Бюллетеневъ сказано: «Генералъ «Викторъ (послѣ маршалъ и Герцогъ Бемюнскій; онъ «командовалъ тогда 2-мъ корпусомъ большой арміи), «проѣздомъ въ Штетинѣ, былъ съ адъютантомъ своимъ «схваченъ партіею, производившею въ той странѣ по«иски и состоявшею въ 25 гусарахъ». 53-й Бюллетень 10 января (22 февраля) 1807, Варшава.

Въ другомъ:

«Въ сторонѣ Виленберга три тысячи Русскихъ плѣн«ныхъ были освобождены партіею, состоявшею въ 1000 *«и казакахъ.»* *60-й* Бюллетень $^{6}/_{17}$ февр. 1807. Эйлау.

Тутъ нужно замѣчаніе: плѣнные сіи были освобождены не казаками, а Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ, подъ командою Генералъ-Маіора Львова. Генералъ этотъ посланъ былъ на поискъ изъ отряда Седморацкаго, занимавшаго Іоганисбургъ. Онъ пришелъ въ тылъ Французской арміи, во время движенія ея къ Прейсишъ-Эйлау, и, отбивъ въ окрестностяхъ Вилленберга не 3,000 Рускихъ, а до 5,000 Прусскихъ и Русскихъ плѣнныхъ, веденныхъ изъ арміи въ Варшаву, невредимо возвратился съ ними въ Іоганисбургѣ.

Если этого недовольно, то вотъ еще случай, который можетъ мнѣ служить сильнѣйшею подпорою:

13/25 января, Бернадотъ опрокинулъ авангардъ нашъ подъ Морунгеномъ, и до глубокой ночи преслѣдовалъ оный къ Либштадту, не заботясь о первомъ мѣстечкѣ, оставшемся въ тылу преслѣдующаго и прикрытомъ самымъ наступательнымъ его движеніемъ. Къ несчастію Французскаго маршала, того же числа къ вечеру прибыли въ С. Лоокенъ полки, Сумскій гусарскій и Курляндскій драгунскій, находившіеся тогда подъ начальствомъ — первый у графа Петра П. Палена, а послѣдній у флигель-адъютанта князя Михаила Долгорукаго. Примѣтя, что пушечный гулъ болѣе и болѣе подвигается къ Либштадту, Паленъ счелъ за стыдъ оставаться въ бездѣйствіи, тогда какъ другіе дерутся, и разсудилъ самовольно пуститься въ тылъ Французскаго корпуса. Между тѣмъ, дабы не оставить пустымъ занятый имъ пунктъ, который могъ входить въ составъ дальнѣйшихъ предначертаній главнаго начальства, онъ съ отважностію соединилъ и благоразуміе, взявъ

изъ всего отряда только три эскадрона драгунъ и два эскадрона гусаръ, съ которыми помчался на Экерсдорфъ и Гимельфортъ, и прибылъ въ глубокую ночь къ Морунгену, опорожненному войсками, но заставленному тяжестьми Французскаго корпуса. Паленъ и Долгорукій немедля ворвались въ улицы и разбудили оружіемъ и выстрѣлами стражу корпусной квартиры, покоившуюся подъ покровомъ побѣды. Все, что ни находилось въ Морунгенѣ, все попалось въ руки эскадронамъ нашимъ, такъ, что $^{15}/_{27}$ числа, когда Бернадотъ, вслѣдствіе наступательнаго на него движенія всей нашей арміи, возвратился съ корпусомъ своимъ въ Морунгенъ, то не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ однихъ мертвыхъ тѣлъ, изрубленныхъ повозокъ и носимыхъ вѣтромъ бумагъ его канцеляріи. Отъ каретъ и верховыхъ лошадей, до послѣдней рубахи Бернадота, все досталось въ добычу предпріимчивымъ исполнителямъ его подвига. *

Тѣмъ могъ бы я заключить возраженія насчетъ 1807 года кампаніи; но справедливость требуетъ, чтобы я не умолчалъ и о собственномъ нашемъ неумѣніи извлечь всю пользу, которую представляли намъ огромныя полчища, прибывшія въ армію съ береговъ Дона, Кубани и Урала. И подлинно, исключая ударовъ, мною упомянутыхъ, изъ которыхъ только два принадлежатъ казакамъ, вся служба ихъ ограничалась содержаніемъ передовой стражи и дѣйствіемъ на одной чертѣ съ линейными войсками, — дѣйствіемъ, совершенно разнород-

* Сущность дѣла этого взята изъ журнала донесеній главнокомандующаго *Государю Императору*; нѣкоторыя подробности онаго собраны мною *на мѣстѣ сраженія.*

нымъ съ ихъ склонностями, оковывающимъ и подвижность, и сноровку, и хитрость,— эти главныя качества воинственнаго народа, котораго методическіе уставы не заключили еще въ графы Европейскаго однообразія.

Отрядъ Атамана Платова состоялъ, какъ уже я выше сказалъ, изъ полковъ: десяти казачьихъ, одномъ гусарскомъ, одномъ егерскомъ и 12 орудій конной артиллеріи. Какое было назначеніе этому отряду?

До марта мѣсяца онъ находился въ авангардѣ главной арміи. Отъ 1 (13) марта, до 24 мая (15 іюня), онъ составлялъ при Пасенгеймѣ связь главной арміи, съ корпусомъ, дѣйствовавшимъ на Наревѣ, а потомъ до Тильзита, онъ не выходилъ изъ состава боевой линіи той же главной арміи. Какая произошла изъ этого польза? Никакой, или весьма скудная! Казацкое войско било, было бито, нападало, отступало и наконецъ отступило до Тильзита вмѣстѣ съ прочими войсками арміи.... Но, Боже мой! какое представлялось ему поле для развитія его природной удали!

Если бы во время движенія Французской арміи отъ Виленберга чрезъ Аленштейнъ и Ландсбергъ къ Прейсишъ-Эйлау, большая часть казачьихъ полковъ оставлена была на правомъ берегу Алле, между Зебургомъ и Гейльсбергомъ для дѣйствія партіями на тылъ непріятеля, какъ то сдѣлалъ генералъ Львовъ съ однимъ драгунскимъ полкомъ....

Если бы, вмѣсто того, чтобы въ окрестностяхъ Пасенгейма заниматься около трехъ мѣсяцовъ сшибками

иперестрѣлками съ новонабранными Польскими войсками, параллельно противъ нихъ стоявшими въ окрестностяхъ Ниденбурга, казаки наши, раздѣлясь на партіи, предприняли бы поиски, съ одной стороны между Гогенштейномъ и Гилгенбургомъ на сообщеніе главной Французской арміи съ Торномъ, а съ другой чрезъ Хорцеленъ и Присницъ на сообщеніе корпуса Массены съ Варшавою....

Если бы во время наступательнаго движенія Французской арміи на Гейльсбергъ, казачьи полки двинуты были отъ Гейльсберга чрезъ Гутштадтъ вдоль лѣваго берега Пасарги на Морунгенъ, Прейшъ-Голландъ и Мюлгаузенъ, и наконецъ, если бы во время отдѣленія нашей арміи отъ Фридланда къ Тильзиту, означенные полки, отойдя къ Гердауену, вдругъ ринулись бы оттуда черезъ Фридландъ къ Кенигсбергу....

Тогда только они принесли бы истинную пользу общему дѣлу. Дѣйствуя въ совершенномъ смыслѣ партизанской войны, въ землѣ, съ нами союзной и противъ конницы усталой и неспособной при самой свѣжести своей, къ отраженію партизанскихъ наскоковъ, неожиданныхъ, пролетныхъ, они неминуемо посѣяли бы разрушеніе и ужасъ въ тылу Французской арміи. Безъ сомнѣнія, не имъ удержать можно было великаго полководца на побѣдоносномъ ходу его; по крайней мѣрѣ, отвлекши за собою большую часть его конницы, они чрезъ то лишили бы его того орудія, посредствомъ котораго предпріятія его достигали до мѣты быстрѣе, рѣшительнѣе, узелъ битвы разсѣкался внезапнѣе, преслѣдованія производились неотступнѣе.

По эту черту возраженія мои относились къ кампаніи, до которой Наполеонъ коснулся только мимоходомъ; теперь приступаю къ той, въ которой набѣги и поиски вступили въ составъ общаго предначертанія главнаго начальства, и, нанеся чувствительнѣйшіе удары непріятелю, обратили на себя особенное вниманіе Наполеона.

Станемъ отвѣчать по статьямъ:

Во время движенія на Москву, онъ (Наполеонъ) никогда не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля.

Тутъ представляется нѣкоторое затрудненіе. Какъ разумѣть слова: Dans sa marche sur Moscou? *Во время Московскаго похода*, то есть: *во время Московской кампаніи*, или *во время движенія на Москву?* По послѣднему смыслу, Наполеонъ правъ: ибо до вступленія его въ столицу, легкая конница наша содержала только передовую стражу, и партизанской войны не было. Первый наѣздъ оказался при Царевѣ-Займищѣ $^{2}/_{14}$ сентября, въ самый день занятія Москвы, а второй $^{9}/_{21}$ сентября, при селѣ Перхушковѣ. Я держался бы послѣдняго смысла, и слѣдовательно не приступилъ бы къ возраженію, если бы самъ историкъ, продолжая говорить о томъ же предметѣ, не уничтожилъ этого смысла слѣдующими словами: *Ни одинъ подвозъ не былъ взятъ въ теченіе этой кампаніи. Во время Московской кампаніи ни одна эстафета не была перехвачена*, и проч. доказательство, что онъ имѣлъ въ виду *всю кампанію*, то есть, дѣйствіе отъ Нѣмана до Москвы, пребываніе въ Москвѣ и отступленіе изъ Москвы до Нѣмана.

По рѣшеніи этой задачи, надлежитъ объяснить и слѣдующую: *Онъ не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля.* Какъ разумѣть слова сіи въ тактическомъ или стратегическомъ смыслѣ? Если въ тактическомъ, то Наполеонъ опять правъ: ибо армія его, расположенная по Московскимъ предмѣстьямъ, лицемъ въ поле, имѣла въ тылу своемъ только Бѣлый-Городъ, Китай-Городъ и Кремль *, занятые главною и корпусными квартирами, ей принадлежащими. Но это нельзя предположить; Наполеонъ былъ не коммендантомъ, или не начальникомъ полиціи, чтобы граничить кругъ дѣйствія команды своей предѣлами шлагбаумовъ. Начальствуя несмѣтными силами, обладающій изящнѣйшими таинствами военнаго искусства, одаренный всеобъемлющимъ, дальновиднѣйшимъ взоромъ и необыкновеннымъ чувствомъ соотношеній, онъ, конечно, видѣлъ далѣе Камеръ-Коллежскаго Вала **, и потому, нельзя думать, чтобы онъ хотѣлъ увѣрить насъ въ томъ, что тылъ всякой арміи граничитъ только съ лазаретными фурами, хлѣбопеками и дежурствами. Изъ этого видно, что онъ говоритъ не о тактическомъ, а о стратегическомъ тылѣ своемъ, то есть, не о *Бѣломъ-Городѣ*, *Китай-Городѣ* и *Кремлѣ*, а о пространствѣ, по которому армія его пришла, черезъ которое получила она съѣстные и боевые подвозы, долженствовала имѣть сношеніе съ фланговыми своими корпусами, съ союзными государствами и съ Франціею, и по которому надлежало ей отступать въ случаѣ неудачи. Разумѣя такъ, сказаніе Наполеона ошибочно; ибо не прошло пяти дней по занятіи Москвы Фран-

* *Имена частей* города, составляющихъ середину Москвы.
** *Насыпь, окружающая* Москву.

цузскою арміею, какъ уже сообщеніе ея подверглось опасности искуснымъ движеніемъ Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую, — движеніемъ, возбудившимъ во всей арміи нашей восторгъ и удивленіе, но о превосходствѣ котораго и по сіе время умалчиваютъ иностранные писатели, или отъ низкаго чувства зависти, или просто отъ невѣжества. И такъ, одна Тарутинская позиція, столько же наступательная въ отношеніи стратегическомъ, сколько оборонительная по мѣстности и укрѣпленіямъ своимъ, одна уже позиція эта, сама собою, опровергаетъ упрекъ Наполеоновъ. А когда прибавимъ къ ней отрядъ Дорохова и партію Сеславина, производившіе поиски между дорогъ Смоленской и Боровской, въ направленіи къ Вязьмѣ; когда прибавимъ къ ней отдѣльныя команды князя Вадбольскаго между Вереи и Можайска, Бенкендорфа между Можайска и Волоколамска; Чернозубова между Можайска и Сычевки; Фиглева * въ окрестностяхъ Звенигорода, и мою партію между Гжатью и Дорогобужемъ: тогда смѣло можно сказать, что слова Наполеона брошены весьма опрометчиво и недостойны писателя, стяжавшаго въ потомствѣ званіе добросовѣстнаго историка.

Во время двадцати-дневнаго пребыванія въ Москвѣ.

Наполеоново пребываніе въ Москвѣ продолжалось не 20, а 34 дня. Онъ вступилъ въ Москву $^{2}/_{14}$ сентября, а выступилъ изъ нея $^{7}/_{19}$ октября. Замѣчаніе это весь-

* Не надобно принимать Фиглева за Фигнера. Первый служилъ въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ полку, а послѣдній въ артиллеріи. Первый находился въ отрядѣ генерала Винценгероде, а послѣдній былъ партизаномъ и дѣйствовалъ въ то время около Москвы, между дорогами Тульскою и Калужскою.

*

ма важно, ибо эти 14 дней суть главнѣйшіе союзники превосходства Тарутинскаго пункта, имѣвшаго такое непосредственное вліяніе на судьбу непріятельской арміи. И подлинно, выступи армія эта 14 дней прежде, ни одинъ замыслъ фельдмаршала не достигъ бы до полной зрѣлости! Армія наша не успѣла бы усилиться частію войскъ, формированныхъ княземъ Лобановымъ; въ лагерѣ ученіе рекрутъ и поступившихъ въ линейные полки ратниковъ, не пришло бы къ окончанію; съ Дону не успѣли бы прибыть 24 полка казаковъ, что съ находившимися при арміи полками составило болѣе 20 тысячъ истинно легкой конницы, причинившей столь много вреда непріятелю во время его отступленія; духъ арміи не возвысился бы отъ побѣды, одержанной надъ непріятельскимъ авангардомъ 6/18 октября, и наконецъ, ходъ продовольствія не успѣлъ бы еще вступить въ колею навыка такъ, чтобы при преслѣдованіи непріятеля, подвозы могли кругообращаться постоянно изъ арміи въ хлѣбороднѣйшія губерніи, а изъ нихъ въ армію вездѣ, гдѣ она не находилась. Все это случилось между 23 сентября (5 октября) и 7 (19) октября.

Въ противоположность, послѣдніе 14 дней довершили разстройство непріятельской арміи. Недостатокъ въ продовольствіи сказался уже по истеченіи 20-тидневнаго срока; ибо все, что еще оставалось подъ рукою, все окончательно израсходывалось, а по израсходованіи всего, бродяги умножились и развратъ обуялъ всѣ части арміи. Если бы армія эта выступила *14 дней прежде*, то она не только избѣгла бы голодъ, *но и прошла бы все* разстояніе отъ Москвы до Смолен-

ска путемъ сухимъ и погодою ясною, по той причинѣ, что осень была необыкновенно теплая, а стужа и вьюги поднялись только 28 октября (9 ноября) между Дорогобужемъ и Смоленскомъ, то есть, въ то время, въ которое непріятель могъ уже быть далеко за Смоленскомъ. Я не упрекаю, я не критикую, а разсказываю, оставляя самому читателю дѣлать заключеніе о важности тѣхъ 14-ти дней, о которыхъ Наполеонъ умалчиваетъ.

Ни одинъ почтовый укрѣпленный домъ (таковой находился на каждомъ посту) не былъ аттакованъ.

Партизаны не должны были этого предпринимать; таковыя предпріятія не въ духѣ партизанскаго дѣйствія. Что можетъ понудить партизана къ приступу? Два предмета: или овладѣніе какимъ либо подвозомъ, курьеромъ и чиновникомъ, остановившимися въ укрѣпленномъ почтовомъ домѣ для кратковременнаго отдыха, или утвержденіе себя на пути сообщенія непріятеля.

Но, до перваго всякой партизанъ можетъ достичь безъ тѣхъ усилій, которыхъ требуетъ приступъ: ему стоитъ только расположиться въ какомъ либо скрытномъ мѣстѣ, смежномъ съ большою дорогою, между двумя почтовыми станціями (Etapes) и добыча, на которую онъ мѣтитъ, вскорѣ явится передъ нимъ на чистомъ полѣ. Что же касается до послѣдняго, онъ до него никогда достичь не можетъ, ибо при первомъ появленіи передъ нимъ самой малочисленной пѣхотной команды, казаки его должны непремѣнно оставить мѣсто, стоившее имъ столь дорого, или защищая оное, погибнуть въ немъ для предмета, совершенно противнаго ихъ назначенію.

Но, положимъ, что партія удержитъ за собою этотъ укрѣпленный постъ, и тутъ успѣхъ произведетъ болѣе вреда, нежели пользы: онъ прикуетъ партію къ одному мѣсту, и чрезъ то принудитъ подвозы миновать это мѣсто окружными дорогами, тогда, какъ посредствомъ безпрестанной подвижности и появленія на нѣсколькихъ пунктахъ въ одни сутки той же партіи, мало что̀ отъ нея ускользнуть можетъ. Если же для того штурмовать укрѣпленія, чтобы по взятіи немедленно оставлять ихъ, то это дѣло безумія, а не отважности, и таковой партизанъ немного напартизанитъ, какъ ни была бы огромна его партія.

Но когда нужда востребовала, то не только укрѣпленный домъ, но и валомъ и палисадами обнесенный городъ Верея, сорванъ былъ отрядомъ генерала Дорохова; и да не подумаютъ, что городокъ этотъ защищаемъ былъ малымъ числомъ войскъ; въ немъ взято одними плѣнными 377 рядовыхъ, 15 штабъ- и оберъ-офицеровъ и одно знамя *.

«*Ни одинъ больной, ни одинъ отстранившійся не были взяты.*

Справедливѣе было бы сказать: ни одинъ госпиталь не былъ взятъ, пока армія шла къ Москвѣ и пока находилась она въ этой столицѣ, и вотъ почему:

* Изъ Histoire de l'expédition en Russie, par M*** (Chambray). Memoires pour servir à l'histoire de la geurre entre la Russie et la France, par Vaudoncourt.

Донесеніе Дорохова фельдмаршалу К. Кутузову отъ 29 сентября и 2 *октября.*

когда армія шла къ Москвѣ, то какъ уже я сказалъ, партизановъ еще не было, а непріятельскіе больные оставляемы были на пути по городамъ и по обнесеннымъ оградами монастырямъ, гдѣ вмѣстѣ съ ними оставлялись и войска, какъ для охраненія ихъ, такъ и для прикрытія съѣстныхъ и боевыхъ подвозовъ, шедшихъ къ арміи.

Когда же армія эта вступила въ Москву, то больные не отсылались уже назадъ, а помѣщались въ самой столицѣ; и такъ, мудрено было партизанамъ нашимъ врываться въ улицы городовъ и лѣзть черезъ ограды монастырей для подвига, хотя освященнаго пользою отечества, но въ существѣ своемъ всегда ненавистнаго для сердца всякаго истиннаго воина! Къ тому же это были бы тѣ же приступы, но приступы чуждые всего того, что составляетъ прелесть отважнаго предпріятія: чуждые великодушной, возвышенной цѣли и той поэзіи кроваваго ремесла нашего, безъ которой мы не что иное, какъ привиллегированные душегубцы!

Впрочемъ, отсрочка продолжалась недолго; не всякій ли знаетъ, что при общемъ отливѣ непріятельской арміи, ни одинъ госпиталь не успѣлъ быть упраздненъ, и всѣ они, безъ малѣйшаго усилія, попались въ руки побѣдителямъ.

Что же касается до безопаснаго перемѣщенія больныхъ изъ госпиталя въ госпиталь, по случаю стеченія ихъ въ одномъ и уменьшенія въ другомъ госпиталѣ; что касается до благополучнаго проживанія въ тылу непріятельской арміи *отстранившихся* отъ нея,

по нашему называемыхъ бродягами или мародерами, то нареканіе уничтожается однимъ уже пребываніемъ партій нашихъ на самомъ томъ пространствѣ, на коемъ Наполеонъ разсѣялъ и больныхъ, и мародеровъ своихъ. Кого увѣрить можно, чтобы многочисленныя партіи наши, рыскавшія вдоль Большой Смоленской дороги отъ Москвы до Дорогобужа, хладнокровно смотрѣли на всѣ эти тянувшіяся мимо ихъ и грабившія вокругъ нихъ необузданныя шайки разбойниковъ, не причиняя имъ ни малѣйшаго вреда? Да если бы партіи на это и рѣшились, то можно ли, чтобы поселяне, имѣвшіе такое сильное право на личное мщеніе, можно ли, чтобы поселяне допустили шайки сіи безпрепятственно предавать огню и мечу ихъ самихъ и ихъ имущества? Въ доказательство, что не такъ безопасно было кругообращеніе людей и подвозовъ по непріятельскому пути сообщенія, какъ о томъ сказано въ сочиненіи, мною оспориваемомъ, служитъ предложеніе, сдѣланное 23 сентября (5 октября) Лористономъ, о прекращеніи народной войны, которая, возбуждаемая и поддерживаемая партизанами, причиняла такой вредъ непріятелю. Фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Народъ разумѣетъ войну эту «нашествіемъ Татаръ, и слѣдовательно, считаетъ всякое «средство къ избавленію себя отъ враговъ не только «непредосудительнымъ, но похвальнымъ и священ-«нымъ.» Этого мало: встревоженный умноженіемъ партизанскаго дѣйствія въ тылу своей арміи, Наполеонъ побѣждаетъ гордость свою, и возобновляетъ предложеніе Лористона, $^{8}/_{20}$ октября, изъ села Троицкаго. Маршалъ Бертье, въ письмѣ своемъ къ князю Кутузову, говоритъ между прочимъ: «Генералу Лористону препору-«чено было предложить вашей свѣтлости мѣры, чтобы

«сообразовать военныя дѣйствія съ правилами, установ-«ленными во всѣхъ войнахъ, дабы государство не не-«сло болѣе зла, какъ то, которое происходитъ отъ са-«мой сущности войны.» * На это фельдмаршалъ отвѣ-чалъ: «Весьма трудно обуздать народъ, оскорбленный «всѣмъ тѣмъ, что передъ нимъ происходитъ, народъ, не-«видавшій 200 уже лѣтъ войны въ нѣдрахъ своего оте-«чества, готовый за него погибнуть и неумѣющій раз-«личать принятые обычаи отъ тѣхъ, кои отвергаемы «въ обыкновенныхъ войнахъ. $^9/_{21}$ октября, 1818. Тару-«тино.» **

Впрочемъ, не одни мародеры, но и самые фуражи-ры погибали въ этой борьбѣ войскъ съ цѣлою націей. Взглянемъ, что о томъ говорятъ, Ларрей генералъ-док-торъ главной Французской арміи, господинъ Шамбре, сочинитель «Исторіи нашествія на Россію», и наконецъ самъ Наполеонъ.

«Начальники непріятельской арміи поддерживали «нашихъ начальниковъ въ надеждѣ на миръ, увѣряя, «что прелиминарные пункты будутъ на дняхъ подпи-«саны. А между тѣмъ тучи казаковъ облегали мѣста, «на коемъ расположены были войска наши, и еже-«дневно похищали у насъ великое число фуражи-«ровъ. ***

«Къ изнуренію фуражировъ соединялось пораженіе,

* Lettre du M. Berthier au M P. Koutousoff. $^8/_{20}$ octobre. Troitdzkoé.
** Lettre du M. Koutousoff au M Berthier. $^9/_{21}$ oct. Taroutino.
*** Larrey, memoires de la Chirurgie militaire.

«наносимое имъ казаками, подъѣзжавшими даже къ за-«ставамъ Москвы.» *

Повелѣніе Наполеона къ Бертье:

«Гжать, 22 августа (3 сентября) 1812-го.

«Напишите генераламъ, командующимъ корпусами, «что мы ежедневно теряемъ много людей отъ безпо-«рядка, господствующаго въ образѣ, принятомъ войскомъ «для отысканія пищи; что безъ отлагательства нужно, «чтобы они условились между собою насчетъ мѣръ, «которыя должны быть соблюдаемы для прекращенія «*случаевъ, угрожающихъ арміи разрушеніемъ; что чи-«сло людей, забираемое непріятелемъ, простирается «ежедневно до нѣсколько сотенъ;* что слѣдуетъ непре-«мѣнно, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, за-«претить солдатамъ отлучаться по одиначкѣ, а посы-«лать за пищею войска (руководствуясь учрежденіемъ «для фуражировъ) командами, наряженными съ кажда-«го корпуса, если армія стоитъ совокупно, или съ каж-«дой дивизіи, если армія раздѣлена на части; чтобъ «генералъ или штабъ-офицеръ начальствовалъ надъ «этими сборными командами, и чтобъ достаточное чи-«сло войскъ всегда при нихъ слѣдовало для прикры-«тія ихъ отъ казаковъ и поселянъ во время фуражи-«рованія. Чтобы старались тамъ, гдѣ найдутъ жите-«лей, получать отъ нихъ провіантъ и фуражъ посред-«ствомъ требованія, не причиняя имъ большаго вреда «насильствомъ и похищеніемъ другихъ предметовъ. На-«конецъ, исполненіе предписанія этого такъ важно, что

* *Chambrey, Histoire* de l'expedition en Russie. Tom. III.

«безъ сомнѣнія, ревность къ моей службѣ генераловъ и «корпусныхъ начальниковъ изыщетъ всѣ средства къ «прекращенію неустройствъ, о которыхъ идетъ дѣло. «Вы не преминете написать также Неаполитанскому «Королю (Мюрату), командующему конницею, о томъ, «что необходимо нужно, чтобы конница его прикры-«вала фуражированіе и обезпечивала отъ казаковъ и «непріятельской конницы команды, посылаемыя изъ «лагеря для сего предмета. Вы предложите Принцу «Эксмюльскому (Даву) не подходить къ авангарду бли-«же двухъ льё (10 верстъ). Вы ему внушите необ-«ходимость сей мѣры, дабы фуражиры, искавъ фура-«жа и провіанта, всегда находились въ нѣкоторомъ от-«даленіи отъ непріятеля. Наконецъ, вы замѣтите Гер-«цогу Ельшингенскому (Нею), что *онъ ежедневно болѣе «теряетъ людей въ фуражированіи, нежели въ сраже-«ніи*, и что необходимо нужно, чтобы первое произво-«дилось съ большимъ устройствомъ, и не такъ далеко «посылаемы были фуражиры.» *

И такъ, если фуражиры, всегда ходившіе на добычу, совокупнѣе мародеровъ, не смотря на упреки, дѣлаемые имъ Наполеономъ, оберегавшіеся съ нѣкоторыми правилами и устройствомъ, не могли избѣжать плѣна или смерти, то какъ же мародеры, затерянные въ землѣ, имъ неизвѣстной, влачившіеся безъ опредѣленной цѣли, безъ начальниковъ, иногда безъ потроновъ и всегда безъ подпоры, какъ же могли они проживать невредимо среди народа озлобленнаго, вооруженнаго и кипя-

* Chambray, Histoire de l'expedition en Russie. Lettre de Napoléon au Major-General. 3 Sept. 1812. Gjatzk. Tom. III.

щаго мщеніемъ? Если бы точно партизаны и поселяне, сложа руки, глядѣли на неистовства, производимыя этою безопасною для нихъ сволочью, то зачѣмъ было Бертье и Лористону предлагать князю Кутузову принятіе мѣръ, для сообразованія военныхъ дѣйствій съ установленными во всѣхъ войнахъ правилами? Зачѣмъ было Наполеону хлопотать насчетъ устройства фуражированія, ибо, какъ видно, онъ не другимъ чѣмъ признавалъ мародеровъ своихъ, какъ *фуражирами безъ начальства* и безъ связи? Не все ли говорятъ слова эти: 1) «Мы ежедневно теряемъ много людей отъ «безпорядка въ отысканіи пищи; 2) безъ отлагатель-«ства нужно условиться насчетъ мѣръ, которыя дол-«жны быть приняты къ прекращенію случаевъ, угро-«жающихъ арміи разрушеніемъ; 3) число людей, за-«бираемыхъ непріятелемъ, простирается до нѣсколько «сотенъ ежедневно, и 4) Ней ежедневно теряетъ бо-«лѣе людей на фуражированіи, нежели въ сраженіи?» Но полно о бродягахъ и мародерахъ, истребленіе которыхъ впрочемъ болѣе было дѣломъ поселянъ, нежели партій устроенныхъ и ринутыхъ на сообщеніе непріятеля съ цѣлью гораздо важнѣйшею.

«Ни одна эстафета не была перехвачена...»

Не говоря уже о тѣхъ, которыя попались мнѣ въ руки, я упомяну только о нѣкоторыхъ перехваченныхъ курьерахъ другими партизанами.

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что донесенія начальству не суть документы вѣрные и неоспоримые; со-*гласенъ, когда они* представляютъ одно число убитыхъ,

во всѣхъ націяхъ и во всѣхъ арміяхъ, всегда преувеличенное относительно къ непріятелю и уменьшенное относительно къ своимъ. Что же касается до донесеній о плѣнныхъ или о перехваченныхъ курьерахъ и депешахъ, ими возимыхъ, то сомнительность въ нихъ вкрасться не можетъ, ибо плѣнный или курьеръ лично представляется въ главную квартиру, допрашивается и поступаетъ въ списокъ тѣхъ плѣнныхъ, которые прежде его были взяты, а депеши, отобранные отъ нихъ, хранятся подъ номерами, что можно и теперь видѣть въ Главномъ Штабѣ Государя Императора.

И такъ, вотъ мои доказательства:

Въ рапортѣ фельдмаршала къ Государю Императору, отъ 22 сентября (4 октября), сказано:

«Сентября $^{11}/_{23}$. Генералъ-Маіоръ Дороховъ, продол-«жая дѣйствія съ своимъ отрядомъ, доставилъ пере-«хваченную имъ у непріятеля почту въ двухъ запеча-«танныхъ ящикахъ, а третій ящикъ съ ограбленными «церковными вещами. $^{12}/_{24}$ сентября, поймано его же «отрядомъ на Можайской дорогѣ два курьера съ депе-«шами» и проч.

Въ рапортѣ генерала Винценгероде къ Государю Императору изъ города Клина, отъ $^{3}/_{15}$ октября, сказано:

.........«На сихъ дняхъ симъ послѣднимъ Полков-«никомъ (Чернозубовымъ) взяты два Французскіе курь-«ера, ѣхавшіе изъ Москвы съ депешами....»

Фельдмаршалъ доноситъ также Государю Императору, отъ $^{1}/_{13}$ октября, о взятіи 24 сентября (6 октября), курьера близъ Вереи Подполковникомъ княземъ Вадбольскимъ.

Генералъ Винценгероде доноситъ Государю Императору, отъ $^{8}/_{20}$ октября, изъ села Чашникова, о взятіи курьера въ слѣдующихъ словахъ:

«Я получилъ рапортъ отъ Полковника Чернозубо-«ва, находящагося съ ввѣреннымъ ему полкомъ на Мо-«жайской дорогѣ между городами Гжатскомъ и Вязь-«мою».

Вотъ этотъ рапортъ:

«Прибывъ съ полкомъ, мнѣ ввѣреннымъ, къ дерев-«нѣ Теплухѣ, на большой Московской дорогѣ находя-«щейся, гдѣ учреждена Французская почта (Etape), я «успѣлъ схватить непріятельскаго почталіона (Estafette), «предъ моимъ прибытіемъ выѣхавшаго изъ сей деревни. «Всѣ бумаги, при немъ найденныя, присемъ къ вашe-«му превосходительству представляю, вмѣстѣ съ однимъ «офицеромъ Французскихъ войскъ, взятымъ на самой «большой дорогѣ.

«Послѣ сего, я пошелъ прямо по той же самой «дорогѣ къ Цареву-Займищу, и на пути взялъ въ плѣнъ «одного офицера и 38 рядовыхъ, которыхъ, для поста-«вленія въ Тверь, препроводилъ къ Сычевскому Исправ-«нику. До упомянутаго Царева-Займища я не могъ «дойти, по причинѣ встрѣтившейся въ большомъ чи-

«слѣ пѣхоты, препровождавшей обозъ, котораго часть «отбивъ, я поворотилъ назадъ, и имѣю ночлегъ сего «числа въ деревнѣ Холмѣ, въ 15-ти верстахъ отъ боль«шой дороги. Вашему превосходительству о семъ до«нести честь имѣю, равно и о томъ, что въ сихъ пред«пріятіяхъ содѣйствовали мнѣ города Сычевокъ Дворян«скій Предводитель Нахимовъ и Исправникъ Богуслав«скій.»

Господинъ Шамбре, въ «Исторіи нашествія на Россію», опровергаетъ съ успѣхомъ слова Наполеона, мною здѣсь оспориваемыя; онъ говоритъ:

«Наполеонъ въ семъ случаѣ самъ себѣ противорѣ«читъ въ письмахъ своихъ отъ 3-го, 23-го, 24-го, 26-го «и 27-го сентября (н. м.), такъ какъ и отъ 6-го, 10-го, «23-го, 24-го октября, 9-го ноября, 2-го декабря (н. м.) «и въ другихъ еще письмахъ, мною необъявленныхъ «отъ того, что я не нашелъ въ нихъ ничего достойнаго «замѣчанія. Сверхъ этихъ писемъ, донесеніе генерала «Барагедильера, приложенныя къ сему второму изда«нію, довольно удостовѣряютъ не въ собственномъ за«блужденіи Наполеона, а въ умышленномъ стараніи «его привести другихъ въ заблужденіе, дабы чрезъ то «прикрыть славу и самолюбіе свое отъ нападковъ. Безъ «сомнѣнія, онъ не рѣшился бы на сказаніе, мною «оспориваемое, если бы зналъ, что часть писемъ его, «Бертье и другихъ генераловъ, вѣдомости о движені«яхъ войскъ и иные драгоцѣнные документы, необ«ходимые для описанія нашествія на Россію, будутъ «нѣкогда обнародованы такъ, что событіе, долженствовавшее повидимому болѣе другихъ быть недо-

«ступнымъ любопытству, является напротивъ однимъ «изъ извѣстнѣйшихъ событій нашего времени». *

Вотъ нѣкоторыя выписки изъ сихъ писемъ:

«Мы не получали эстафетовъ послѣ пребывшей $^7/_{19}$ «октября. Не достаетъ тѣхъ, которыя должны были «прибыть $^8/_{20}$, $^9/_{21}$ и $^{10}/_{22}$» **. «Доведите до его (марша-«ла Виктора) свѣдѣнія, что по сіе время не получая «эстафетовъ, я не знаю что происходитъ въ его сто-«ронѣ». *** «Императоръ не получилъ двухъ эстафе-«товъ; быть можетъ, что это слѣдствіе вашего отступ-«ленія къ Сенно, которое открыло большее простран-«ство земли непріятелю». ****

И наконецъ, господинъ Шамбре заключаетъ: «Во вре-«мя отступленія, Наполеонъ отъ Смоленска до Моло-«дечьно получилъ только двѣ депеши изъ Франціи, и «то чрезъ Марета (Герцога Бассано). На доставленіе «первой изъ этихъ депешей отважился Польскій дво-«рянинъ, объ имени котораго я умолчу, дабы не под-«вергнуть его подозрѣнію; вторую доставилъ ему Ев-«рей за деньги; онъ встрѣтилъ Наполеона въ Каменѣ «послѣ перехода чрезъ Березину.» *****

* Histoire de l'expedition en Russie, par M*** (Chambray). Tom III. pag. 249.

** Lettre de M. Berthier à Junot. 23 Oct. Fominscoé.

*** Lettre de Napoléon au Major-général.

**** Lettre du M. Berthier à Victor. 9 Nov. Smolensk.

***** Histoire de l'expedition en Russie, par M*** Chambray. Tom. III. pag. 247.

Теперь мы подошли къ главному предмету партизанскаго дѣйствія, а именно, къ похищенію и истребленію непріятельскихъ подвозовъ съ боевыми и съѣстными припасами, отрядовъ, командъ и войскъ, проходящихъ въ армію, или изъ оной. Достигли ли партизаны наши до этого предмета, или нѣтъ, мы увидимъ изъ достовѣрныхъ документовъ, которыми я вооруженъ? Прежде сего представимъ легкій очеркъ того положенія, въ которомъ находились пути сообщенія Французской арміи; очеркъ этотъ принадлежитъ не мнѣ, а господину Шамбре. «Невѣдѣніе его (Наполеона) «о движеніяхъ этого генерала (Кутузова), умножаясь «отъ Русскихъ партій, рыскавшихъ вокругъ Москвы, «ввергло его въ совершенное недоумѣніе на счетъ на«мѣренія непріятеля. Партіи сіи, безпокоя фуражировъ «съ неутомимою дѣятельностію, пресѣкли всѣ прямыя со«общенія между Мюратомъ, Бесьеромъ и Понятовскимъ. «Предпріятіямъ ихъ способствовали тѣ изъ поселянъ, «которые оставались еще въ селеніяхъ, давая имъ знать «о движеніяхъ Французскихъ войскъ. Наконецъ, взяті«емъ нѣсколько артиллерійскихъ палубовъ и нѣсколько «командъ между Москвою и Можайскимъ, Дороховъ за«градилъ путь подвозамъ и принудилъ ихъ прекратить «свое шествіе. Для возстановленія этого сообщенія, «Наполеонъ отрядилъ, $^{11}/_{23}$ сентября, гвардейскихъ дра«гунъ, двѣ роты гвардейской конной артиллеріи и «одинъ линѣйный полкъ. Отряду этому предписано «было остановиться въ селѣ Вязёмѣ, находящемся на «столбовой дорогѣ въ 7-ми льё (35-ти верстахъ) отъ «Москвы. Спустя нѣсколько дней, $^{14}/_{26}$ сентября, онъ «еще отрядилъ на половину пути отъ этого села къ Мо«сквѣ дивизію Брусьера, принадлежавшую корпусу Ев-

«генія, легкую кавалерію этого же корпуса и гвардей-
«скихъ конныхъ егерей съ артиллерійскою конною ро-
«тою. Такъ какъ и дорога отъ Можайска къ Смоленску
«весьма обезпокоиваема была партіями, то приказано
«было Наполеономъ отправлять войска изъ этого по-
«слѣдняго города не иначе, какъ совокупно и не въ
«меньшемъ числѣ, какъ въ 1500 человѣкъ.» Томъ III,
стран. 151-я. *

Теперь перейдемъ къ документамъ:

Донесеніе къ Бертье генерала Барагe-Дильера, Военнаго Губернатора Смоленской губерніи, жительствовавшаго въ Вязьмѣ.

«*Вязьма, 8/20 сентября.*

«Число и отвага вооруженныхъ поселянъ въ глубинѣ «области, по видимому умножается. 5/18 сентября крестья«не деревни Клушина, что возлѣ Гжатска, перехватили «транспортъ съ понтонами, слѣдовавшій подъ командою «капитана Мишеля. Поселяне повсюду отбиваются отъ «войскъ нашихъ и рѣжутъ отряды, которые по необ«ходимости посылаемы бываютъ для отысканія пищи. «Неистовства эти, чаще происходящія между Дорого«бужемъ и Можайскомъ, достойны, по моему мнѣнію, «вниманія Вашей Свѣтлости. Безъ отлагательства нуж«но взять мѣры къ преграждснію новыхъ безпокойствъ, «причиняемыхъ крестьянами, или укротить ихъ наглость «наказаніями за прошедшія преступленія. **

* Histoire de l'expedition en Russie, par M** (Chambray). Tom. III. pag. 151.

** *Lettre du gen.* Baraguay-d'Hilliers au Mr. Berthier.

«Казаки рыщутъ на флангахъ нашихъ. Разъѣздъ, со-«стоявшій въ 150 гвардейскихъ драгунахъ, подъ коман-«дою маіора Мартода, попался въ засаду казаковъ между «дорогами Московской и Калужской. Драгуны изрубили «300, пробились, но оставили 20 человѣкъ на полѣ сраже-«нія. Они были взяты, а вмѣстѣ съ ними и маіоръ тя-«жело раненый.» 23-й бюллетень $^{9}/_{21}$ октября, Москва. *

.....«Казаки показались на Смоленской дорогѣ въ 24-хъ «или въ 28-ми верстахъ отсюда. Они въ числѣ 30-ти «человѣкъ напали нечаянно на подвозъ артиллерійскихъ «снарядовъ, состоявшій въ 15-ти ящикахъ, и сожгли «оный.» Бертье къ Мюрату, отъ $^{10}/_{22}$ сентября, Москва**.

«Вы, конечно, уже извѣщены о томъ, что произошло «на Можайской дорогѣ, но это не что иное, какъ каза-«ки, которые, въ числѣ около 40 человѣкъ, напали не-«чаянно въ одной деревнѣ на 15 артиллерійскихъ па-«лубовъ и подорвали ихъ. Императоръ послалъ маіора «Летора съ 250-ми драгунами на Можайскую дорогу, въ «самое то мѣсто, гдѣ мы ночевали. Маіоръ Леторъ имѣетъ «повелѣніе остановить всѣ кавалерійскія команды, ко-«торыя слѣдуютъ въ армію; отъ чего отрядъ его до-«стигнетъ до полуторы-тысячи или до двухъ тысячъ «человѣкъ. Съ этимъ отрядомъ онъ назначенъ прикры-«вать дорогу, и проч.» Изъ письма Бертье къ Бесьеру, $^{10}/_{22}$ сентября, Москва ***.

* 23-me Bulletin. 9 Oct. Moscou.

** Lettre du Mr. Berthier à Murat. 22 Sept. Moscou.

*** Lettre du Mr. Berthier à Bessières. 22 Sept. Moscou. Наѣздъ этотъ, какъ встревожившій маршала Бертье, былъ точно произведенъ

.....«Пять сотъ или шесть сотъ казаковъ, пересѣкшіе «Можайскую дорогу, намъ причинили много вреда. Они «подорвали 15 артиллерійскихъ палубовъ и взяли два «резервные эскадрона, шедшіе въ армію, т. е. около «двухъ сотъ конныхъ солдатъ. Эскадроны эти принад«лежали резервной командѣ генерала Ланюся, который, «по неосторожности своей, расположилъ ихъ вправо отъ «себя. Послѣ того казаки хотѣли атаковать большой «подвозъ артиллерійскихъ снарядовъ, но ружейная «стрѣльба солдатъ, прикрывавшихъ оный, ихъ удалила. «Такъ какъ я уже извѣщалъ васъ, маіоръ Леторъ при«былъ вчера въ домъ князя Голицына, что на Можай«ской дорогѣ, съ двумя стами конныхъ солдатъ. По извѣ«стіямъ, даннымъ вами, и также по извѣстіямъ, получен«нымъ отъ Короля (Мюрата), Е. В. приказалъ генералу «Сантъ-Сюльпису выступить со всѣми своими драгунами «на подкрѣпленіе маіора Летора, если нужда востребуетъ. «Я полагаю, этой нужды не будетъ, ибо движеніе войскъ, «посланныхъ вами къ Подольску и къ Деснѣ, должно во«все удалить казаковъ отъ Можайской дороги.» Изъ пись«ма Бертье къ Бессьеру, $^{11}/_{23}$ сентября, Москва *.

40 казаками, но потеря непріятеля состояла не въ 15, а въ 36 палубахъ, въ 2-хъ капитанахъ, въ 5 офицерахъ и 92 рядовыхъ. Это можно видѣть въ рапортѣ Дорохова, хранившемся ва Главномъ Штабѣ Его Величества. Нападеніе учинено было на село Перхушково сотникомъ Юдинымъ.

* Lettre du M. Berthier à Bessieres. 23 Sept. Moscou. *Я не* считаю за нужное оспоривать странное мнѣніе маршала Бертье, что будто бы посредствомъ движенія кавалеріи Бессьера къ Подольску и къ Деснѣ можно было остановить покушенія партій нашихъ на Смоленскую дорогу; нелѣпость таковаго мнѣнія недостойна опроверженія. Но то, что считаю необходимымъ, это объясненіе дѣлъ, о которыхъ упоминаетъ этотъ маршалъ: дѣло, означенное въ выпискѣ сего письма, принадлежитъ полковнику Сиверсу — онъ взялъ въ плѣнъ ѣхавшаго съ повелѣніями адъю*танта маршала Нея, одного* капитана и 3 рядовыхъ. Въ 23-мъ бюллетенѣ

Наполеонъ къ Бертье.

«*Москва*, $^{11}/_{23}$ *сентября*.

«Увѣдомьте генерала Бараге-Дильера и герцога Абрант-«скаго (Жюно), что кавалерія и артиллерія, опредѣля-«емыя на прикрытіе транспортовъ, должны идти сово-«купно, кочевать въ кореѣ вокругъ транспорта и ни «подъ какимъ предлогомъ не раздробляться; что на-«чальникъ транспорта долженъ кочевать въ срединѣ «онаго; что всякой начальникъ, который не будетъ на-«блюдать этихъ повелѣній, будетъ наказанъ за нерадѣ-«ніе и какъ виновникъ взятія транспорта.

«Подтвердите повелѣніе въ Смоленскъ, чтобы оттуда «ни одного транспорта не посылали иначе, какъ подъ «командою штабъ-офицера и подъ прикрытіемъ 1500 «человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, исключая изъ этого «числа артиллерійскихъ, инженерныхъ и обозныхъ по-«гонщиковъ. Дайте знать, что я съ прискорбіемъ вижу «отправленіе транспортовъ съ слабыми прикрытіями. «Въ слѣдствіе этого повелѣнія, сочините приказъ на «счетъ образа кочеванья транспортовъ 5-го, и пошлите «оный къ начальникамъ транспортовъ 5-го и 6-го. Не-«зависимо отъ этого приказа, представьте передъ глаза «мои уложенія на счетъ транспортовъ и прикрытій «оныхъ. Мнѣ помнится, что въ нихъ весьма ясно из-

и въ выпискѣ письма Бертье къ Бессьеру, отъ 26-го сентября, выписку которую я представлю немедленно, говорится о другомъ дѣлѣ: оно произошло у села Бурцова, что на Боровской дорогѣ; въ этомъ дѣлѣ взяты маіоръ Мартодъ, 4 офицера и 186 рядовыхъ; съ нашей стороны уронъ былъ значительный: убитъ полковникъ Сиверсъ, тяжело ранены полковникъ князь Хилковъ и маіоръ графъ Гудовичъ, нижнихъ чиновъ ранено и убито 25.

«ложены средства, какъ транспорты должны быть охра-«няемы. Если такъ, то надо будетъ перепечатать эти «уложенія и разослать ихъ по всѣмъ коммендантамъ «укрѣпленій отсюда до Ковны.» *

Отъ того же къ тому же.

«*Москва, $^{12}/_{24}$ сентября.*

«Увѣдомьте генерала Сентъ-Сюльписа, что я полу-«чилъ письмо его. Объявите ему, что на свободный про-«ѣздъ отъ Можайска до Москвы *я гляжу, какъ на весь-«ма важное дѣло*, и что я полагаюсь на него въ охра-«неніи этого пути. Что ему надлежитъ расположиться «на томъ пунктѣ, на которомъ онъ теперь находится и «который есть центральный. Что онъ долженъ открыть «сообщеніе съ герцогомъ Абрантскимъ (Жюно), на-«ходящимся въ Можайскѣ, и что я рекомендую ему при-«крывать эстафеты при проѣздѣ ихъ мимо его отряда. «Что полковникъ Леторъ обращается подъ его команду, «и что я отдаю на волю его расположить Летора усту-«помъ тамъ, гдѣ заблагоразсудитъ.

«Предпишите ему, и болѣе всего настаивайте, чтобы «онъ имѣлъ патрули для прикрытія курьеровъ. Нужно «было бы узнать: *отозваны или нѣтъ казацкіе отряды*, «*назначенные для перехвата ихъ?* Я полагаю, что онъ «уже послалъ двѣсти или триста человѣкъ на то мѣсто, «гдѣ *отрядъ генерала Ланюса былъ взятъ* тому нѣсколь-«ко дней. Генералъ Леторъ выступаетъ нынче или зав-

* *Lettre de Napoléon à* M. Berthier. Moscou. 23 Sept.

«тра; все таки чрезъ это прибавится лишняя патруль «на дорогѣ.» *

Выписка изъ письма Бертье къ Бессьеру отъ $^{14}/_{26}$ сентября.

.....«Кононада, которую вы вчера утромъ слышали «на правой сторонѣ отъ васъ, была предпринята по «наблюдательному отряду гвардейскихъ драгунъ, не «такъ, какъ должно введенныхъ въ дѣло маіоромъ Мар-«тодотомъ, который взятъ или убитъ. Мы потеряли въ «этой безразсудной схваткѣ нѣсколько гвардейскихъ «драгунъ, взятыми или убитыми, маіора, капитана, стар-«шаго адъютанта и до двадцати драгунъ ранеными. Мы «также потеряли нѣсколько человѣкъ и пѣхоты. Без-«разсудно начальствуемый отрядъ, былъ нечаянно ата-«кованъ тремя тысячами человѣками войска съ орудія-«ми.» **

Наполеонъ къ Бертье.

«*Москва*, $^{15}/_{27}$ *сентября*.

«Я позволяю генералу Бараге - Дильеру располагать «Польскимъ полкомъ, какъ онъ хочетъ. Такъ много от-«рядовъ идетъ къ намъ сзади, что ему не мудрено бу-«детъ проучить поселянъ.» ***

* Lettre de Napoléon à M. Berthier. 24 Sept. Moscou.
** Lettre du M. Berthier à Bessières, 26 Sept. Moscou.
*** Lettre de Napoléon à M. Berthier. 27 Sept. Moscou.

Генералъ Бараге-Дильеръ къ Бертье.

«*Вязьма, 18/30 сентября.*

«Я получилъ письмо Вашей Свѣтлости. Огорченный «содержаніемъ онаго и видя, что Императоръ, хотя и «не явно, обвиняетъ меня въ нерадѣніи, относительно «образованія губерніи мнѣ ввѣренной, отъ чего, по его «мнѣнію, происходятъ безпорядки на пространствѣ отъ «Смоленска до Можайска, я спѣшу отвѣчать какъ мож-«но откровеннѣе и короче. Прежде всего скажу: я обра-«зовалъ военное и гражданское управленіе Смоленской «губерніи, въ чемъ удостовѣряетъ прилагаемое при семъ «уложеніе; но для извлеченія всѣхъ средствъ изъ не-«пріятельской области, въ которой жители вооружены «противъ насъ, надобно двѣ вѣщи: 1) достаточное число «войскъ для занятія важнѣйшихъ пунктовъ, дабы чрезъ «то принудить жителей къ повиновенію, и для *изгнанія* «*тѣхъ, которые управляютъ ими съ оружіемъ въ ру-«кахъ*. 2) Когда не существуетъ никакого сходства въ «языкѣ завоевательной арміи съ языкомъ завоеваннаго «народа *, тогда нужно имѣть людей, говорящихъ обо-«ими языками, дабы повелѣнія и нужды наши могли «быть имъ понимаемы. До сего же времени, я во всей «губерніи нигдѣ не имѣю ни того, ни другаго посо-«бія. Если исключимъ укрѣпленныя станціи, на доро-«гѣ расположенныя, то останется дѣйствующихъ войскъ: «въ Дорогобужѣ около 200 человѣкъ пѣхоты и 15 гу-«саровъ; въ Вязьмѣ 210 человѣкъ пѣхоты, 40 гусаровъ,

* Каковъ завоеванный народъ, о которомъ нѣсколько строкъ выше *сказано, что онъ вооруженъ* противъ завоевателей?

«въ Гжатскѣ 170 человѣкъ. Ваша Свѣтлость можете по-«вѣрить это по ежедневнымъ вѣдомостямъ.

«На другой день по прибытіи моемъ сюда, я, въ слѣд-«ствіе вашего повелѣнія, послалъ три колонны, соста-«вленныя каждая изъ 50-ти человѣкъ, для обозрѣнія «области и для собранія съѣстныхъ припасовъ. *Двѣ «изъ нихъ были взяты и не возвратились*, о томъ я «имѣлъ честь донести Вашей Свѣтлости. *Нѣсколько по-«добныхъ происшествій случилось послѣ того* *.

Наполеонъ къ Бертье.

«*Москва, 24 сентября (6 октября.)*

«Напишите герцогу Беллюнскому (Виктору), чтобы «полки, сформированные въ Кенигсбергѣ и въ Витеб-«скѣ, изъ оставшихъ людей отъ полковъ своихъ, не «прикрывали артиллерійскіе транспорты.

«Эти транспорты должны быть прикрываемы полны-«ми баталіонами, или частями баталіоновъ твердаго со-«става **.

Отъ того же къ тому же.

«*Москва, 24 сентября (6 октября).*

«Увѣдомьте генерала Бараге-Дильера о всѣхъ приня-«тыхъ распоряженіяхъ для образованія 9-го корпуса и

* Lettre du géneral Baraguay-d'Hilliers au M. Berthier. 30 Sept. Viasma.
** Lettre de Napoléon à Berthier. 6 Oct. Moscou.

«о мѣстѣ, гдѣ оному слѣдуетъ находиться. Дайте знать ему, «что я совершенно согласенъ на требованіе его, чтобы «занять сильнымъ отрядомъ Вязьму, сильнымъ отрядомъ «Гжатскъ и сильнымъ отрядомъ Дорогобужъ. Въ слѣд«ствіе чего я приказываю вамъ предписать Гжатскому «комменданту, чтобы онъ не пропускалъ далѣе Гжатска, «и герцогу Абрантскому (Жюно), чтобы онъ не про«пускалъ далѣе Можайска, команды сюда идущія, ра«зумѣется, если войска эти не перешли уже вышеска«занные пункты *.

«Непріятель выказываетъ много казаковъ, которые «безпокоютъ кавалерію.» 25-й бюллетень, 8/20 октя«бря **.

Бертье къ Даву.

«*Вязьма, 21 октября (2 ноября).*

«Необходимо нужно, князь, перемѣнить образъ по«строенія, употребляемый на переходахъ противъ не«пріятеля, обладающаго такимъ множествомъ казаковъ. «Надобно дѣлать переходы такъ, какъ мы дѣлали оные въ «Египтѣ: обозы въ срединѣ и въ столькихъ рядахъ, сколь«ко позволитъ дорога. Полубаталіонъ въ замкѣ и нѣ«сколько баталіоновъ въ одну шерингу по бокамъ обоза, «такъ, чтобы при поворотѣ во фронтъ, огонь былъ от«всюду. Можно позволить, чтобы баталіоны эти нахо«дились одинъ отъ другаго въ нѣкоторомъ разстояніи, «которое тогда должно быть занято нѣкоторымъ чи-

* *Lettre de Napoléon* au M. Berthier. 6 Oct. Moscou.
** *25-me Bulletin. 20* Oct. Noilskoe.

«сломъ орудій. Наблюдать, чтобы ни подъ какимъ пред-«логомъ не было людей отстраняющихся по одиначкѣ «и безъ ружей.» *

От того же къ Нею.

«*Вязьма, 21 октября (2 ноября)*.

«Надо круто обуздать предпріятіе этой канальи ка-«заковъ, и обходиться съ ними, какъ мы обходились «съ Аравитянами въ Египтѣ.» **

«Отъ самаго Малоярославскаго дѣла, авангардъ не «видалъ непріятеля, развѣ однихъ казаковъ, которые, «какъ Аравитяне, рыщутъ на флангахъ и горцуютъ во-«кругъ, чтобы безпокоить.»

......«Съ тѣхъ поръ не видали уже Русской пѣхоты, «а однихъ казаковъ.» 28-й бюллетень, 30 октября (11 но-«бря.)» ***

«Непріятель, видѣвшій на дорогѣ слѣды ужаснаго «злополучія, поражающаго Французскую армію, старал-«ся онымъ воспользоваться. Онъ окружилъ всѣ колон-«ны казаками, которые отхватывали, какъ Аравитяне въ «пустыняхъ, оставшія фуры и повозки.» 29-й бюлле-«тень 21 ноября (3 декабря). ****

* Lettre du M. Berthier à Davoust. 2 Nov. Viasma.
** Lettre du même au Neg. 2 Nov. Viasma.
*** Bulletin 28-me. 11 Nov. Smolensk.
**** 29-me Bulletin. 3 Déc. Molodetchno.

«Офицеры и солдаты много потерпѣли отъ усталости «и голода. Многіе лишились своего имущества отъ по«тери повозочныхъ лошадей; нѣкоторые по причинѣ «засадъ казачьихъ. Казаки захватили великое число «разсѣянныхъ и бродящихъ солдатъ, инженеровъ, ге«неральнаго штаба офицеровъ, снимавшихъ планы мѣ«стоположеній, и раненыхъ офицеровъ, путешествовав«шихъ безъ осторожности.....» 29-й бюллетень большой арміи.

«Генералъ Бараге-Дильеръ командовалъ дивизіею, «составлявшеюся въ Смоленскѣ. Онъ расположилъ вой«ска свои на дорогѣ, идущей изъ Смоленска въ Ельню. «Приближенія по этому направленію Россійской арміи, «долженствовало бы обратить его къ соединенію своей «дивизіи. Онъ этого не сдѣлалъ: 28 октября (9 ноя«бря) трое Русскихъ партизановъ атаковали одну изъ «бригадъ его, которая, не взирая на силу свою, про«стиравшуюся до 1100 человѣкъ пѣхоты и 500 конни«цы, положила оружіе. Остальная часть дивизіи едва «успѣла скрыться въ Смоленскѣ. Партизаны взяли так«же многіе Французскіе депо, изъ коихъ главнѣйшее «было въ Клементѣевѣ *. Большая часть лошадей, упо«требленныхъ для возки фуръ и расположенныхъ на «квартирахъ въ окрестностяхъ Смоленска, но въ даль«немъ разстояніи отъ этого города, попались также «въ руки казакамъ.

«Императоръ объявилъ неудовольствіе свое генералу

* Главный депо находился не въ Клементѣевѣ, а въ Горкахъ; этотъ депо былъ подъ командою маіора Бланкарда и былъ разбитъ на голову и частію взятъ 21 ноября (3 декабря) въ Копысѣ моею партіею.

«Бараге-Дильеру за то, что будучи извѣстенъ о дви-«женіи непріятеля, онъ не собралъ войска свои. Им-«ператоръ лишилъ его команды и сослалъ въ Берлинъ... «Тамъ опредѣлено было судить его.

«Независимо отъ невозвратной потери людей и ло-«шадей, причиненной непредвидѣніемъ генерала Ба-«раге-Дильера, Императору чрезмѣрно прискорбно было «то, что Французскій корпусъ, состоявшій въ 1100 че-«ловѣкъ пѣхоты и 500 конницы, могъ положить ору-«жіе передъ партизанскими отрядами!....

«Генералъ Ожеро съ бригадою своею былъ взятъ «Русскими партизанами: Денисовымъ, Давыдовымъ и «Сеславинымъ*, соединившимися для этого предпріятія.» Гурго, критическій разборъ исторіи 1812 года господина Сегюра **.

Увѣряю, что здѣсь не конецъ документамъ, у меня хранившимся, но опасаясь чрезмѣрнаго распространенія статьи этой, а между тѣмъ поставя себѣ въ обязанность не представлять иныхъ документовъ, кромѣ тѣхъ, кои самъ непріятель обнародовалъ, я не могу уже, къ сожалѣнію моему, упомянуть о тѣхъ партизанскихъ ударахъ, которые, бывъ извѣстными обѣимъ сражавшимся арміямъ, помѣщены были въ однихъ донесеніяхъ и объявленіяхъ князя Кутузова, и потому я не распро-

* Генералъ Гурго умолчалъ о партизанѣ Фигнерѣ и, вмѣсто Денисова, долженъ былъ бы сказать: графомъ Орловымъ-Денисовымъ, ибо фамилія Денисовыхъ, весьма многочисленна на Дону, и потому нельзя узнать, по словамъ господина Гурго, который изъ Денисовыхъ былъ въ этомъ дѣлѣ.

** Examen critique de l'ouvrage de M. de Segur par le gén. Gourgaud.

страняюсь о поискѣ 3/29 октября, при Каменномъ и Плесковѣ въ тылѣ авангарда Французской арміи, въ которомъ партизанъ Фигнеръ взялъ 5 офицеровъ и 360 рядовыхъ, и отбилъ огромный транспортъ съ съѣстными припасами, по деревнямъ собранными.

О поискѣ подъ Быковымъ 10/22 октября, въ которомъ партизанъ Сеславинъ сорвалъ завѣсу, покрывавшую гибельное для насъ движеніе Французской арміи, о которомъ, впрочемъ, я упоминаю въ запискахъ моихъ, какъ объ одномъ изъ рѣшительнѣйшихъ событій этой кампаніи.

О поискѣ у села Шалымова, 12/24 октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ взялъ въ плѣнъ двухъ коммисаровъ и 400 рядовыхъ.

О поискѣ близъ Медыни 13/25 октября, въ которомъ полковникъ Иловайскій разбилъ авангардъ князя Понятовскаго, взялъ 5 орудій, генерала Тышкевича, одного полковника и множество офицеровъ и рядовыхъ.

О вторичномъ поискѣ при Боровской дорогѣ, 14/26 октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ отбилъ 100 фургоновъ съ провіантомъ и снарядами, и взялъ въ плѣнъ около 400 человѣкъ.

О поискѣ при Молодечно, 21 октября (2 ноября), въ которомъ полковникъ Чернышевъ взялъ три эстафеты и отбилъ изъ плѣна генерала Винценгероде и Свѣчина, а съ ними вмѣстѣ маіора Нарышкина и провіантскаго чиновника Полотова.

О поискѣ при Борисовѣ, 16/28 ноября, въ которомъ партизанъ Сеславинъ открылъ сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ, и взялъ въ плѣнъ 3000 рядовыхъ и множество офицеровъ.

Всѣ эти болѣе или менѣе увѣнчанныя успѣхами предпріятія, набѣги и поиски прекратили, во время пребыванія въ Москвѣ Французской арміи, какъ подвозы къ ней съ пищею и съ зарядами, такъ и фуражированіе оной, содѣлали почти невозможнымъ проѣздъ курьерамъ, посылаемымъ въ отдѣльные корпуса въ средину Европы и во Францію, или оттуда ѣдущимъ въ армію, и преградили путь адъютантамъ и разнымъ чиновникамъ, отправляемымъ съ приказаніями въ разныя части арміи. Это рушило согласіе во взаимномъ сихъ частей содѣйствіи; да и самыя общія перемѣщенія арміи, которыхъ удача зависѣла отъ сохраненія оныхъ въ тайнѣ, бывъ открываемы партизанами, встрѣчали неожиданное противодѣйствіе. Примѣры этому при Малоярославцѣ, при Славковѣ и при Смоленскѣ, о которыхъ упоминаю въ Запискахъ моихъ.

Означенные набѣги и поиски неминуемо должны были умножить вредъ, ими наносимый, когда непріятельская армія, оставя крыши, двинулась назадъ путемъ опустошеннымъ и безпріютнымъ, провождаемая голодомъ и холодомъ. Денно и нощно тревожимая партіями, она принуждена была противъ неутомимой наглости ихъ употреблять лишнюю осторожность, изнуряющую войска на привалахъ и ночлегахъ; ибо какъ было знать, особенно въ ночное время, что за толпами казаковъ нѣтъ пѣхоты и артиллеріи, и что пу-

страняюсь о поискѣ, $^{8}/_{20}$ октября, при Каменномъ и Плесковѣ въ тылѣ авангарда Французской арміи, въ которомъ партизанъ Фигнеръ взялъ 5 офицеровъ и 360 рядовыхъ, и отбилъ огромный транспортъ съ съѣстными припасами, по деревнямъ собранными.

О поискѣ подъ Быкосовымъ $^{10}/_{22}$ октября, въ которомъ партизанъ Сеславинъ сорвалъ завѣсу, покрывавшую гибельное для насъ движеніе Французской арміи, о которомъ, впрочемъ, я упоминаю въ запискахъ моихъ, какъ объ одномъ изъ рѣшительнѣйшихъ событій этой кампаніи.

О поискѣ у села Шалымова, $^{12}/_{24}$ октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ взялъ въ плѣнъ двухъ коммисаровъ и 400 рядовыхъ.

О поискѣ близъ Медычи $^{13}/_{25}$ октября, въ которомъ полковникъ Иловайскій разбилъ авангардъ князя Понятовскаго, взялъ 5 орудій, генерала Тышкевича, одного полковника и множество офицеровъ и рядовыхъ.

О вторичномъ поискѣ при Боровской дорогѣ, $^{14}/_{26}$ октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ отбилъ 100 фургоновъ съ провіантомъ и снарядами, и взялъ въ плѣнъ около 400 человѣкъ.

О поискѣ при Молодечно, 21 октября (2 ноября), въ которомъ полковникъ Чернышевъ взялъ три эстафеты и отбилъ изъ плѣна генерала Винценгероде и Свѣчина, а съ ними вмѣстѣ маіора Нарышкина и провіантскаго *чиновника Полотова.*

О поискѣ при Борисовѣ, $^{16}/_{28}$ ноября, въ которомъ партизанъ Сеславинъ открылъ сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ, и взялъ въ плѣнъ 3000 рядовыхъ и множество офицеровъ.

Всѣ эти болѣе или менѣе увѣнчанныя успѣхами предпріятія, набѣги и поиски прекратили, во время пребыванія въ Москвѣ Французской арміи, какъ подвозы къ ней съ пищею и съ зарядами, такъ и фуражированіе оной, содѣлали почти невозможнымъ проѣздъ курьерамъ, посылаемымъ въ отдѣльные корпуса въ средину Европы и во Францію, или оттуда ѣдущимъ въ армію, и преградили путь адъютантамъ и разнымъ чиновникамъ, отправляемымъ съ приказаніями въ разныя части арміи. Это рушило согласіе во взаимномъ сихъ частей содѣйствіи; да и самыя общія перемѣщенія арміи, которыхъ удача зависѣла отъ сохраненія оныхъ въ тайнѣ, бывъ открываемы партизанами, встрѣчали неожиданное противодѣйствіе. Примѣры этому при Малоярославцѣ, при Славковѣ и при Смоленскѣ, о которыхъ упоминаю въ Запискахъ моихъ.

Означенные набѣги и поиски неминуемо должны были умножить вредъ, ими наносимый, когда непріятельская армія, оставя крыши, двинулась назадъ путемъ опустошеннымъ и безпріютнымъ, провождаемая голодомъ и холодомъ. Денно и нощно тревожимая партіями, она принуждена была противъ неутомимой наглости ихъ употреблять лишнюю осторожность, изнуряющую войска на привалахъ и ночлегахъ; ибо какъ было знать, особенно въ ночное время, что за толпами казаковъ нѣтъ пѣхоты и артиллеріи, и что пу-

стая перестрѣлка не обратится въ бой рѣшительный? Сверхъ того неотступный надзоръ, безпрестанныя покушенія, внезапные наскоки на команды отъ колоннъ отстранявшіеся, вселили въ непріятеля опасеніе отлучаться отъ главной массы, для отысканія пищи и пріюта отъ стужи. Основываясь на смѣтѣ, сдѣланной главнымъ Штабомъ Россійской Арміи, мы видимъ, что число плѣнныхъ, взятыхъ партіями, простирается до 15-ти тысячъ рядовыхъ и чиновниковъ. Къ этому прибавить надобно чрезвычайное число фуръ съ провіантомъ и съ одеждою, палубовъ съ зарядами, тысячи паловъ и лошадей строевыхъ и повозочныхъ, и проч.

Послѣ того я спрашиваю всякаго безпристрастнаго человѣка: какое можетъ вселить довѣріе та часть Наполеоновыхъ Записокъ, въ которой раздраженный, какъ кажется, тяжкимъ воспоминаніемъ о прошедшемъ и не менѣе тяжкимъ гнетомъ настоящаго, онъ рѣшился обнародывать, что въ теченіе Московской кампаніи не было непріятеля въ тылу Французской арміи, и что она не лишилась ни одного транспорта провіантскаго и артиллерійскаго, ни одной команды, ни одной эстафеты, ни одного курьера и даже (что свыше всякаго вѣроятія) ни одного бродяги? И кто въ томъ увѣряетъ? Наполеонъ, едва не попавшійся самъ два раза въ плѣнъ казакамъ нашимъ, а извѣстно, что мѣсто полководцовъ не впереди своихъ войскъ, но въ тылу ихъ.

Вотъ первый случай; не я, а неустрашимый и прямодушный генералъ Раппъ, находившійся тогда у стремя Наполеонова, разсказываетъ объ ономъ:

«Наполеонъ кочевалъ въ полу-мили отъ этого мѣста «(отъ Малоярославца). На другой день мы сѣли на ко«ней въ 7½ часовъ, чтобы осмотрѣть мѣсто, на кото«ромъ наканунѣ сражались. Императоръ находился ме«жду герцогомъ Виченскимъ (Коленкуромъ), принцемъ «Невшательскимъ (Бертье) и мною. Едва успѣли мы «оставить шалаши, гдѣ провели ночь, какъ примѣтили «тучи казаковъ. Они выѣзжали изъ лѣса, находивша«гося впереди насъ на лѣвой сторонѣ. Такъ какъ они «были порядочно построены, то мы приняли ихъ за «Французскую кавалерію.

«Герцогъ Виченскій первый догадался. «Государь! «это казаки!» — Не можетъ быть — отвѣчалъ Наполе«онъ. — Они уже скакали на насъ съ ужаснымъ кри«комъ. Я схватилъ лошадь его за узду и поворотилъ «ее самъ собою. «Да это наши!» — Это казаки, не мед«лите! — «Точно они» — сказалъ Бертье. «Безъ малѣй«шаго сомнѣнія,» прибавилъ Мутонъ. Наполеонъ далъ «нѣсколько повелѣній и отъѣхалъ. Я двинулся впередъ «съ конвойнымъ эскадрономъ; насъ опрокинули; ло«шадь моя получила ударъ пикою въ шесть пальцовъ «глубины и повалилась на меня; мы были затоптаны «этими варварами. Къ счастію, они примѣтили артил«лерійскій паркъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ «и на него бросились. Маршалъ Бессьеръ имѣлъ время «прибыть съ конногвардейскими гренадерами.... *

О томъ же дѣлѣ сказано въ бюллетенѣ такъ:

* Mémoires du général Rapp, pàg. 226 et 227.

«Императоръ перенесъ главную квартиру свою въ «деревню Городню. Въ семь часовъ утра, шесть тысячь «казаковъ, прокравшіеся въ лѣса, произвели общее «*ура* въ тылъ позиціи и взяли шесть орудій, въ паркѣ «стоявшія. Герцогъ Истрійскій (Бессьеръ) двинулся въ «скачь со всею гвардейскою кавалеріею. Онъ осыпалъ «сабельными ударами орду эту, опрокинулъ ее, втоп«талъ въ рѣку, возвратилъ взятую артиллерію и от«билъ нѣсколько фуръ, принадлежащихъ непріятелю. «600 казаковъ убито, ранено и взято въ плѣнъ, 30 гвар«дейцовъ ранено и три убито. Подъ дивизіоннымъ генера«ломъ Раппомъ убита лошадь. Неустрашимость, столько «разъ оказанная этимъ генераломъ, является во всѣхъ «случаяхъ».....

«Драгунскій маіоръ Леторъ отличился. Въ 8 часовъ «все вошло въ порядокъ.» *

Это дѣло, называемое во Французской арміи le houra de l'Empereur (Императорское *ура*) случилось на другой день послѣ Малоярославскаго сраженія. До разсвѣта Платовъ отрядилъ часть своего летучаго корпуса съ генераломъ Иловайскимъ за рѣку Лужу, нѣсколько верстъ выше Малоярославца съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, сражавшимся на-канунѣ предъ этимъ городомъ и стоявшимъ еще на полѣ сраженія. Иловайскій ударилъ на артиллерійскій паркъ, который состоялъ въ 40 орудіяхъ и кочевалъ на Боровской дорогѣ, во время проѣзда Наполеона изъ города Городни въ Малоярославецъ, къ войскамъ Вице-

* *27-me bulletin. 27 Oct. Wereia.*

Короля Италійскаго. Казаки бросились частію на паркъ, а частію на Наполеона и конвой его. Если бы они знали, за кого они, такъ сказать, рукой хватались, то конечно не промѣняли бы эту добычу на 11 орудій, отбитыхъ ими изъ парка и которые, не взирая на слова Раппа и 27-го бюллетеня, остались въ ихъ власти и никогда не были отбиты обратно Французскою кавалеріею. По истинѣ кавалерія эта преслѣдовала казаковъ, но въ то время, когда сами они уже почувствовали необходимость возвратиться къ главнымъ своимъ силамъ. Преслѣдованіе за ними продолжалось до рѣки, которую они перешли въ бродъ, вмѣстѣ съ отбитыми ими пушками, и огонь изъ двѣнадцати орудій Донской конной артиллеріи, открытый Платовымъ съ праваго берега Лужи, разомъ остановилъ стремленіе непріятельской кавалеріи. Она отступила безъ преслѣдованія.

Не менѣе ложно показаніе бюллетеня какъ о числѣ людей, у насъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, такъ и объ отбитіи у казаковъ обозовъ. У партизановъ и казаковъ нѣтъ другихъ повозокъ, кромѣ тѣхъ, которыя отхватываютъ у непріятеля, да и этими повозками они не иначе пользуются, какъ для дальныхъ предпріятій, а не въ набѣгахъ, продолжающихся нѣсколько часовъ. Обыкновенно ихъ обозы состоятъ въ вьючныхъ лошадяхъ, которыя въ совокупности называются *кошами*.

Вотъ другой случай:

Партизанъ Сеславенъ занялъ съ боя мѣстечко Збрежъ, въ которомъ взялъ генерала Доржанса и 11

штабъ и оберъ-офицеровъ. «23 октября (4 ноября) На-«полеонъ, оставя Молодечно въ 9 часовъ утра, перенесъ «главную квартиру въ Бьеницу. Лаузонъ долженъ былъ «прибыть въ Ошмяны на другой день; а такъ какъ «Сморгоны и Молодечно были заняты войсками, то «пользуясь безопасностію пути сообщенія, Наполеонъ «рѣшился оставить армію и приступилъ въ тайнѣ къ «исполненію своего намѣренія. 24 октября (5 ноября) «въ 8 часовъ утра, онъ оставилъ Бьеницу и пріѣхалъ «къ Сморгони въ часъ по полудни. Тамъ окончательно «приготовясь къ отъѣзду, онъ собралъ генераловъ: Мю-«рата, Евгенія, Бертье, Нея, Даву, Лефебра, Мортье и «Бессьера, объявилъ имъ, что оставляетъ армію и ѣдетъ «въ Парижъ, гдѣ присутствіе его необходимо. Сдалъ «начальство Мюрату, и въ 7 часовъ вечера отправился «въ путь въ обыкновенной своей каретѣ, за которой «ѣхали сани. Онъ взялъ съ собою только генераловъ «Коленкура, Дюрока и Мутона. Первый сидѣлъ съ нимъ «въ каретѣ, два послѣдніе въ саняхъ; на козлахъ си-«дѣли мамелюкъ и ротмистръ Польскихъ гвардейскихъ «уланов, который долженъ былъ служить за пере-«водчика *. Онъ ѣхалъ тайно подъ именемъ герцога «Виченскаго, и полагая, что путь ни кѣмъ не угрожа-«емъ, взялъ въ прикрытіе одинъ слабый конвой Неа-«политанской кавалеріи.

«Лаузонъ только что прибылъ въ Ошмяны послѣ «полудня и по причинѣ жестокой стужи, размѣстилъ «войско свое по домамъ. Русскій полковникъ Сеславенъ, «шедшій также на Ошмяны, но боковыми путями, ле-

* *Духинъ-Воясовичъ.*

«жащими на лѣвой сторонѣ большой дороги, прибылъ «въ сумерки предъ это же мѣстечко съ гусарскимъ «полкомъ, казаками и орудіями. Не зная, что мѣстечко «занимаемо пѣхотною дивизіею, онъ ворвался въ него «съ кавалеріею, но немедленно принужденъ былъ оное «оставить. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, «онъ расположился на бивуакахъ въ маломъ разстояніи «отъ дороги. Наполеонъ благополучно доѣхалъ до Ош-«мянъ, но легко однако могъ попасть въ руки Сесла-«вена, что несомнѣнно случилось бы, еслибъ партизанъ «этотъ зналъ о его проѣздѣ *.

Дѣло это произошло такъ:

Одинъ часъ предъ въѣздомъ въ Ошмяны Наполеона, Сеславенъ не зная и бывъ въ невозможности знать объ этомъ обстоятельствѣ, но только искавшій непріятеля и кипящій желаніемъ сразиться гдѣ бы и съ кѣмъ бы то ни было, ворвался въ Ошмяны съ Ахтырскими гусарами и съ казаками въ одно время, какъ орудія его открыли огонь по магазейну, находившемуся въ мѣстечкѣ; главный караулъ, стоявшій у квартиры, приготовленной для Наполеона, былъ изрубленъ и магазейнъ объялся пламенемъ. Французскія войска, разсѣянныя по домамъ отъ стужи, стали выбѣгать къ ружью, смущенныя и въ безпорядкѣ, который умножаемъ былъ мракомъ вечера. Нѣкоторыя войска, объятыя страхомъ, побѣжали по дорогѣ къ Табаришкамъ, но другіе, находившіеся внѣ мѣстечка, бросились въ оное и открыли со всѣхъ сторонъ огонь по Сеславену. Не

* Chambray, Histoire de l'expedition en Russie, Tom. III.

нiя пѣхоты, онъ отвѣчалъ имъ саблями и дротиками; но видя, что борьба не подъ силу, принужденъ былъ оставить мѣстечко. Въ эту минуту Наполеонъ въѣхалъ въ Ошмяны, и перемѣня лошадей, отправился чрезъ Медники въ Вильну, а оттуда во Францію.

Будь атака однимъ часомъ позже, то Наполеонъ не избѣгъ бы плѣна. Конечно, подобная развязка была бы противъ правилъ драматическаго искуства и выгодъ Парижскихъ ресторатороьъ, красавицъ Пале-ройяля и нашихъ вооруженныхъ путешественниковъ, совершившихъ на чужой счетъ столь неожиданное путешествіе, за то какая слава для Русскихъ! все кончили бы дома... и безъ чужеземцевъ!

Сеславенъ не виноватъ, ибо успѣхъ въ подобномъ случаѣ зависитъ отъ судьбы, а не отъ расчетовъ человѣческихъ.

Не мнѣ упрекать можно въ томъ, чтобы я уступилъ кому-либо во враждѣ къ посягателю на независимость и честь моей родины; не въ той враждѣ, которая шипитъ и прячется, но въ той, которая молча хватаетъ за горло. Товарищи мои помнятъ, если неудачи, то по крайней мѣрѣ усилія мои, всѣ клонившіяся ко вреду непріятеля въ теченіи войнъ отечественной и заграничной, но они помнятъ также и удивленіе и восторги мои, подвигами Наполеона возбужденные и уваженіе къ войскамъ его, которое я питалъ въ душѣ моей среди борьбы военной. Солдатъ, я и съ оружіемъ въ рукахъ отдавалъ справедливость первому солдату вѣковъ и

міра; я любовался, я обворожаемъ былъ храбростію, какою одеждою она ни была облекаема, въ какихъ рядахъ она ни ознаменовывалась, и Багратіоново *браво*, вырвавшееся въ похвалу непріятеля среди самаго пыла Бородинской битвы, отозвалось въ душѣ моей, но ее не удивило *. Такъ чувствовалъ я, когда сердце мое билось подъ гусарскимъ ментикомъ, такъ я чувствую за плугомъ и въ мирномъ кабинетѣ. Нѣтъ, не ненависть, но любовь къ истинѣ водили перомъ моимъ; впрочемъ, я не сочинялъ, а подводилъ статьи, противурѣчащія нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ запискахъ Наполеона, писанныхъ на память, наскоро и безъ документовъ. Читатель рѣшитъ, на чьей сторонѣ правда; но во всякомъ случаѣ онъ, конечно, отдастъ мнѣ справедливость въ томъ, что Русскій, я не забылъ приличія и вѣжливости въ выраженіяхъ, опровергая сказанія того, чья память безстыдно тревожима нѣкоторыми соотечественниками его, сослуживцами и даже людьми, имъ облагодѣтельствованными.

=

* Извѣстно, что у князя Багратіона за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, какъ онъ получилъ смертельную рану, изъ души, такъ сказать, вырвалось громкое *браво* 57-му линейному Французскому полку, первому изъ полковъ Давустова корпуса, который вскочилъ на флеши, расположенныя предъ Семеновскимъ и самимъ княземъ Багратіономъ защищаемыя.

МОРОЗЪ ЛИ ИСТРЕБИЛЪ

ФРАНЦУЗСКУЮ АРМІЮ ВЪ 1812 ГОДУ?

—

(Посвящается графу Карлу Ѳедоровичу Толю.)

—

Два ошибба потрясли до основанія власть и господствованіе Наполеона, казавшіяся неколебимыми. Ошибы эти произведены были двумя народами, обитающими на двухъ оконечностяхъ завоеванной и порабощенной имъ Европы, — Испаніею и Россіею.

Первая, противуставшая Французскому ополченію одинокому, безъ союзниковъ и безъ Наполеона, сотрясла налагаемое на нее иго, при помощи огромныхъ денежныхъ капиталовъ и многочисленной арміи союзной съ нею Англіи. Послѣдняя, принявшая на свой щитъ удары того же Французскаго ополченія, но усиленнаго возставшимъ на нее всѣмъ Европейскимъ войскомъ,

которымъ предводительствовалъ и управлялъ самъ Наполеонъ, достигла того же предмета безъ всякихъ иныхъ союзниковъ, кромѣ оскорбленной народной гордости и пламенной любви къ отечеству.

Однако жъ, всѣ уста, всѣ журналы, всѣ историческія произведенія эпохи нашей, превознесли и не перестаютъ превозносить самоотверженіе и великодушное усиліе Испанской націи, а о подобномъ самоотверженіи, о подобномъ же усиліи Русскаго народа ни сколько не упоминаютъ, и въ добавокъ поглощаютъ ихъ разглашеніемъ, будто всѣ удачи произошли отъ одной суровости зимняго времени, неожиданнаго и наступившаго въ необыкновенный срокъ года.

Двадцать два года продолжается это разглашеніе между современниками, и двадцать два года производится передача его потомству посредствомъ книгопечатанія. Всѣ враги Россіи, всѣ союзники Франціи, впослѣдствіи предательски на нее возставшіе, но, въ неудачномъ вмѣстѣ съ нею покушеніи противъ насъ, вмѣстѣ съ нею же раздѣлившіе и стыдъ неудачнаго покушенія, неутомимо хлопотали и хлопочутъ о разсѣваніи и укорененіи въ общемъ понятіи этой мнимой причины торжества нашего.

Должно однако замѣтить, что не въ Германіи, а во Франціи возникъ первый зародышъ этого нелѣпаго разглашенія, — и не могло быть иначе. Надутая двадцатилѣтними побѣдами, завоеваніями и владычествомъ надъ Европейскими государствами, могла ли Франція простить тому изъ нихъ, которое безъ малѣйшей посторонней помощи и въ такое короткое время отстояло

независимость свою не только отбитіемъ отъ себя, но и поглощеніемъ въ нѣдрахъ своихъ, всей Европейской армады, принадлежавшей ей, ополчившейся съ нею, и предводительствуемой величайшимъ геніемъ вѣковъ и міра? Націи ли этой, исполненной самолюбія и самохвальства, преслѣдуемой порицаніями и, что еще чувствительнѣе, каррикатурами и насмѣшками, болѣе всего для нея несносными, — ей ли можно было признаться въ истинной причинѣ несостоятельности своей въ обѣщаніяхъ славы и добычи увлеченнымъ ею государствамъ? И когда? Когда обладая монополіею Словесности, проникающей во всѣ четыре части свѣта, завоеванныя ея нарѣчіемъ, которое справедливо почитается общимъ нарѣчіемъ нашего вѣка, она, болѣе другихъ народовъ, могла ввести въ заблужденіе и современниковъ и потомство на-счетъ приключенія, столь жестоко омрачившаго честь ея оружія, столь насильственно прогнавшаго призракъ ея непобѣдимости! Будемъ справедливы: какая нація рѣшилась бы на пожертвованіе такого преимущества? Какая нація, напротивъ, не поддержала бы, посредствомъ его, и кредита своего въ общемъ мнѣніи, и славы своего оружія, потрясенныхъ столь неожиданнымъ злополучіемъ? Франція не пренебрегла этого преимущества, и похвально сдѣлала: священнѣйшій долгъ всякаго народа дорожить своимъ достоинствомъ, спасать и защищать всѣми мѣрами и всѣми средствами это нравственное бытіе свое, неразрывно сопряженное съ его бытіемъ вещественнымъ. Но похвально ли для нѣкоторыхъ изъ насъ, еще болѣе для тѣхъ изъ насъ, Русскихъ, которые были свидѣтелями, *даже* дѣйствовавшими лицами на этомъ великолѣпномъ *позорищѣ*, и которые знаютъ истинную причину ги-

бели нахлынувшихъ на насъ полчищъ,— похвально ли повторять чужой вымыселъ, для того только, чтобъ не отстать отъ моднаго мнѣнія, какъ не отстаютъ они отъ покроя фраковъ или повязки галстуховъ, изобрѣтенныхъ и носимыхъ въ Парижѣ? И пусть бы разглашали это городскіе господчики или маменькины сынки, которымъ извѣстенъ огонь однѣхъ восковыхъ свѣчь и кенкетовъ, да запахъ пороху только на фейерверкахъ. Словамъ, произносимымъ подобными устами, награда извѣстна. Но грустно слышать эти же слова отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ знакомы и чугунъ, и свинецъ, и желѣзное остріе, какъ хлѣбъ насущный. Грустно слышать, какъ тѣ, которыхъ я самъ видѣлъ подвергавшихъ опасности и покой, и здоровье, и жизнь свою на войнѣ отечественной, теперь приписываютъ лавры ея одной и той же причинѣ съ врагами, противъ которыхъ они такъ неустрашимо, такъ ревностно тогда подвизались; какъ въ угожденіе имъ, они жертвуютъ нынче и собственными трудами, и подвигами, и ранами, и торжествомъ, и славою Россіи, — какъ-будто ничего этого никогда не бывало!

Вооруженный неоспоримыми документами, я опровергъ въ особой статьи * ложное показаніе Наполеона, будто «въ кампаніи 1812 года легкія войска наши не нанесли ни малѣйшаго вреда его арміи.» Теперь приступлю къ другому вопросу, — къ опроверженію того, будто «армія Наполеона погибла единственно отъ стужи, настигшей неожиданно и въ необыкновенное

* См. Разборъ трехъ статей, и пр.

«время года», а не отъ другихъ обстоятельствъ; будто она погибла —

I. Не отъ искуснаго занятія нашей арміею Тарутинской позиціи, прикрывавшей хлѣбороднѣйшія губерніи, и въ то же время угрожавшей единственному пути непріятельскаго сообщенія; позиціи, на которой князь Кутузовъ обѣщаніемъ мира успѣлъ усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно ему было для возрожденія нашей арміи;

II. Не отъ заслоненія Калужскаго пути при Малоярославцѣ, — чѣмъ принудилъ онъ Наполеона обратиться на Смоленскій путь, опустошенный и безпріютный;

III. Не отъ фланговаго марша нашей арміи отъ Тарутина до Березины, прикрывавшаго, подобно Тарутинской позиціи, всѣ жизненные и боевые наши подвозы, которые шли къ намъ изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожавшаго заслонить единственную отступательную черту, невольно избранную непріятелемъ, какъ скоро бы онъ малѣйше на ней замедлилъ;

IV. Не отъ усилій, трудовъ и храбрости нашихъ войскъ, разстроившихъ ея единство при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ;

V. Не отъ чудеснаго соединенія почти въ опредѣленный день у Борисова на Березинѣ трехъ армій, пришедшихъ одна изъ-подъ Москвы, другая изъ

Финляндіи и отъ Пскова, третья изъ Молдавіи и Волыніи;

VI. Не отъ истребленія подвозовъ и фуражировъ, отъ изнуренія ежечасными денными и ночными тревогами и наѣздами нашихъ партій, которыя тѣснили ее какъ въ ящикѣ отъ Москвы до Нѣмана, и не позволяли ни одному непріятельскому солдату на шагъ отлучаться отъ большой дороги, для отысканія себѣ пищи или убѣжища отъ стужи;

VII. И наконецъ будто она погибла не отъ неусыпнаго надзора надъ нею тѣхъ же партій, отчего каждое движеніе каждой ея части было тотчасъ извѣстно главнокомандующему и встрѣчало противодѣйствіе.

Я уже изложилъ въ «Опытѣ партизанскаго дѣйствія» мнѣніе мое на этотъ счетъ: здѣсь представлю мнѣніе иностранныхъ писателей, охладенное временемъ и слѣдственно нѣсколько уже очищенное отъ того отвратительнаго пристрастія, которымъ ознаменованы всѣ произведенія ихъ, касающіяся до военныхъ подвиговъ Французской арміи.

Начнемъ съ г-на Коха *. Онъ говоритъ:

«Вообще точность замѣчаній генерала Гурго достойна «похвалъ; но пристрастіе къ Наполеону увлекаетъ его «къ защитѣ мнѣній, совершенно ложныхъ. Таково,

* Examen critique de l'histoire de Napoléon et de la grande armée par le comte de Ségur et de la critique qu'en a faite le général Gourgaud.

«напримѣръ, увѣреніе его, что одна стужа причиною «злополучія Французской арміи. Во время похода отъ «Смоленска до Орши, стужа во всѣ четыре дня была «слабѣе, нежели въ 1795 году, когда сѣверная армія «перешла по льду Вааль и овладѣла Голландскимъ фло-«томъ въ Зюйдерзе; слабѣе, нежели въ 1807 году, ко-«гда огромныя толпы конницы неоднократными наско-«ками сшибались на покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ озе-«рахъ. Слѣдственно, если по собственному расчету ге-«нерала Гурго Французская армія состояла только въ «сорока пяти тысячахъ дѣйствовавшаго войска по при-«бытіи ея на берега Березины, должно искать иныхъ «причинъ ея уменьшенію. Онѣ, какъ кажется, состоятъ «въ недостаткѣ распорядительности относительно про-«довольствія.»

Но тотъ самый Гурго, на котораго возстаетъ г. Кохъ за то, что онъ всѣ бѣдствія Французской арміи приписываетъ одной стужѣ, самъ себѣ противорѣчитъ, говоря слѣдующее * :

«Въ это время, 22 октября (3 ноября н. ст., то есть «на обратномъ пути около Вязьмы), Французская армія «не была еще въ томъ безпорядкѣ и развратномъ по-«ложеніи, въ какомъ Французскій историкъ старается «показать ее..... До 25 октября, (то есть, на обратномъ «пути около Дорогобужа) погода была хорошая и сту-«жа гораздо умѣреннѣе той, которую мы переносили «во время кампаніи въ Пруссіи и въ Польшѣ въ 1807

* Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Ségur, par le général Gourgaud.

«году, и даже въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ, «въ теченіе зимней кампаніи 1808 года, подъ предво-«дительствомъ самого императора..... Октября 25, (на «обратномъ пути около Дорогобужа) корпуса арміи «еще находились въ устройствѣ, были составлены изъ «дивизій, бригадъ и полковъ, хотя уронъ, понесенный «имъ въ походѣ, много убавилъ числительную силу «ихъ......

«Господинъ придворный чиновникъ (графъ Сегюръ) «ошибается еще и въ томъ, будто бы въ Оршѣ безпо-«рядокъ въ арміи умножился: напротивъ, найденные «въ Оршѣ запасы розданы были войскамъ, а оттепель «послѣ сильныхъ морозовъ, сдѣлала биваки сносными... «Что касается до сильной стужи, то мѣру ея опредѣ-«лить можно тѣмъ, что Березина не была еще покрыта «льдомъ во время переправы черезъ нее.....»

Господинъ Шамбре представляетъ намъ слѣдующія измѣненія термометра * :

«Октября 15, с. ст., *четыре* градуса стужи.» Это было на обратномъ пути отъ Малоярославца.

«Октября 23, снѣгъ, слѣдственно стужа умѣренная.» Это было на обратномъ пути изъ Вязьмы.

«Октября 24, снѣгъ продолжается.» Это было на обратномъ пути между Вязьмою и Дорогобужемъ.

* Histoire de l'expédition de Russie, par M** (Chambray). Tome III.

«Октября 25, снѣгъ сильнѣе съ вѣтромъ, слѣдствен-«но немного холоднѣе, чѣмъ наканунѣ.» Это было тамъ «же, и около Дорогобужа.

«Октября 28, *двѣнадцать* градусовъ стужи.» Это было на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ.

«Октября 31 и ноября 1, *семнадцать* градусовъ стужи.» Это было на обратномъ пути въ Смоленскъ.

«Ноября 2, стужа гораздо слабѣе.» Это было на обратномъ пути по выступленіи изъ Смоленска къ Красному.

«Ноября 6, оттепель.» Это было на обратномъ пути между Краснымъ и Оршею.

«Ноября 12, оттепель прекращается.» Это было на обратномъ пути между Оршею и Борисовымъ.

Онъ же продолжаетъ:

«Не одна стужа разстроила и истребила Француз-«скую армію, потому что второй и девятый корпусы «сохранили совершенный порядокъ, не взирая на пре-«терпѣніе такой же стужи, какъ и главная армія. Сту-«жа сухая и умѣренная, сопровождавшая войска отъ «Москвы до перваго снѣга, была болѣе полезна, нежели «гибельна. Главныя причины злополучія, постигшія «нашу армію, были, во-первыхъ, голодъ, потомъ без-«прерывные переходы и кочевья, и наконецъ уже стужа,

«когда она достигла до чрезвычайности или когда была «сопряжена со снѣгомъ. Что касается до лошадей, то «сытыми онѣ весьма легко переносятъ стужу, сколь «она ни жестока. Онѣ погибли не отъ нея, а отъ го-«лоду и усталости....»

«Я уже сказалъ, и еще повторяю,— сытыя лошади «переносятъ кочевье безъ затрудненія, какъ бы стужа «ни была чрезмѣрна. И такъ не стужа погубила лоша-«дей Французской арміи, и ихъ не пало до тридцати «тысячъ въ одну ночь, какъ сказано въ одномъ изъ «бюллетеней....... Самая жестокая стужа продолжалась «отъ 28 октября до 1 ноября с. ст., то есть, на обрат-«номъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ.

Самъ Наполеонъ говоритъ *: «Еще три дня хорошей «погоды, и армія совершила бы въ устройствѣ отсту-«пленіе свое.»

Генералъ Жомини въ послѣднемъ своемъ сочиненіи** заставляетъ говорить Наполеона: «Главныя причины «неудачнаго предпріятія на Россію относили къ ранней «и чрезмѣрной стужѣ; всѣ мои приверженцы повторя-«ли эти слова до пресыщенія. Это совершенно ложно. «Какъ подумать, чтобы я не зналъ о срокѣ этого еже-«годнаго явленія въ Россіи.... Не только зима не на-«ступила ранѣе обыкновеннаго, но приходъ ея 26 ок-«тября с. ст. былъ позже, нежели какъ это ежегодно

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon; publiés par Montholon. T. II. pag. 113.

** Vie politique et militaire de Napoléon, etc., Tome IV.

«случается. Стужа не была чрезмѣрна, потому что до «Краснаго она измѣнялась отъ трехъ до осьми градусовъ, а 8 ноября наступила оттепель, которая продолжалась до самаго прибытія нашего къ берегамъ «Березины: одинъ только день пѣхота могла переходить по льду черезъ Днѣпръ, и то до вечера. Вечеромъ оттепель снова повредила переправу.

«Стужа эта не превышала стужи Эйлауской кампаніи: въ послѣдней, громады конницы носились по «озерамъ, покрытымъ льдомъ, и въ эту эпоху рѣка «была такъ сильно имъ схвачена, что могла бы поднять цѣлую армію съ артиллеріею. Но при Эйлау «армія моя не разстроилась потому, что была въ краѣ «изобильномъ, и что я могъ удовлетворять всѣмъ ея «нуждамъ. Совсѣмъ противное произошло въ 1812 году: «недостатокъ въ пищѣ и во всемъ необходимомъ произвелъ разбродъ войска; многочисленныя колонны «наши обратились въ буйную сволочь, въ которой солдаты разныхъ полковъ были чужды одинъ другому. «Чтобы собраться и распутаться, намъ надлежало остановиться дней на восемь въ укрѣпленномъ лагерѣ, «снабженномъ огромными магазинами.

«Въ Смоленскѣ этого нельзя было сдѣлать, и мы «должны были погибнуть, потому что оттуда до Вислы не было уже мѣста, довольно безопаснаго для пристанища, а у Вислы армія уже не существовала...... «Я прибылъ въ Смоленскъ 28 октября с. ст. Вся армія собралась 1 ноября: она во всемъ нуждалась. Спѣша къ Смоленску, какъ къ землѣ обѣтованной, какъ «къ предѣлу своего злополучія, и что она обрѣла тамъ?

«Обрушенные домы, заваленные больными, умпраю-«щими, и пустые магазины! Двухмѣсячное пребываніе «корпуса маршала Виктора вокругъ города, гарнизонъ, «пятнадцать тысячъ больныхъ и раненыхъ, и прохо-«дившія команды издерживали въ сутки по 60,000 ра-«ціоновъ.

«Армія вступила въ Смоленскъ толпами и непохожая «на себя: *трехдневная вовсе не чрезвычайная стужа* «достаточна была, чтобы ее частію разстроить.»

Въ примѣчаніи сказано: «Стужа во время кампаніи «въ Голландіи въ 1795 году и въ Эйлаускую кампанію «въ 1807 году была сильнѣе той, которая продолжа-«лась отъ Москвы до Березины. Но въ этихъ двухъ «кампаніяхъ войска получали пищу, вино и водку, и «не каждыя сутки, какъ въ послѣдней кампаніи, коче-«вали голодными съ увѣренностью, что завтра будетъ «хуже.

«Такъ какъ уже извѣстно, что стужа до Березины «была умѣреннѣе, а при всемъ томъ, по прибытіи къ «берегамъ этой рѣки у насъ осталось не болѣе пяти-«десяти тысячъ человѣкъ изъ трехъ сотъ тысячъ, ко-«торыя я привелъ на берега Двины и въ Москву, то «должны быть другія причины столь ужасному зло-«получію.

«Не въ пользу мою дѣйствуютъ тѣ, которые поро-«чатъ моихъ противниковъ и унижаютъ ихъ подвиги. «Они вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ и мою славу, и славу «Французской арміи, состоящую въ преодолѣніи пре-

«градъ неожиданныхъ. Какъ бы то ни было, никто «не похититъ у Русскихъ того, что, не взирая на раз«рывъ ихъ линіи при первомъ шагѣ моего вторженія, «они умѣли избѣгнуть пораженія и отступить тысячу «двѣсти верстъ, сохранивъ всѣ тяжести и не оставивъ «намъ ни одной трофеи. Еслибъ мы творили одни чу«деса, а непріятели наши однѣ ошибки, то какъ Бар«клай и Багратіонъ, выступившіе одинъ изъ Дриссы, «другой изъ Слонима, и отдѣленные одинъ отъ другаго «тремя стами тысячами моего войска,— какъ могли бы «они соединиться наперекоръ моему старанію не давать «имъ соединяться? Какъ Витгенштейнъ, начальствовав«шій корпусомъ вполовину малочисленнѣе трехъ корпу«совъ, дѣйствовавшихъ противъ него, могъ бы сохра«нить угрожательную осанку въ теченіе всей кампаніи? «Не менѣе сверхестественно было бы и то, чтобъ, при «непрестанныхъ промахахъ, армія, разстроенная подъ «Бородинымъ, могла явиться въ назначенный часъ подъ «Краснымъ, и схватиться грудь съ грудью съ нашею «арміею, какъ это случилось. Наконецъ, могъ ли не«пріятель, если бы онъ не обладалъ ни военными ка«чествами, ни дарованіями, и при началѣ кампаніи раз«дѣленный и раздробленный на части, — могъ ли бы «онъ сообразить и исполнить наступательное соединеніе «обѣихъ крылъ и середины арміи своей при Березинѣ, «и къ самой рѣшительной эпохѣ привести изъ Фин«ляндіи и отъ Прута войска, долженствовавшія оспо«ривать намъ переправу?

«Безъ сомнѣнія, ему вспомоществовали обстоятель«ства, а противъ меня возстало все то, что ему благо«пріятствовало; но надо быть черезмѣру ненавистли-

«вымъ, черезмѣру несправедливымъ, чтобы порицать то, «что достойно похвалъ и подражанія.

«Конечно, Русскіе дѣйствовали не безъ ошибокъ. Глав-«нѣйшія суть: начальное размѣщеніе силъ на границѣ, «направленіе къ Дриссѣ, и образъ отступленія отъ Смо-«ленска; дознано также, что Кутузовъ могъ бы сдѣлать «болѣе того, что онъ сдѣлалъ, и будь я на его мѣстѣ, «я бъ вѣрно не упустилъ случая истребить армію, воз-«вращавшуюся изъ Москвы; но, несмотря на излиш-«нюю его осторожность, должно признаться, что онъ «далъ искусное направленіе движеніямъ своей арміи....

«Смѣшно увѣрять, будто Русскіе совершенно были «чужды въ нашемъ злополучіи: правда, злополучію «этому причиною не генеральныя сраженія, выигран-«ныя у насъ нашими противниками, — но какъ не со-«гласиться въ томъ, что ему способствовали пламенное «рвеніе арміи, правительства, народа и генераловъ, «ознаменованное особенно во второй части кампаніи? «Высокопарныя ругательства могутъ имѣть временное «вліяніе на чернь и людей немыслящихъ: истина го-«сподствуетъ надъ вѣками!»

Заключимъ выписки эти извлеченіемъ изъ извѣстнаго сочиненія сиръ Вальтера Скотта *:

«Причины такого ужаснаго событія были въ лож-«ныхъ расчетахъ, которые зародились при первыхъ мы-«сляхъ объ этомъ предпріятіи и сдѣлались очевидными

* Vie de Napoléon Bonaparte, par Sir Walter Scott. Tome IV.

«при первомъ шагѣ къ приведенію ихъ въ дѣйствіе. «Мы знаемъ, что такой способъ смотрѣть на предметъ «не во вкусѣ обожателей Наполеона. Вѣря безусловно «словамъ, которыя самъ онъ разсѣялъ, они считаютъ, «что ихъ герой ничѣмъ не могъ быть побѣжденъ, раз«вѣ однѣми только стихіями. Объ этомъ объявлено и «въ двадцать девятомъ бюллетенѣ: «До 25 октября с. «ст., говорятъ тамъ, успѣхи его *были одинаковы, но «выпавшій тогда снѣгъ въ шесть дней разстроилъ духъ «его арміи*, отнялъ мужество у солдатъ его и ободривъ «презрительныхъ казаковъ, лишилъ Французовъ артил«леріи, фуража и кавалеріи, и повергъ ихъ, хотя Рус«скіе мало тому способствовали, въ то жалкое положе«ніе, въ какомъ они вступили въ Польшу. Наполеонъ «никогда не выходилъ изъ этого увѣренія, и оно — «одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, отъ которыхъ восторжен«ные его обожатели отступаютъ съ крайнимъ нехотѣ«ніемъ. Но прежде, нежели согласишься съ ихъ мнѣ«ніемъ, надобно рѣшить три вопроса: 1. Обыкновенное «паденіе снѣга, или походъ черезъ страну, покрытую «снѣгомъ, должны ли непремѣнно сами по себѣ причи«нить всѣ тѣ бѣдствія, которыя Французы имъ припи«сываютъ? 2. Возможность такого происшествія не дол«жна ли была входить въ расчеты Наполеона? 3. Па«деніе ли снѣга, какъ бы впрочемъ оно чрезмѣрно ни «было, причиною разстройства арміи Бонапарте, или, «не дѣйствіе ли климата благопріятствовало скорѣйше«му развитію многихъ другихъ причинъ ея гибели, — «причинъ, неразлучныхъ съ этимъ походомъ при са«момъ его зарожденіи и уже дѣйствовавшихъ прежде «жестокости зимы?

«Безполезно распространяться на счетъ перваго во-
«проса. Паденіе снѣга, сопровождаемое сильнымъ моро-
«зомъ, недостаточно само собою для того, чтобы раз-
«рушить до основанія отступающую армію. Безъ со-
«мнѣнія, въ этомъ случаѣ солдаты самые слабые должны
«погибнуть; но цѣлой арміи удобнѣе производить дви-
«женія зимою, нежели въ дождливую погоду.»

Тутъ знаменитый авторъ представляетъ нѣкоторыя удобности для военнаго дѣйствія зимою, вознаграждающія до нѣкоторой степени нужды, причиняемыя суровостію времени.

«Перейдемъ ко второму вопросу. Если морозъ и снѣгъ
«въ Россіи суть бѣдствія непреодолимыя, властныя
«уничтожать цѣлыя арміи, то какъ же эти обстоятель-
«ства не вошли въ расчеты генерала, столь знаменита-
«го, замыслившаго предпріятіе столь огромное? Развѣ
«въ Россіи никогда нейдетъ снѣгъ? Развѣ морозы въ
«ноябрѣ мѣсяцѣ тамъ рѣдкое явленіе? Говорятъ, что
«морозы начались ранѣе обыкновеннаго: мы увѣрены,
«что это оправданіе не имѣетъ ни какого основанія; но
«во всякомъ случаѣ величайшее безразсудство подвергать
«сохраненіе и цѣлость всей арміи, — арміи столь много-
«численной и употребленной на такое важное предпрі-
«ятіе, зависимости отъ мороза, могущаго случиться нѣ-
«сколькими днями ранѣе или позднѣе.

«Дѣло въ томъ, что Наполеонъ предвидѣлъ, что въ
«октябрѣ настанетъ стужа, такъ какъ онъ въ іюлѣ
«предвидѣлъ необходимость собрать съѣстные припасы,
«достаточные для продовольствія своей арміи; но, увле-

«ченный нетерпѣливостью, онъ ни въ томъ ни въ дру-
«гомъ случаѣ не принялъ мѣръ для преодолѣнія ни
«голода ни стужи, которые предвидѣлъ.

«Въ двадцать второмъ бюллетенѣ сказано: «*Можно*
«*ожидать, что Москва-Рѣка и прочія рѣки въ Россіи*
«*замерзнутъ въ половинѣ ноября.*» Это должно было
«приготовить императора къ снѣгу и къ началу моро-
«зовъ пятью или шестью днями ранѣе.

«Въ двадцать шестомъ бюллетенѣ признана необхо-
«димость зимнихъ квартиръ, и императоръ представ-
«ленъ, съ видомъ самодовольствія, осматривающимъ во-
«кругъ себя, гдѣ бы ему избрать квартиры, на югѣ
«ли Россіи, или въ пріязненныхъ владѣніяхъ Польши.
«*Время прекрасное*, говоритъ бюллетень, *но должно*
«*ожидать холода въ первыхъ числахъ ноября, и слѣд-*
«*ственно должно заботиться о зимнихъ квартирахъ:*
«*особенно кавалерія имѣетъ въ нихъ нужду*. Невозмо-
«жно, чтобы тотъ, передъ глазами котораго составля-
«лись эти бюллетени, или тотъ, кто составлялъ ихъ,
«самъ былъ изумленъ выпаденіемъ снѣга 6 ноября:
«это такое событіе, вѣроятность котораго была пред-
«видѣна, но противъ котораго не взято было предосто-
«рожностей».....

Далѣе говоритъ авторъ о забытіи начальствомъ велѣть
перековать лошадей и запастись подковами.

«Въ-третьихъ, хотя безъ сомнѣнія суровость погоды
«значительно умножала бѣдствія и потери арміи, имѣв-
«шей недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ одеждѣ

«и подвергавшейся всякаго рода нуждамъ, однако жъ «она не была первою, и ни съ какой точки зрѣнія, «главнѣйшею причиною этихъ бѣдствій. Читатель дол-«женъ припомнить походъ черезъ Литву: Наполеонъ, «не бывъ пораженъ ни разу, потерялъ десять тысячъ «лошадей и около ста тысячъ людей уже тогда, когда «онъ проходилъ страною дружелюбною. Развѣ эта по-«теря, случившаяся въ іюнѣ и въ іюлѣ, была причи-«нена *ранимъ* снѣгомъ, какимъ называютъ снѣгъ, вы-«павшій 6 ноября? Совсѣмъ нѣтъ: причину этому на-«ходятъ, какъ говоритъ бюллетень, въ неизвѣстности, «въ томленіи, въ маршахъ и контръ-маршахъ войскъ, «въ ихъ усталости, въ претерпѣніи нуждъ, словомъ, «въ этой системѣ усиленныхъ переходовъ, которая «впрочемъ не доставила Наполеону ни какой существен-«ной выгоды, — системѣ, всегда стоившей ему около «четвертой части арміи, прежде нежели она доводила «ее до какого-нибудь сраженія *. Если предположимъ, «что онъ оставилъ на обоихъ флангахъ и позади себя «силу изо ста двадцати тысячъ человѣкъ, подъ коман-«дою Макдональда, Шварценберга, Удино и другихъ «военачальниковъ, то онъ началъ настоящее шествіе на «Россію съ двумя стами тысячами. Половина этой зна-«чительной силы погибла прежде прибытія его въ Мо-«скву, въ которую онъ вступилъ съ сотнею тысячъ че-«ловѣкъ. Усталость погубила множество, битвы и гош-«питали поглотили остальныхъ. Наконецъ Наполеонъ «покидаетъ Москву 7 октября какъ городъ, гдѣ ему «нельзя уже было оставаться, хотя выходъ оттуда, «какъ онъ предвидѣлъ, былъ сопряженъ съ значитель-

* Мнѣніе совершенно ложное. Соч.

«ными затрудненіями. Тогда находилось подъ его на«чальствомъ около ста двадцати тысячъ человѣкъ. Ар«мія его умножена была до этого числа присоединені«емъ къ ней выздоровѣвшихъ бродягъ и командъ, при«бывшихъ изъ резервовъ. Онъ далъ сраженіе безполез«ное, хотя и съ честію выдержанное, при Малояро«славцѣ; не успѣлъ пробить себѣ дороги къ Калугѣ и «Тулѣ, и принужденъ былъ бѣжать черезъ Бородино «по разграбленной и опустошенной Смоленской дорогѣ. «На этомъ пути онъ далъ сраженіе подъ Вязьмою, въ «которомъ потеря Французовъ была весьма значитель«на; его колонны были безпрестанно тревожимы каза«ками, и онъ лишился многихъ тысячъ плѣнными. Два «сраженія, столь кровопролитныя, не считая притомъ «разбитія Мюрата и безпрестанно возобновляемыхъ сты«чекъ, стоили Французамъ, убитыми и ранеными, — «потому что каждый раненый былъ уже погибшимъ «для Наполеона, — по-крайней-мѣрѣ двадцати пяти «тысячъ человѣкъ. Наконецъ наступило 25 октября. До «того дня еще не видали клока снѣгу, который въ са«момъ дѣлѣ пошелъ тогда уже, когда Наполеонъ испы«талъ большую часть бѣдствій, потому что въ то время «фланги его и резервъ выдержали уже жестокія сра«женія и понесли большіе уроны, не получивъ ни ка«кой существенной выгоды. Такимъ образомъ почти «три четверти арміи, которую онъ привелъ въ Россію, «были разрушены, а остальная четвертая часть была «приведена въ жалкій безпорядокъ еще до выпаденія «снѣга, которому онъ потомъ заблагоразсудилъ припи«сать неудачу свою.....

«Конечно, когда наступила чрезмѣрная стужа, тогда

«нужды и потери Французской арміи еще умножились; «но зима была *только союзницею* Русскихъ, а не, какъ «тогда думали, *единственною ихъ защитницею:* отсту- «пленіе Наполеоновой арміи совершилось подъ остріями «казачьихъ пикъ прежде, нежели морозы сѣвера пону- «дили ее къ отступленію.»

Изо всѣхъ этихъ выписокъ можно заключить слѣду- ющее:

Непріятельская армія, выступивъ изъ Москвы 7 октября с. ст. шла *хорошею погодою*, по словамъ г-на Шамбре и г-на Жомини, до 28 октября, то есть, двадцать однѣ сутки, а по словамъ Гурго до 25 октября, то есть, восемнадцать сутокъ. Но отъ этого числа армія въ теченіе трехъ сутокъ, по словамъ Шамбре, Жомини и самого Наполеона, или въ теченіе пяти сутокъ по словамъ Гурго, *претерпѣла стужу*, которая, по термометрическому наблюденію Шамбре, простиралась отъ 12 до 17 градусовъ, а по словамъ Жомини отъ 3 до 8 градусовъ. Далѣе, всѣ писатели соглашаются уже въ томъ, что во время переходовъ Французской арміи отъ Смоленска до Орши стужа весьма уменьшилась, и если позволено мнѣ прибѣгнуть къ моей собственной памяти, то смѣло могу увѣрить, что тогда морозы простирались отъ 2° до 4 градусовъ. Наконецъ Шамбре, Гурго и Жомини соглашаются въ томъ, что отъ Орши до Березины продолжалась оттепель. Послѣдній упоминаетъ даже объ опасности, представившейся при переправѣ черезъ Днѣпръ подъ Оршею 8 ноября, а мы помнимъ, что, при переходѣ черезъ эту рѣку корпуса Нея при Гусиновѣ, большая часть его тяжестей и цѣ-

которая часть войска этого отряда обрушились подъ ледъ и погибли.

И такъ, во все время шествія Французской арміи отъ Москвы до Березины, то есть, въ теченіе двадцати шести дней, стужа, *хотя и не чрезвычайная* (отъ 12 до 17 градусовъ), продолжалась не болѣе трехъ сутокъ по словамъ Шамбре, Жомини и Наполеона, или пяти сутокъ по словамъ Гурго.

Между-тѣмъ Французская армія, при выступленіи своемъ изъ Москвы состояла, по списку Французскаго главнаго штаба, отбитому нами во время преслѣдованія изо 110,000 человѣкъ свѣжаго войска, а по словамъ всѣхъ историковъ кампаніи, представляла только 45,000 по прибытіи своемъ къ берегамъ Березины. Какъ же подумать, чтобы ста-десяти-тысячная армія могла лишиться шестидесяти пяти тысячъ человѣкъ единственно отъ трехъ или пяти-суточныхъ морозовъ, тогда, какъ гораздо сильнѣйшіе морозы въ 1795 году въ Голландіи, въ 1807 во время Эйлауской кампаніи, продолжавшейся около двухъ мѣсяцевъ сряду, и въ 1808 въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ въ теченіе всей зимней кампаніи, скользили, такъ сказать, по поверхности Французской арміи, не проникая въ средину ея, и отстали отъ ней, не разрушивъ ни ея единства, ни устройства?

Все это приводитъ насъ къ тому увѣренію, что не стужа, а другое обстоятельство причиною разрушенія гигантскаго ополченія.

Читая представленныя мною выписки, можно ясно видѣть согласіе всѣхъ историковъ кампаніи на счетъ причинъ событія. Они полагаютъ, что эти причины состоятъ, во-первыхъ, въ голодѣ, претерпѣнномъ Французскою арміею; во-вторыхъ, въ безпрерывныхъ усиленныхъ переходахъ, и, въ-третьихъ, въ кочевьѣ подъ открытымъ небомъ.

Соглашаясь отчасти съ ними, я предлагаю вопросъ: что обыкновенно производитъ голодъ въ арміяхъ? Дѣйствованіе или шествіе армій по безплодному или опустошенному краю, безъ обозовъ, наполненныхъ съѣстными припасами, или, какъ технически ихъ называютъ, безъ подвижныхъ магазиновъ.

Казалось, что это двойное несчастіе не должно было угрожать Французской арміи, потому что, при выступленіи ея изъ Москвы, она, по словамъ самого Наполеона, несла на себѣ и везла съ собою на двадцать дней провіанта *. Сверхъ-того, какъ всѣмъ извѣстно, она имѣла намѣреніе и направляла всѣ усилія, чтобы, прибывъ прежде насъ черезъ Малоярославецъ въ Калугу, итти оттуда на Юхновъ и Рославль къ Днѣпру по краю невредимому и изобилующему съѣстными припасами, и быть преслѣдуемой нашею арміею съ тылу, *а не съ боку*, какъ это случилось.

Такимъ образомъ Французская армія никогда бъ не имѣла недостатка въ пищѣ; переходы ея могли бъ быть

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon, tome II, pag. 113.

производимы безъ поспѣшности, потому что никто не угрожалъ бы пресѣченіемъ пути ея отступленія, и производимы подъ прикрытіемъ сильнаго арріергарда, котораго войска смѣнялись бы черезъ каждые нѣсколько дней свѣжими отрядами; она была бы въ возможности безпрепятственно располагать на квартиры, если не всѣ свои корпуса, по-крайней-мѣрѣ бо́льшую часть ихъ, и это доставило бы покой ея войскамъ на ночлегахъ и укрыло бы ихъ отъ стужи. Малаго не доставало, чтобы не удалось это предпріятіе. Уже снабженная, какъ я выше сказалъ, на двадцать дней провіантомъ, обогнувъ потаенно оконечность лѣваго фланга нашей арміи, занимавшей Тарутинскую позицію, Французская армія почти касалась до той точки, отъ которой можно было ей отступать въ довольствіи всего и никѣмъ нетревожимой. Вдругъ, партизанъ Сеславенъ выхватываетъ солдата изъ колоннъ главной Французской арміи, даетъ о томъ знать Ермолову, начальнику Главнаго Штаба 1-й арміи, находившемуся тогда съ корпусомъ Дохтурова въ Аристовѣ; тотъ немедленно извѣщаетъ Кутузова, и самъ спѣшитъ занять Малоярославецъ до его прибытія; Кутузовъ съ своей арміею летитъ отъ Тарутина туда же, и заслоняетъ Наполеону Калужскій путь, отбиваетъ его отъ изобильнаго края, по которому онъ намѣревался слѣдовать, и принуждаетъ его предпринять отступленіе по пути опустошенному. Еще при Французской арміи находилось на двадцать дней пищи, но и это вспомогательное средство вскорѣ исчезаетъ. Кутузовъ бросаетъ вслѣдъ за нею всю свою легкую конницу, и въ трое сутокъ не остается у непріятеля ни одной подводы съ провіантомъ. Наконецъ представляется послѣдній способъ къ прокормленію этой

арміи: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ опустошеннаго пути, по которому прошла она лѣтомъ, находились еще деревни, не совершенно ограбленныя; онѣ могли бы снабдить ее хоть малымъ количествомъ пищи. Но и на фуражированіе въ этихъ деревняхъ нельзя было ей рѣшиться съ тѣхъ поръ, какъ многочисленная легкая конница наша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмѣливалось отдѣляться на одинъ шагъ отъ большой дороги. И вотъ Французская армія идетъ по опустошенному пути, безъ обозовъ, наполненныхъ пищею, и не смѣетъ посылать фуражировъ въ придорожныя деревни. Что жъ этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутинѣ; заслоненіе Калужской дороги при Малоярославцѣ; отстраненіе непріятельской арміи отъ края, изобилующаго съѣстными припасами; принужденіе его итти по Смоленскому разоренному пути; взятіе легкою конницею нашею непріятельскихъ обозовъ съ пищею; окруженіе ею Французскихъ колоннъ отъ Малоярославца до Нѣмана, не позволявшее ни одному солдату отлучаться отъ большой дороги для отысканія себѣ пищи и пріюта.

Въ такомъ положеніи Наполеону необходимо было спѣшить къ магазинамъ своимъ въ Литвѣ: но какъ спѣшить съ войскомъ, у котораго нечѣмъ подкрѣпить себя послѣ каждаго перехода, и которое слѣдственно становится съ каждымъ днемъ неспособнѣе къ физическимъ усиліямъ? Какъ было, между-тѣмъ, и медлить для отдохновенія, или употреблять короткіе переходы? Отдохновенія, какъ бы ни были продолжительны, переходы какъ бы ни были коротки, не въ состояніи, безъ пищи, подкрѣплять сами собою человѣка голоднаго! Кто-

му жъ, вотъ гдѣ оказывается превосходство флангова-го марша Кутузова: чѣмъ продолжительнѣе были бы Наполеоновы привалы и стоянки, чѣмъ переходы были бы короче, словомъ, чѣмъ медленнѣе происходило бы движеніе его до Литвы, тѣмъ Кутузовъ, слѣдуя съ своей арміею параллельно Французской арміи по краю изобильному и никѣмъ еще не прикосновенному, по которому въ началѣ намѣревался слѣдовать Наполеонъ, болѣе и болѣе опережалъ бы его, болѣе и болѣе угрожалъ бы заслоненіемъ единственнаго пути отступленія, —Смоленской дороги. И такъ безпрерывные переходы, которые, по словамъ иностранныхъ писателей, были, не менѣе голода, причиною гибели Французовъ, произошли отъ той же причины, отъ которой и голодъ, съ прибавленіемъ къ ней еще фланговаго марша Кутузова, грозившаго заслонить имъ путь отступленія. Что касается до кочевій подъ открытымъ небомъ, то и онп— слѣдствіе общей причины, произведшей и голодъ и безпрерывные переходы: путь, по которому противъ воли своей долженствовала слѣдовать Французская армія, разоренный отчасти войсками нашими во время нашего отступленія лѣтомъ и окончательно опустошенный непріятелемъ, насъ преслѣдовавшимъ, не представлялъ ни избы ни сарая для пріюта; а безпрерывный надзоръ и наѣзды легкой конницы нашей и поспѣшность, необходимая для достиженія края, болѣе изобилующаго съѣстными припасами, не позволяли Французамъ ни отдѣлять малыя части войскъ за черту большой дороги для отысканія себѣ пріюта, ни отстранять большой громады войскъ отъ прямаго пути, чтобъ не увеличить окружными путями разстоянія, отдѣляющаго армію отъ избранной ею мѣты.

Словомъ, подведя къ одному знаменателю всѣ три причины гибели Французской арміи, мы видимъ, что гибель проистекла, какъ я выше сказалъ, изъ отстраненія непріятельскихъ силъ Кутузовымъ отъ изобильнаго края, по которому хотѣли онѣ слѣдовать; отъ обращенія ихъ на путь опустошенный; отъ успѣшнаго дѣйствія легкой нашей конницы, отнявшей у ней обозы съ пищею и не позволявшей ни одному солдату уклоняться съ большой дороги для отысканія пищи и убѣжища; наконецъ отъ фланговаго марша нашей арміи, который угрожалъ Наполеону пресѣченіемъ единственнаго пути отступленія.

Но неужели можно ограничить гибель Французской арміи этими причинами? Если бъ было такъ, ни одно ружье, ни одна пушка въ Русской арміи не закоптилась бы порохомъ; ни одинъ штыкъ, ни одна сабля, ни одна пика, не облились бы кровію непріятельской, — а мы помнимъ кровопролитныя битвы подъ Тарутинымъ 6 октября, подъ Малоярославцемъ 12 октября, подъ Вязьмою 23 октября, и подъ Краснымъ 5 и 6 ноября, не говоря уже о каждодневныхъ сшибкахъ непріятеля съ отдѣльными отрядами и даже съ корпусами нашими.

Соединивъ три приведенныя причины со всѣми этими битвами, мы можемъ подвести приблизительный итогъ урона Французской арміи, согласить наши исчисленія съ показаніями историковъ кампаніи и насчетъ количества непріятельскихъ силъ, погибшихъ во время отступленія отъ Москвы до Березины, и насчетъ того числа, которое прибыло къ берегамъ этой рѣки, и тѣмъ заключить разсужденіе.

Валтеръ-Скоттъ полагаетъ, что уронъ Французской арміи въ сраженіяхъ при Малоярославцѣ и при Вязьмѣ простирался до 25,000 человѣкъ: это чрезмѣрно! Я считаю, что это число тогда только будетъ вѣрно, когда мы къ двумъ сраженіямъ, при Вязьмѣ и Малоярославцѣ, присоединимъ сраженіе при Тарутинѣ, сшибку Платова при Колоцкомъ монастырѣ и другія частныя битвы, случившіяся до Смоленска.

Потомъ, по спискамъ плѣнныхъ, которые взяты были подъ Краснымъ,— спискамъ, составленнымъ при отправленіи плѣнныхъ въ нѣдра Россіи, — мы видимъ, что число ихъ состояло въ 21,170 нижнихъ чинахъ и 300 офицерахъ.

Наконецъ, полагая слишкомъ 18,000 человѣкъ,— что весьма умѣренно, — взятыхъ и убитыхъ легкою конницею, взятыхъ и убитыхъ крестьянами, замерзшихъ и погибшихъ на поляхъ сраженій отъ Смоленска до Березины, мы удостовѣримся, что Французская главная армія дѣйствительно подошла къ Березинѣ въ числѣ 45,000 человѣкъ, и что изо 110,000 выступившихъ изъ Москвы, пропало 65,000 человѣкъ, *но не отъ одной стужи,* какъ стараются въ томъ увѣрить насъ неловкіе приверженцы Наполеона или вѣчные хулители славы Россійскаго оружія, а посредствомъ, — что кажется я достаточно доказалъ, — глубокихъ соображеній Кутузова, мужества и трудовъ линѣйныхъ войскъ нашихъ, неусыпности и отваги легкой нашей конницы. Вотъ истинная причина гибели непріятельской арміи! Ничто другое. Все прочее есть выдумка, соображенная не безъ искусства, потому что ея изобрѣтатели знали что̀ дѣла-

ютъ, смѣшивая двѣ эпохи отступленія, столь рѣзко различествующія между собою. И подлинно, общее выраженіе — «Армія Наполеоновская погибла отъ стужи и мороза», это выраженіе, сливающее въ одно и эпоху ея отступленія отъ Москвы до Березины, и эпоху отступленія отъ Березины до Нѣмана, самимъ смѣшеніемъ двухъ эпохъ сокрываетъ истину, облекая ее неоспоримымъ фактомъ, — *стужею и морозомъ*, въ нѣкоторомъ отношеніи не чуждымъ истребленію Французской арміи. Вниманіе слушателей и читателей, легко привлекаясь къ этому факту, ощутительнѣйшему и слѣдовательно болѣе постигаемому общимъ понятіемъ, чѣмъ фактъ отвлеченный, состоящій въ соображеніяхъ и въ разборѣ движеній военныхъ, прилѣпляется къ нему всей силою убѣдительности, не требующей размышленія. Но чтобы извлечь истину изъ этого сложнаго состава, слѣдуетъ только, отдѣливъ одну эпоху отъ другой, прибѣгнуть къ вопросу о времени настиженія губительнаго феномена природы, — наступило ли оно въ первую или во вторую эпоху отступленія непріятеля, или свирѣпствовало оно въ обѣ эпохи?

Доказано уже, что въ теченіи двадцати шести дней, составляющихъ первую эпоху, морозъ отъ 12° до 17 градусовъ, продолжался не болѣе *трехъ* или *пяти* сутокъ, а во второй, морозъ достигъ отъ 20° до 21 градусовъ и продолжался двадцать одинъ день почти безпрерывно.

Такъ, въ первой эпохѣ, вліяніе холода было весьма слабо на непріятельскую армію, — во второй, истинно для нея губительно..

Но дѣло въ томъ, что уже въ концѣ первой эпохи, то есть, уже у береговъ Березины, непріятельской арміи не существовало: я говорю объ арміи въ смыслѣ военномъ, объ арміи вооруженной, устроенной, твердой чинопослушаніемъ, и слѣдственно способной къ стройнымъ движеніямъ и битвамъ. Единая часть ея, еще находившаяся въ этомъ положеніи, состояла изъ корпусовъ маршаловъ Удино и Виктора, пришедшихъ отъ Полоцка, совершившихъ свой переходъ въ одно время съ главною арміею, которая бѣжала отъ Москвы къ Березинѣ, подобно ей перенесшихъ трехъ или пяти-суточный морозъ и ни мало не потерявшей отъ этого ни своего устройства ни числительной силы, — потому что причины, разрушившія и устройство и числительную силу главной арміи, не существовали при отступленіи корпусовъ Удино и Виктора. Когда подошла вторая эпоха, то есть, когда всѣ эти войска перешли за Березину и настигла смертоносная стужа, тогда, какъ я сказалъ, арміи, въ смыслѣ военномъ, уже не существовало, и ужасное явленіе природы губило уже не армію способную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся безъ начальства, безъ послушанія, безъ устройства, даже безъ оружія, — или, губило армію, приведенную въ такое положеніе не стужею и морозами, а причинами, которыя здѣсь представлены.

И на все сказанное мною не опасаюсь возраженій, — вызываю ихъ; бросаю перчатку: подымай, кто хочетъ!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

По поводу этой статьи, напечатанной уже въ журналѣ *Библіотека для Чтенія*, г-нъ редакторъ этого

журнала пригласилъ любителей Отечественной Исторіи, прибѣгнуть къ архиву бывшаго Виленскаго университета, для отысканія точныхъ свѣдѣній о состояніи воздуха во второй половинѣ 1812 года изъ вѣдомостей, представленныхъ гимназіями тѣхъ губерній, чрезъ которыя Наполеонъ совершалъ свое отступленіе. Виленская Астрономическая Обсерваторія доставила ему изъ метеорологическихъ книгъ все, что касается до состоянія Реомюрова термометра въ Вильнѣ, съ 1-го августа по 31-е декабря того года; но ни въ архивѣ университета, ни на обсерваторіи не отыскалось ничего о термометрическихъ наблюденіяхъ въ другихъ губерніяхъ, по причинѣ разстройства учебныхъ заведеній грозой военной. Какъ ни мало удовлетворительны доставленные въ *Библіотеку для Чтенія* документы, представляющіе состояніе температуры въ одной только Вильнѣ, которой географическая широта южнѣе Смоленской 6, а Оршенской 11 минутами, и которой долгота простирается отъ 6 до 7 градусовъ къ востоку *, при всемъ томъ можно ясно видѣть, что до 23 ноября, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Вязьмѣ и въ Смоленскѣ, положеніе воздуха не доходило до той смертоносной стужи, о какой чужеземцы стараются разглашать по всему свѣту.

Чтобы дополнить возраженія мои на молву болѣе и болѣе временемъ укореняющуюся, я представляю здѣсь выписку изъ Виленской вѣдомости. Въ этой выпискѣ

	Широта.	Долгота отъ Ферро.
* Вильно	54° 41′ 2″	42° 57′ 23″
Смоленскъ	54. 47. 15.	49. 45. 5.
Орша	54. 30. 22.	48. 5. 21.

означены измѣненія высотъ Реомюрова термометра въ Вильнѣ, со дня отступленія Французской арміи изъ Малоярославца до совершенія переправы ее черезъ Березину. Я далѣе не выписываю потому, что какъ я уже сказалъ, за Березиной Французской арміи, въ смыслѣ военномъ, уже не существовало.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СРА

Вилкиской А
ческой Обс

чис

Октября 15
— 16
— 17
— 18
— 19
— 2
— 2
— 2
— 2

—

—
—
—
—
—
—
—

Ноябр
—
—
—
—
—
—

—
—
—
—

—
—
—
—
—

означены
Вильнѣ,
Малоярос
резину.
уже сказа
слѣ военн

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 447 090

